

Б. М. Бим-Бад

Подготовка к власти: документальное повествование о политической педагогике

Введение

Человечество создало колоссальный пласт культуры - "воспитание принцев", или "политическую педагогику". Его предмет - теория и практика подготовки людей к управлению странами, империями и к участию в управлении миром.

Политическая педагогика актуальна и сегодня. Беря из прошлого не пепел, но огонь, вводя поправочные коэффициенты на особенности наших дней, мы можем извлечь из истории серьезные и полезные уроки для решения наших назревших проблем.

В XXI веке будущие лидеры России столкнутся с весьма сложными проблемами, для разрешения которых им предстоит обладать многими совершенствами, талантами и неподдельными достоинствами. Это и разносторонние познания, и мощный интеллект, и осознанная нацеленность на добро, и колоссальная сила воли, и творческий потенциал.

Им придется быть ораторами, полемистами, борцами, теоретиками и практиками, философами и учеными, миротворцами и военными.

Им предстоит напряженный сложный труд, который требует работоспособности и самоотверженности. Но более всего им понадобится мудрость и величие души.

Чтобы готовить к власти молодых представителей нашей сегодняшней элиты, надобно располагать совершенно особыми педагогическими технологиями, которые гарантировали бы предельно достижимый уровень успеха. Содержание, организацию, методологию и методику столь высокоэффективной школы невозможно изобрести к случаю. Способы достижения поставленных целей должны быть проверены бесспорно удачной и весьма широкой практикой, обязаны опираться на доказавший свою безотказную действенность отечественный и мировой опыт.

Обратимся же к лучшим страницам политической педагогики.

Один из наиболее подготовленных к осуществлению властных полномочий правителей мира - Божию милостию Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая и прочая, и прочая, Александр II Николаевич. Благодаря совершенно особому стечению обстоятельств, подчас граничащему с чудом, а, может быть, в результате совершенно закономерного развития исторических тенденций император Александр II с молодых ногтей и до момента восшествия на престол был в почти непрерывном учении в очень трудной школе, сознательно и уверенно готовившей его к великой службе великой стране.

Ни ранее, ни позднее не было в истории России человека, которого столь тщательно готовили бы к исполнению высшей государственной должности.

Кардинальное звено в подготовке великого князя Александра к его миссии – так называемая Маленькая школа. Эта школа вобрала в себя вековую культуру дворцового воспитания, ценности политической мудрости, достижения политической педагогики, отечественные традиции. Именно в этой школе сосредоточены и воплощены в действительность и мысли, и опыт воспитания к политической мудрости, к мужеству и человечности, к подвигам и доблести.

Главные действующие лица в интересующей нас драматической истории: император Николай I, отец и воспитатель Александра II Освободителя; сам Александр Николаевич;

гениальный и образованнейший педагог, поэт, составивший эпоху в русской литературе, благодетель и спаситель многих представителей русской культуры,

ратоборец за правое дело, человек святой и жертвенной жизни Василий Андреевич Жуковский, автор плана воспитания наследника престола, организатор и руководитель "Маленькой школы", в которой училось его высочество Александр Николаевич;

Михаил Михайлович Сперанский, великий юрист, реформатор правовой и образовательной системы России, наряду с Александром I создатель Царскосельского лицея, педагогический мыслитель, друг Пушкина и Жуковского, один из учителей будущего императора Александра II;

Александр Сергеевич Пушкин, выпускник лицея, ученик и друг Жуковского, национальный поэт и умнейший муж России.

Глава 1. Психологический климат первоначальной подготовки будущего императора

Николая I специально не готовили к трону. Он всю жизнь жалел о том, что не получил должного образования. Однако царь (что многократно засвидетельствовано авторитетными современниками) проявлял компетентность в многоаспектных юридических проблемах. М. М. Сперанский отмечал, что государь говорит, как профессор.

Когда Николай I взошел на престол, он уделил огромное внимание воспитанию и обучению своего сына цесаревича Александра, родившегося 17 апреля 1818 г.

В первые годы своей жизни Саша попал в ласковые руки женщин: его воспитательницами стали Ю. Ф. Баранова и Н. А. Тауберг, а боннами - М. В. Коссовская и англичанка А. А. Кристи. До шестилетнего возраста жизнь великого князя не была обременена чрезмерными заботами. Зимой он жил с родителями в Аничковом дворце, а летом выезжал в Павловск к бабушке Марии Федоровне, которая успешно командовала внуком.

С шести лет первым и главным офицером-воспитателем цесаревича Александра, его своеобразным "дядькой", дневавшим и ночевавшим с ним вместе на протяжении почти десяти лет, был Карл Карлович Мёрдер (1787—1834), профессиональный военный, окончивший Первый кадетский корпус. В 1805—1807 гг. он корнетом участвовал в войне с Наполеоном и за проявленную храбрость был награжден орденом.

Под Аустерлицем Мёрдер был тяжело ранен, здоровье его расстроилось, и его перевели служить по военно-учебному ведомству, причем он был назначен дежурным офицером в тот же Первый кадетский корпус.

Когда в Петербурге была создана школа гвардейских прапорщиков, которую великий князь Николай Павлович принял "под личное заведование", то ротным командиром, в котором начальство видело "ближайшего руководителя" молодых людей, был назначен Карл Карлович Мёрдер. Частое общение с Мёрдером утвердило Николая I Павловича в мнении, что тот является образцовым воспитателем, и потому начиная с лета 1824 г. воспитание старшего сына Николая Павловича было возложено на Мёрдера, причем не только по выбору великого князя, но и с благословения императора Александра I.

Главной задачей, поставленной перед ним родителями Саши, являлось военно-физическое воспитание великого князя, включавшее обучение верховой езде, знакомство с военными уставами, строевой подготовкой и приемами с оружием, гимнастические упражнения. Вскоре Александр увлеченно гарцевал на парадах и разводах, отдавая звонким голосом команды гвардейским гусарам. Однако только военными занятиями воспитатель великого князя ограничиться, к счастью, не захотел. В своем дневнике, к которому мы еще будем обращаться, Мёрдер писал: "Государь дал мне то, что для него и для целой России всего драгоценнее. Да

поможет мне Бог исполнить свое великое дело. Буду считать себя несчастным, если не достигну того, что он будет считать единственным наслаждением – помогать несчастным".

Мёрдер достиг этой цели.

В 1834 году, когда цесаревичу было почти что 16 лет (время совершеннолетия для наследника престола и принятия присяги на верность России), Карл Карлович Мёрдер скончался. Пушкин писал в своем дневнике:

"Мёрдер умер, - человек добрый и честный, незаменимый. В. <еликий> кн. <язь> еще того не знает. От него таят известие, чтобы не отравить его радости. – Откроют ему после бала 28-го. . . ."

Василий Андреевич Жуковский так отозвался на уход Мёрдера:

"24 марта скончался в Риме генерал-адъютант Карл Карлович Мёрдер после пятидневной горячки, причиненной простудой. / . . . /

Из сорока шести лет жизни своей посвятил он тридцать на службу государю, и последние десять провел безотлучно при особе его высочества наследника, коего воспитание было ему вверено. Отменно здравый ум, редкое добродушие и живая чувствительность, соединенные с холодной твердостью воли и неизменным спокойствием души, таковы были отличительные черты его характера. С сими свойствами, дарованными природою, соединял он ясные правила, извлеченные им из опытов жизни, правила, от коих ничто никогда не могло отклонить его во поступках. Спокойно и смиренно действовал он в кругу своих обязанностей, руководимый одною совестью, верный долгу, без честолюбия, без видов корысти, строгий с самим собою и удивительно добродушный с другими.

Десять лет, проведенных им при великом князе, конечно, оставили глубокие следы на душе его воспитанника; но в данном им воспитании не было ничего искусственного: вся тайна состояла в благодетельном, тихом, но беспрестанном действии прекрасной души его, действии, которое можно сравнить с благорастворением воздуха, необходимым для жизни и полного развития растений. Его питомец был любим нежно, жил под святым влиянием простодушия, честности, благородства; он окружен был порядком; самая строгость принимала в нем выражение нежности; он слышал один голос правды, видел одно бескорыстие – могла ли душа его, от природы благородная, не сохраниться свежою и непорочною, могла ли не полюбить добра, могла ли в то же время не приобрести и уважения к человечеству, столь необходимого во всякой жизни, особливо в жизни близ трона и на троне?

Будем же радоваться, что душа наследника России на рассвете своем встретила и породнилась с прекрасною душою Мёрдера. "

Карл Карлович оставил "Записки воспитателя" (Русская старина. 1885. № 2—9). Приведем небольшие отрывки из этих воспоминаний. Они свидетельствуют и о трудностях воспитания великого князя (особенно в период отрочества), и очень точно характеризуют психологическую атмосферу, в которой он учился у отца, у Жуковского и других преподавателей.

К. К. Мёрдер. Записки воспитателя. 1826-1832.

1826 год.

28 июля. < . . . > Вчера Александр Николаевич рассматривал со мною сокровища Оружейной палаты. Каждая вещь здесь твердит о неизменной славе русского оружия.

30 июля. Вчера переехали мы в дом графини Орловой; он в городе верстах в 5-ти от Кремля, на берегу Москвы реки.

< . . . > Библиотека графини служит нам учебной комнатою; четыре окна

представляют четыре картины. Стены уставлены шкафами, наполненными лучшими сочинениями.

< . . . > Сегодня в 7 часов утра Александр Николаевич, в полной парадной форме лейб-гвардии гусарского полка, поскакал к Петровскому дворцу; здесь сел на приготовленного для него арабского коня и полетел к императору, мимо коего уже проходили церемониальным маршем войска, в числе 67 000 человек. Вся Москва от мала до велика выехала и выбежала смотреть на величественную картину. Иностранные министры, с многочисленными свитами, умножали блестящую свиту императора, обращавшую на себя взоры всех зрителей, но появление наследника на чудесном коне, коим он управлял с невероятною ловкостью, все затмило; все взоры обратились на него, все были в неизъяснимом восторге; когда же он на фланге лейб-гвардии гусарского дивизиона проскакал мимо императора и с свойственною ему ловкостью к нему подъехал, все пришли в удивление. Сколь мне было приятно видеть то впечатление, которое производит великий князь на народ, выразить невозможно. В сыне своего государя подданные видели залог будущего счастья России.

< . . . >

1828 год.

27 апреля. Долго провожали Ее величество взоры великого князя; он не прежде оставил балкон, как потеряв вовсе из вида экипаж императрицы. Первым движением разлукою растроганных сердец была мысль пойти в церковь. Александр Николаевич усердно молился. Ездили в Павловск; осмотрев наши комнаты, возвратились в Царское Село. Великий князь, увидев полевой цветок, побежал сорвать его, сказав: "Я его отошлю в письме к мама". В кабинете Ее величества сорвал гелиотроп для того же назначения. Здесь все говорило ему о Их величествах: "Вот тут папа и мама обедали, здесь сидел папа, а тут мама. Где-то они теперь?" Первая свободная минута употреблена на письма к Ее величеству и великой княгине Марии Николаевне, которые просил императрицу Марию Федоровну отослать к императрице вместе с сорванными цветами. Остальную часть дня великий князь играл с товарищами, был весел, но по временам заметно было в нем нечто печальное, не свойственное его обыкновенно веселому нраву. Нежное чувство любви к родителям — одно из прекрасных качеств великого князя. Вечерний журнал свой он начал сими словами: "27 апреля — день для меня памятный: милая моя мама и Мери уехали в Одессу. Я много плакал".

15 июня. Павловск. Пятница. Дождь шел в продолжение целого дня; несмотря на то, мы гуляли пешком; возле Константиновского дворца сели в лодку и таким образом сократили путь наш водою. Остальное свободное от занятий время Александр Николаевич играл у себя в комнатах, маневрировал оловянными солдатами, строил крепости, окружал оные и брал штурмом. Все это делается с лицом весьма серьезным. Поведением и учением великого князя и его товарищей я был доволен.

16 июля. Суббота. Ее императорское величество государыня императрица Мария Федоровна и Ее императорское высочество великая княгиня Мария Павловна изволили присутствовать от 12 до 2 час. при уроке великого князя. Способ преподавания г. Жуковского общей грамматики чрезвычайно понравился Ее величеству: живость и ясность, с какою великий князь отвечал, служили доказательством, что тут ничего нет наизусть выученного и что он объясняемое совершенно постигает. Урок г. Жуковского был повторен г. Эртелем, на немецком языке, и также заслужил одобрение. Наконец, г. Калленс экзаменовал Александра Николаевича на французском языке, в общих определениях геометрии, которую обыкновенно преподает на русском языке. Таким образом государыня императрица

могла судить не только об успехах, сделанных великим князем в языках, но видеть связь и целостность всего учения Александра Николаевича, который, в полной мере, удовлетворил общим ожиданиям.

26 июня. Вторник. Поутру мы прогуливались в большом саду и у Елизаветина павильона; ездили на лодке. После обеда Виельгорскому пришла мысль начертить Дунай со всеми на нем лежащими крепостями; г. Юрьевич показал ему, каким образом следует за сие приняться. Едва великий князь увидел, взял карту и тоже начал работу. До сих пор я чрезвычайно доволен Виельгорским: благородное его поведение, милая детская веселость, искренняя дружеская привязанность к великому князю Александру Николаевичу и Паткулю, всегдашняя бодрость и необыкновенная точность в исполнении обязанности внушили к нему любовь и уважение обоим товарищам и родили в них похвальное чувство соревнования. Великий князь, от природы готовый на все хорошее, одаренный щедрою рукою природы всеми способностями, необыкновенно здравого ума, борется теперь с склонностью, до сих пор его одолевавшею, которая при встрече малейшей трудности, малейшего препятствия, приводила его в некоторый род усыпления и бездействия. Я теперь почти уже не имею надобности беспрестанно понуждать. Он теперь только начинает убеждаться в истине, что веселость и чистое удовольствие сердца имеют источником точное исполнение обязанностей. Вот неоцененная польза, которую приносит великому князю товарищ его Виельгорский. Великий князь любит Паткуля и любим взаимно, но Паткуль не любит заниматься, даже и в играх не имеет ничего постоянного.

4 июля. Среда. С сегодняшнего дня началось у нас в присутствии государыни императрицы Марии Федоровны полугодичное испытание. От 8 до 10 часов г. Жуковский экзаменовал в физике. От 12 до 2, он же, в общей грамматике. < . . . > В физике Александр Николаевич и Виельгорский получили по 21 баллу. Паткуль получил 17. В общей грамматике Александр Николаевич — 23, Виельгорский — 24, а Паткуль — 21.

7 июля. С сегодняшнего дня у нас начались каникулы, которые продолжатся до половины августа. Каждое утро от 7 до 8 часов употребится на повторение прежних уроков. От 8 до 10 часов время, назначенное для приятного чтения; в неделю назначается два дня для французского чтения. От 11 часов все прочее время дня — на прогулки и другие удовольствия. Я намереваюсь провести несколько дней в кадетском лагере, навестить Дудергоф, Тайцы, Колпино и другие места в окрестностях Павловска. Если погода нам будет благоприятствовать, то мы проведем время весело и не без пользы. Сегодня мы много ходили пешком и ездили верхом, потом купались. Я был доволен великим князем и его товарищами: они вели себя похвально.

1829 год

3 января. Вечером государь император приказал великому князю и Виельгорскому маневрировать в его присутствии. Его величество остался доволен распоряжениями великого князя и Виельгорского. Государь сам приказывал атаки против Виельгорского, который всякий раз умел обороняться. Так как в продолжение вечера великий князь показал странную вялость, то мы имели по этому предмету разговор о дурных следствиях, могущих произойти в будущем от его обыкновенной вялости, на что он мне отвечал, что "я желал бы не родиться великим князем". Я сказал ему, что если бы он хорошенько подумал о том, чем должен быть великий князь, ему бы скорее следовало благодарить Бога, поставившего его в свете таким образом, что от него зависит благоденствие миллионов людей. Это суждение с моей стороны заставило его сознаться, что он говорил, не подумавши хорошенько.

6 января. От 6 до 7 часов частные занятия, от 7 до 8 чтение Евангелия,

относящегося к сему празднику. От 8 до 9 собственные занятия. В 9 часов великий князь надел офицерский мундир лейб-гвардии Павловского полка и пошел к государю императору, с которым прошел в большие залы, в которых были выровнены гренадерские взводы от всех батальонов гвардейских полков. Государь император, проходя мимо павловского взвода, приказал великому князю встать во фронт, на место подпоручика; великий князь оставался во взводе в продолжение всей церемонии. После церемонии государь император поручил Александру Николаевичу угостить всех нижних чинов чаем. Вечером у великого князя было несколько мальчиков, они делали артиллерийское ученье с орудием. День проведен весьма приятно, и мне ни разу не пришлось сделать замечания ни великому князю, ни его товарищам.

7 января. Государь император, желая дать случай Его высочеству говорить по-польски, приказал мне пригласить к обеду флигель-адъютанта Гауке; против моего ожидания, великий князь несколько раз решался с ним заговаривать по-польски.

22 января. В 6 с половиной часов был, в присутствии их величеств, экзамен Александру Николаевичу, по предметам г. Жуковского. Ответы великого князя были отличны на все деланные ему вопросы. Их величества остались совершенно довольны экзаменом.

27 января. Великий князь провел утро как обыкновенно. В 2 часа присутствовал при молебне, по случаю взятия турецкой крепости Кале с 36 орудиями, 5 знаменами. Паша и весь гарнизон взяты в плен. К чаю я пригласил двадцать мальчиков, делали артиллерийское ученье; поведением великого князя был доволен; играли в разные игры; все были очень веселы. Я был доволен всем веселым обществом, но в особенности любезное обращение со всеми Александра Николаевича принесло мне много удовольствия. 31 января. Вечером был экзамен польского языка и английского; Их величества были весьма довольны успехами, сделанными в обоих языках, в особенности в польском. Великий князь переводил с русского на польский и писал по-польски без ошибок. Александр Николаевич был в восхищении, целовал учителей, г. Жуковского, Юрьевича и меня обнимал несколько раз.

2 февраля. Вечером Их величества присутствовали при экзамене в Законе Божием. Великий князь отличался в особенности, все ответы его были прекрасны и доказывали большую правильность суждения. Их величества были совершенно довольны и объявили совершенное удовольствие отцу Павскому. Государь император, обратившись к Жуковскому, сказал: "Мне приятно сказать вам, что я не ожидал найти в сыне моем таких успехов. Покойная матушка писала мне об этом, но, зная ее любовь к нему, я полагал, что она была слишком к нему снисходительна. Все у него идет ровно, все, что он знает, знает хорошо, благодаря вашей методе и ревности учителей; примите мою искреннюю благодарность". "Экзамен доказал вашему величеству, — сказал г. Жуковский, — что в состоянии сделать великий князь; я вижу сам, что экзамен был хорош, но по рапортам, которые ваше величество получать изволили, вы могли видеть, что из числа 26 недель у великого князя было отличных всего две, за учение и поведение. У Виельгорского 5, а у Паткуля 1. Это доказывает, что эти господа как в учении, так и в поведении имеют мало настойчивости, единственное качество, которое достойно уважения и без которого невозможно им позволить приобрести прилежанием и поведением права на обещанные им суммы для бедных. Мы будем, однако же, просить ваше императорское величество сделать им какое-нибудь удовольствие".

5 февраля. Во время урока г. Жилля Александр Николаевич заплакал потому, что сделал несколько орфографических ошибок во время письма под диктовку; ошибки эти сделаны только вследствие невнимания, и потому я просил г. Жилля отмечать на будущее время в журнале подобное поведение как дурное, ибо великий князь вместо того, чтобы думать об орфографических правилах, которые ему хорошо

известны, предпочитает отчаиваться, когда г. Жилль находит ошибки. Великий князь обещал отучиться от этой дурной привычки.

7 марта. Вечером великий князь и Виельгорский играли в военную игру в высочайшем присутствии. Государь император представил великому князю недостаток соображения, выказанный им сегодня, и ошибки, которые были следствием одного, указав дурные следствия плохо соображенных маневров. Великий князь был огорчен до слез.

20 марта. В продолжение урока истории Александр Николаевич выказал необыкновенную апатию и только к концу сделался внимательнее. У г. Эртеля было то же самое; государь император запретил Его высочеству подходить к нему при прощании вечером.

22 марта. Великий князь и его товарищи учились и вели себя прекрасно.

15 апреля. Великий князь занимался у г. Липпмана; около 9 часов пошел к Их величествам пожелать доброго утра. По возвращении принимал нескольких генералов и г. Крылова, баснописца.

22 апреля. Прилежание и поведение великого князя были примерны. Г-н Гумбольдт обедал у Его высочества и доставил нам в продолжение двух часов истинное наслаждение. Великий князь выразил желание иметь портрет этого ученого путешественника и получил от барона согласие на снятие с него портрета г. Соколовым.

10 июля. Великий князь занимался прилежно, и его товарищи тоже. Во время прогулки нашей на воде маленький корабль великого князя шел на буксире за нашею лодкою. Виельгорский приказал грести скорее, от чего корабль наклонило и залило водою. Великий князь крайне огорчился, слезы и негодование показались на лице его; но он то и другое скрыл. Я заметил в нем сильное движение и ожидал последствий. . . Великий князь, полагая, что за ним не наблюдают, схватил Виельгорского за шею, потряс его и дал ему несколько толчков. Поступок сей вынудил меня сделать ему весьма строгий выговор и объявить, что поступком сим он сам себя унизил, ибо выказал гнусное чувство мщения.

12 августа. Великий князь и его товарищи занимались прилежно и вели себя в продолжение дня похвально.

13 августа. Великий князь был чрезвычайно вял, слабость воли его меня нередко удивляет. Причиною сего полагаю необыкновенно быстрое физическое его развитие.

1830 год.

3 июня. Свободное от учения время великий князь поутру гулял пешком и поливал цветы на острове; после обеда играл у башни и писал письма. Вечером ездил верхом; возвратясь, купался в своей купальне на большом пруде. Вода содержала около 20° тепла. Великий князь страстный охотник купаться; если бы ему позволить, он сряду готов несколько часов пробыть в воде. День проведен весело, и я не имел причины быть недовольным великим князем.

15 июня. До 9 часов великий князь занимался приготовлением уроков; после обедни гулял, читал записки о полевой фортификации и купался.

1831 год.

10 сентября. С некоторого времени г. Жилль опять начал объяснять различные правила грамматики, и Его высочество, как и его товарищи, пишет под диктовку. Великий князь, заметив, что Паткулю случается делать меньше ошибок в орфографии, нежели ему, выказал далеко не похвальное: он менее заботится о том, чтобы делать меньше ошибок и заметить их хорошенько, чтобы избежать их впредь, нежели хлопочет об отыскании ошибок, делаемых Паткулем, и что еще хуже, радуется, когда оные находит.

2 октября. Поведение и прилежание Его высочества были похвальны; однако же

были минуты слабости, когда приходилось одолевать трудность; но на сей раз, по крайней мере, он сумел победить себя, и хотя урок г. Жилля начался дурно, окончен весьма хорошо.

20 октября. Сегодня утром получил я письмо от государыни императрицы, в котором Ее величество сообщает мне волю государя императора — ускорить отъезд наш в Москву и распорядиться таким образом, чтобы мы прибыли туда ранее первого числа будущего месяца. Его высочество великий князь, узнав от меня официально об отъезде своем, очень тому радовался. Первые слова, с которыми он ко мне обратился по получении сего известия, были следующие: "Виельгорский и Паткуль тоже поедут?" Получив утвердительный ответ, прыгал от радости.

7 ноября. Его высочество посетил соборы: Успенский и Архангельский, где покоятся все великие князья и цари наши от Калиты до Иоанна Алексеевича. Вот святилище российской истории. Взлезали на Ивана Великого и любовались ярко освещенною солнцем Москвою. Мы сделали прогулку пешком вдоль бульваров. Толпа, сопровождавшая Его высочество, была так велика, что я принужден был с ним сесть в экипаж. Крики "ура!" сопровождали его всюду. Вечером были в театре.

8 ноября. Утром великий князь занимался назидательным чтением. Читал Евангелие воскресенья. Был у развода. Вечером был большой бал в Кремлевском дворце, в котором мы провели ночь. Его высочество был в кавалергардском красном мундире, в чулках и башмаках; он прелестно хорош, зато и вскружил всем головы. Своею приветливостью, вниманием и милой обходительностью умел он привлечь к себе сердца всех его видевших. Я им весьма доволен, а угодить мне нелегко.

12 ноября. В продолжение целого дня великий князь говорил об удовольствиях последнего бала. Между прочим, спросил у меня, которая из московских девиц более мне понравилась; я отвечал, что, по-моему, всех милее княжна Анна Щербатова; он улыбнулся и прибавил: "Да, решительно, она самая миленькая и самая хорошенькая".

16 ноября. Великий князь начал свои уроки, как будто они не были прерваны; внимание его в продолжение всех уроков было похвально.

28 ноября. В 7 часов вечера Их величества изволили прибыть в вожделенном здравии в Зимний дворец. Была истинная радость слышать радостные восклицания всей царской фамилии, происходящие от великого удовольствия снова увидеться после шестинедельной разлуки. Решительно можно сказать, что мало отцов семейства, которые были бы счастливее в своем семействе государя, который мог бы быть счастливейшим человеком, если б его большое семейство имело хоть тень сходства с его малым семейством.

7 декабря. Несмотря на то, что Его высочество лег спать в 12 часов, он должен был встать в 6 часов и приготовить уроки. От 9 до 10 гуляли пешком, от 12 до часу у великого князя был урок верховой езды, от 8 до 9 гимнастика; при всем этом усталости не было заметно.

11 декабря. Весьма хороший день в отношении ученья, можно было бы сказать то же в отношении поведения, если бы я не был принужден сделать строгое замечание великому князю за страсть его к спорам, что показывает желание быть правым, а желание это может быть порождено гордостью, грехом смертельным.

12 декабря. Во время урока г. Огюста Его высочество выказал нетерпеливость при замечаниях во время вальса. С некоторых пор я замечаю, что великому князю случается чаще показывать нетерпение, когда ему делают замечание, и что желание быть правым растет день ото дня больше и больше. Ему невозможно с первого раза быть виноватым.

1832 год.

11 января. Великий князь не имел времени приготовить урок для г. Варранда, он

получил отметку хуже, чем его товарищи, за что получил выговор от государя императора, и так как он не выучил урока, то, по нашим правилам, ел один суп.

17 января. Его высочество занимался с прилежанием во время собственных занятий и показал большое внимание во время беседы с отцом Павским. Их величества изволили поручить великому князю поздравить княгиню Н. Голицыну с днем ее рождения. Он исполнил это прекрасно. Надо отдать справедливость Его высочеству, он любезен не по летам и в особенности с дамами, которые все вообще от него в восхищении.

12 марта. По результату экзаменов видно, что Виельгорский более всего сделал успехов. Паткуль во всех предметах был последним. Великому князю единственно недостает только доброй воли.

18 июня. Мы ездили в город, чтобы проститься с Василием Андреевичем Жуковским, который уже находился на пароходе "Наследник Александр", чтобы ехать в Кронштадт, где его ожидал пароход "Николай". Великий князь был очень огорчен его отъездом, особенно в столь расстроенном состоянии здоровья. С сегодняшнего дня начнутся наши вакации. Вечером был у Ее величества бал; великий князь оставался до 11 часов.

23 июня. Великий князь занимался снятием вида с коттеджа, со стороны моста; он готовит этот рисунок в подарок государю императору ко дню его тезоименитства.

9 июля. Великий князь был на ученье с 1-м кадетским корпусом; он в первый раз командовал взводом за офицера и исполнял обязанность свою довольно хорошо. Вернувшись к себе, Его высочество писал письмо к г. Жуковскому; я сделал ему замечание на его дурной почерк, это ему не понравилось, и он отвечал мне неприличным образом; тогда я приказал ему переписать письмо и в то же время объявил, что на будущее время я прикажу г. Рейнгольду занимать его чистописанием; видя, что дело становится серьезным, он почувствовал свою вину и просил извинения.

2 августа. Сегодня начались уроки у нас. Военно-учебные заведения выступили из лагеря; государь наследник в 6 часов вечера к ним присоединился и проводил их до дачи г. Мятлева. Дождь шел, и дорога была чрезвычайно грязна.

13 августа. Всю неделю великий князь занимался во время уроков и в приготовительные часы с большим прилежанием. Поведением его я был бы доволен, если бы не приходилось делать ему несколько раз замечаний насчет неуместных шуток.

19 августа. В исполнении собственных занятий для г. Плетнева Его высочество показал непростительную беспечность, он не может привыкнуть исполнять добросовестно долг свой. Лень его одолевает во всем, препятствует в особенности углубляться в работу; когда должно начать занятие, он колеблется, робеет и не знает, как приняться.

20 августа. Великий князь не хорошо приготовил урок для г. Юрьевича. Его высочество и его товарищи получили дурные отметки, и государь император приказал мне на будущей неделе их на охоту не водить, дабы они не имели развлечения.

21 августа. Прошедшая неделя по журнальным отметкам оказалась весьма хороша, и потому я взял на себя смелость просить государя императора о помиловании Его высочества и его товарищей, так как, по нашим постановлениям, они наказания не заслужили. "Я заметил, — сказал мне государь, — что Александр показывает вообще мало усердия к военным наукам; я хочу, чтоб он знал, что я буду непреклонен, если замечу в нем нерадивость по этим предметам; он должен быть военный в душе, без чего он будет потерян в нашем веке; мне казалось, — продолжал государь, — что я заметил, что он любит одни только мелочные подробности военного дела". "Ваше величество, — ответил я, — могу честью

уверить вас, что делаю все, что могу, чтобы сделать его рыцарем без страха и упрека, и что стараюсь ему дать понять, что нужно, чтоб сделаться великим полководцем, быть прежде всего добродетельным и чтобы достигнуть этого — нужно быть хорошо образованным. Великий князь понимает очень хорошо, что значит быть военным в настоящем смысле слова; я почти убежден, что он понимает уже, что солдаты только тем преданы, которые их ведут на бой и на победу, которые с ними делят их опасности, и что напрасно ожидали бы, чтоб они могли привязаться к тем, которых они видят только на парадах и на трудных учениях ружейными приемами. Если Ваше величество заметит изволили, что он занимается мелочами, я полагаю, что это только происходит от его возраста, и по представляющимся ему случаям можно видеть, что у нас обращают более внимания на мелочи в военной службе, чем на предметы истинно важные. Он видит только парады, это его веселит; думают, что он это занятие любит — и его же осуждают. Мне остается просить милости у Вашего величества, чтобы вы сами уверились в том, что я сказал, заставить однажды говорить самого великого князя об этом предмете". "Я вам верю и имею полную доверенность ко всему вами сказанному, — сказал мне государь, — но хотелось бы мне скорее видеть его занимающимся этим делом, как я им занимался в его лета".

25 августа. Великий князь готовился явиться на ординарцы завтрашнего числа к государю императору. Он не держал довольно спокойно левый локоть, и его лошадь не могла держать приличных аллюров; великий князь утверждал, что вина лошади; чтобы доказать ему противное, я просил ген. Арбсговена попробовать лошадь, и оказалось, что она шла прекрасно.

2 октября. Государь император сообщил мне быстрый обзор плана военных наук для Его высочества государя наследника.

23 октября. Утро прошло в обыкновенных воскресных занятиях. За обедом у Его высочества было 20 молодых людей из разных кадетских корпусов, с которыми он очень веселился. Стояли в карауле, караулом командовал великий князь Михаил Павлович, а государь император исполнял должность барабанщика. В остальную часть вечера играли в жгуты и другие игры. "

Глава 2. Василий Андреевич Жуковский, проблема крепостного права и просвещения

С июля 1826 года император Николай назначил Жуковского "наставником", то есть организатором, руководителем и участником обучения, образования великого князя Александра Николаевича.

Почему царская семья выбрала именно Жуковского?

Ответ на этот вопрос важен для понимания педагогической педагогики. Обратимся к документам той эпохи и к биографии Жуковского.

Жуковский и педагогика Лицея

К 1826 году у Жуковского уже огромный педагогический стаж и прекрасное знание педагогики Царскосельского лицея.

С 1815 года Жуковского приглашали в Гатчину, в Царское Село. Все ожидали выхода в свет его сочинений. Он был любимейшим поэтом молодежи.

В Царском Селе не раз видел Жуковский прогуливающихся лицейских. Лицей помещался во дворцовом флигеле. Он иногда думал, глядя на этот флигель, о племяннике Василия Пушкина - ода его "Воспоминания в Царском Селе", напечатанная в "Российском музее", поразила и его и Батюшкова. ("Его "Воспоминания" вскружили нам голову с Жуковским, - пишет Батюшков Вяземскому.

- Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картинах".) Жуковский отметил этот свежий дар - он запомнил "К другу стихотворцу", "Кольну", напечатанные в "Вестнике Европы", и почти все, что успел напечатать талантливый лицеист в "Российском музее" и "Сыне Отечества". Еще не зная его, он уже чувствовал родство с ним, тревожился о его будущем. Наконец он решился войти во флигель. . .

"Я сделал еще приятное знакомство! - писал он Вяземскому 19 сентября. - С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Сарском Селе. Милое, живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не мешал себе созреть! Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастает. Ему надобно непременно учиться, и учиться не так, как мы учились!. . Я бы желал переселить его года на три, на четыре в Геттинген или какой-нибудь другой немецкий университет! Даже Дерпт лучше Сарского Села. Он написал ко мне послание, которое отдал мне из рук в руки, - прекрасное! Это лучшее его произведение! Но и во всех других виден талант необыкновенный! Его душе нужна пища! Он теперь бродит около чужих идей и картин. Но когда запасется собственными, увидишь, что из него выйдет!"

Жуковский стал чаще бывать в Царском. Он привозил Пушкину книги. Они беседовали. Жуковский был до слез тронут, когда Пушкин процитировал в осеннем парке строки из "Элегии" Тургенева: оказывается, в лицее многие любили это стихотворение, оно было здесь отечественной классикой вместе с "Сельским кладбищем" Жуковского.

Во время первых свиданий тридцатидвухлетний Жуковский читает свои стихотворения шестнадцатилетнему Пушкину, и те строки, которые Пушкин не может сразу запомнить, уничтожает или переделывает.

Пройдет еще несколько месяцев - и Жуковский пришлет свои стихотворения с надписью: "Поэту товарищу Ал. Серг. Пушкину от сочинителя".

Еще через три года: "Победителю-ученику от побежденного учителя - в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820, марта 26, великая пятница".

Лицей и педагогика Лицея

В создании Лицея выдающуюся роль сыграли два проницательных мыслителя – император Александр I и великий юрист Сперанский.

Сперанский

Сперанский принадлежит к числу крупнейших государственных деятелей России.

Грандиозные планы М. М. Сперанского по преобразованию России на конституционно-монархических основаниях с существенными элементами народного представительства (Государственная Дума) осуществляются самим ходом истории вплоть до сегодняшнего дня.

Михайло Михайлович Сперанский родился 1 января 1772 года в деревне Черкутино в 40 километрах от Владимира. Его отец, священник, сеял пшеницу и держал скот. Михаил был старшим сыном. Слабый здоровьем, он не любил пасти коров, но зато читал все, что ни попадет под руку. Сперанский никогда не забывал о своем низком происхождении и гордился им.

Сперанский начал свое образование во Владимирской семинарии. Там он получил и фамилию (от лат. sperare – надеяться). А в 1788 году в числе трех лучших учеников был переведен в Санкт-Петербург – в главную в России Александро-Невскую семинарию. Столичная семинария только что открылась. Как впоследствии и Царскосельский Лицей, она готовила элитных чиновников, только среди духовных

лиц. Среди сокурсников Сперанского - будущий экзарх Феофилакт, литератор и переводчик греческих классиков Иван Иванович Мартынов.

В 1792 году Сперанский окончил курс наук и был оставлен в семинарии учителем физики, математики, красноречия и философии с окладом 275 рублей год. В двадцать с небольшим лет он был уже одним из образованнейших людей России.

По восшествию на престол Александра I Сперанского позвал к себе в секретари Д. П. Трощинский, ближайший помощник царя. Сперанский стал известен двору.

Александр I, взошедши на трон, объединил своих либерально настроенных друзей в "Негласный комитет". Юные реформаторы не имели ни малейшего представления о реальном государственном управлении. Им нужен был человек, способный воплотить грезы в конкретные проекты. Сперанский стал настоящей находкой для молодых аристократов.

В 1808 году царь поручил ему составить генеральный план реформ. Этой работой Михайло Михайлович занимался почти год. Он работал по 18-19 часов в сутки: вставал в пять утра, писал, в восемь принимал посетителей, после приема ехал во дворец. В октябре 1809 года он представил царю свой план. Даже сейчас, по прошествии почти двух веков, этот план поражает своей современностью и европейской логикой. Сперанский предлагал "обустроить Россию" наподобие нынешних процветающих конституционных монархий. План государственного переустройства начинался с первой российской конституции. Сперанский ввел привычное нам теперь разделение власти на исполнительную, законодательную и судебную. До этого жесткой государственной системы не существовало. Мало того: именно Сперанский придумал министерства в их современном бюрократическом виде.

Он предлагал ввести выборную Государственную Думу и Государственный Совет, назначаемый царем, по сути это был аналог современного двухпалатного парламента.

Вводились гражданские и политические права, то есть речь шла о конституционной монархии.

Сперанский был искренне убежден, что его проект по ограничению самодержавия полностью отвечает чаяниям государя.

Об этом поразительном по своей смелости плане современники даже не узнали. От всего пакета реформ осталось лишь несколько позиций.

Сперанский мог утешиться тем, что "перестройкой" царь поручил заниматься ему же.

1 января 1810 года был создан Государственный Совет, который со временем стал влиятельной госструктурой и просуществовал до октябрьской революции. Сперанский реформировал налоговую систему: ввели налог на дворян-землевладельцев, которые до того денег в казну не платили никогда. Было создано восемь министерств, управляющих всеми хозяйственными делами.

Юрий Николаевич Тынянов в книге "Пушкин" документально точно воссоздал историю Лицея, его начал и начала. Вот отобранные мной фрагменты:

"Сперанский отложил книгу и своим ровным круглым почерком написал на листке: "Об особенном лицее. Все состояния".

Дело было новое и важности чрезвычайной: о воспитании великих князей, из которых один был, возможно, наследник престола. Оно было поручено ему как бы вскользь, среди других важных разговоров, в прошлое свиданье самим императором и так, как умел делать император: словно это не было поручение, а только ни к чему не обязывающий вопрос с его стороны.

Нужен человек, добрый по началам; нужен разум, подчиняющий чувствования и постановляющий им правила. А без того порядка быть не может. Разум должно

воспитать так, как воспитывают ныне одни привычки. Привычки воспитывают домашние. Но разума воспитать они не могут. У дворянства дома - разврат, у духовных - невежество.

Разум есть соображение частей, но целое постичь может лишь добродетель.

- Да, - сказал его бывший товарищ, - да, Дамиан, ты в совершенстве понял меня - la vertu est un element, peut-etre, le plus rare, Добродетель - свойство, может быть, редчайшее (фр.). - и семинарское слово "добродетель" вдруг приняло якобинский вид во французском переводе.

- Pax tecum. Ave. Мир с тобою. Прости (лат.)

Если отдавать великих князей в университет, следует их подготовить ранее. Дабы их отвлечь от маршировки и дворских привычек и изъять из рук угодников-кавалеров, заведующих их воспитанием, должно для них учредить особое училище, русское; он уже отчасти думал о названии училища и набрел, читая Плутарха, на приличное, кажется, название: лицей или ликей. Это училище князья будут посещать, как и другие ученики. И из этих-то учеников со временем образуются помощники по важным частям службы государственной.

Дело было новое.

Малиновский заинтересовался этим необыкновенно. Лицо его порозовело. Вопрос о нужных людях, новых людях и способе их воспитания последние пять лет занимал его, как многих других. Он был на шесть лет старше Сперанского и, проведя тридцать лет на службе, всегда чутьем чужал новые места и новых людей. Он был основатель Филантропического комитета в Москве и директор Дома трудолюбия. Он и сам был смолоду новым человеком; три года провел в Англии, при миссии, где женился на дочке Самборского. Лондонская жизнь произвела на него глубокое действие. Он сделался на всю жизнь похожим на англичанина; говорил ровно, как они. Но когда умилялся - становилось видно, что из духовных. Он изучал в Англии новое для русского дело - мануфактуры - и убедился в пользе их. Был потом по дипломатическим делам в Турции; знал турецкий язык; переводил с еврейского языка Библию. Но готовил себя к деятельности политической. Живя в Англии, он пришел к твердому убеждению, что русское правление есть деспото-аристократия, или владыко-вельможное, народ в низком состоянии, подавлен суеверием, невежеством, рабством и пьянством. рабство развращало и рабов и господ, депутаты должны быть собраны, чтобы создать новые законы, навсегда отменить рабство, и общий дух, которого недостает России, возникнет. Только теперь мечты его молодости близились к осуществлению, - если ненасытный Бонапарт не помешает. Была и еще помеха: старые чиновники были все развращены, секретари брали взятки, начальствующие ленивы и роскошны.

Нужно было не только нечувствительно переменить чиновников, но и создать новых людей. Откуда же всему взяться в юношах? Отобрать одних достойных не придется - все та же великая беда России: случайность и покровительство. Буде нет случая и покровительства - праведник не попадет, а буде есть - и злодей устроится, вот в чем трудность.

Сперанский улыбнулся, как человек, давно уже эти сомнения разрешивший. Тотчас у министра в руках оказался лист бумаги и карандаш; безмолвный Франц Иваныч остро его очинил. И вскоре начертание {особенного лица} составилось. Новое училище должно было носить название древнего лица, вернее - ликея, загородного афинского портика, где Аристотель, гуляя, создавал своих учеников. Новая порода главных людей государства должна была возникнуть в полной разлуке с домашними. Молодые люди брались из разных состояний; их испытывали в нравах и первых познаниях. Они составляли одно общество, без всякого различия в столе и одежде, как древний ликей, преподавание велось на русском языке; в их образе жизни и взаимном обращении наблюдалось совершенное равенство. Так появлялся

общий дух, о котором говорил Малиновский. Они никогда не являлись при дворе. Двор хотел бы перенести училище в самый дворец. Но занятия должны протекать в училище. Иначе все расстроилось бы, и дворские, камер-лакейские привычки исказили бы новую породу людей. Воспитанники появлялись при дворе только разве в домашнем виде - для вольных, частных игр с князьями. Товарищество без всякой подлости было священо. Число? Число в обратной пропорции к совершенству, молодых людей всего десять и никак не более пятнадцати. Возраст их был - возраст великих князей Николая и Михаила. Изучив бель-летр, историю, географию, логику и красноречие, математику, физику и химию, системы отвлеченных понятий, право естественное и народное и науку нравов, постепенно переходя от одного к другому, они своими силами постигали все. Им никто ничего пространно не толковал, токмо вопросами возбуждались их способности. Великие же князья, заразаясь примером сверстников, делались со временем добродетельны, если и не даровиты. Ибо здесь уж был голос природы, и вдохнуть дарование туда, где его не было, министр не полагал возможным. Судьба будущего государства ими подготавливалась. Младший, в котором замечались черты гнусные, исправлялся. Не было у него вспышек и судорог гнева, какие были у всех братьев - наследство отца, - ни лицемерия и вероломства, как у нынешнего кесаря.

С разумом ясным и открытым, лишённые косных привычек их отцов, выходили из этой школы для служения государству и отечеству молодые люди, умные и прямые, угадывающие его мысли; они окружали его, стареющего. Главные места заполнялись ими.

- А будут ли там телесные наказания? - вдруг осторожно спросил Малиновский.

Практик сказывался в нем, его существенность была любезна Сперанскому.

- Нет, Василий Федорович, - сказал он кратко, - и не ради вольностей дворянских, а потому, что это уничижительно, обидно и на всю жизнь запоминается. Нам счастье повезло: ради великих князей лозу отложим. Предстояло, однако, главное - выбор учителей. Где люди, способные быть наставниками этой новой породы? Иностранцы холодны, далеки, не поймут. Для чего оставаться вечно в опеке? Найдутся небось и без иностранных: всему должно учить на родном языке. Пусть будет наставником их Малиновский, который стоял сегодня у купели новой породы и нового учреждения.

- Поговорю о вас с Мартыновым, и все решится.

Малиновский покорно благодарил; молодой Куницын, быть может, более его достоин и подготовлен?

Куницын был тверской семинарист, в судьбе которого Сперанский принимал участие. Уже третий год учился он в Гейдельберге и Геттингене, и успехи его были, по слухам, блистательны. Он изучал там право и философию. Недавно он возвратился.

- Куницын сам по себе.

Было вписано имя Куницына.

Он прибавил пункт о смотрителе нравов, по одному для каждого четырех человек. Разврат мог погубить новое учреждение. Смотрители должны действовать по одному плану и отдавать отчет главному начальнику. Предпочтение ученикам разрешалось оказывать только по успехам, дабы не развелись любимчики и шпионы, как у них в семинарии.

Они стояли у окна, и император, прислонив ладонь к уху, как делал, когда хотел казаться внимательным, слушал.

Великие князья будут воспитываться в полном равенстве с детьми всех российских состояний, а по окончании поступят в университет. В осуществление проекта Сперанский предлагал назначить директором Малиновского, человека опытного, и рекомендовал в профессора молодого ученого геттингенца, лично ему

известного, Куницына. У императора не было еще никакого собственного взгляда на все это, но он прекрасно представил себе изумление и гнев императрицы-матери.

Осмотром флигеля остались довольны. Требовался, однако, ряд перестроек. Флигель был на виду, надзор за учениками легок, вопрос об образовании братьев решен. Император неясно представлял себе будущий лицей: товарищи его братьев, сказал он, могут ездить раз или два в неделю в Петербург. Но извозчик от Царского Села до Петербурга стоил двадцать пять рублей. По-видимому, он полагал, что у воспитанников всех состояний есть лошади, или не знал, сколько стоит извозчик. Министр, однако, не возражал. Он никогда не утомлял императора мелкими соображениями.

С волнением император читал листок, написанный ясным почерком де Местра. Он отчеркнул карандашом особо понравившееся ему место о сне юношей, стеклянных дверях и ночных дежурствах. Галерея во флигеле вполне подходила для этого. Разврата не следовало допускать ни в коем случае.

Вскоре со знанием дела оба занялись выбором мундира для лицея.

Перебрали цвета, которые бы, не смешиваясь с цветами войск, были бы приятны, и остановились на форме старого татарского Литовского полка, давно отмененной: однобортный кафтан, темно-синий, с красным стоячим воротником и такими же обшлагами. На воротнике по две петлицы: у младших - шитые серебром, у старших - золотом.

Император вычеркнул в проекте Разумовского фразу о знатнейших фамилиях, а в записке Сперанского фразу о всех сословиях и подписал все одним росчерком, без имени, что было знаком прочтения и одобрения.

Образование князей должно было ограничиться лицеем, который сравнен был в правах с университетами. Товарищи избирались из отроков дворянского происхождения. Числом не менее двадцати и не более пятидесяти. Каждому воспитаннику отводилась отдельная комната, под особым номером. Директором был назначен статский советник Малиновский. Здание лицея приказано спешно ремонтировать.

- Лицей тем хорош, - пояснил Александр Иванович, - что это не пансион, не училище, не университет, а все вместе. Пансион, потому что все готовое; училище, потому что там переростков не будет; университет, потому что там профессоры. Куницын, Николашин знакомец, только приехал из Геттингена и уже назначен.

. . . Тетрадь Александра Петровича Куницына

Долго не мог попасть к Михаилу Михайловичу. Занят выше всякой меры, и ворота, говорят, на запоре. Наконец принял. Побледнел, похудел, стал холоднее. Но улыбка на лице и теперь прекрасна. Кто видел картины старых художников итальянских, как я, тот знает эту власть улыбки. Ничто не победит моего чувства к этому человеку - ни опыт, ни годы, ни даже знание некоторой его извилистости.

Беседа наша продолжалась полчаса и более. Я изложил, что думаю сказать в речи своей на открытии лицея: М. М. оживился. Речь ему понравилась, особенно то место, где говорю, что знаменитые предки не дают человеку достоинства и что человек мыслящий сам волен себе выбирать предков.

Попросил кое-что добавить. Взял в руки карандаш и стал подчеркивать, что более всего нравится, а под конец сказал мне с улыбкою:

- Это хорошо! Давно пора нам сделаться русскими!

Ему нравится, сказал он, что я говорю везде об отечестве, которое приемлет обязанность блюсти и воспитывать, а не о щедрости правительства, государя и проч.

. . . Потом рассказал мне о воспитании "полуигрушечном", которое было в великой моде при дворе Екатерины: на детей смотрели как на забаву. Нынешний министр

наш, граф Разумовский, оказывается, обучался в полуигрушечной "академии" на 10-й линии Васильевского острова. К детям, почти младенцам еще, ездили академики, иезуиты - и к пятнадцати годам они забыли русский язык и вполне пресытились роскошью полужнаний. При дворе забавлялись сею "академией 10-й линии", как собачками. М. М. предостерег меня, что в иных руках лицей может также стать игрушкой; всего вреднее любованье детскостью.

. . . На прощание Сперанский сказал продолжать, как начал, по тому же плану, воспитывать разум, а не слепую и томную чувствительность, которая не что иное, как механический навык, "и авось нашего полку прибудет - найдутся люди!".

. . . Выражения, которые Сперанский подчеркнул в моей речи как особенно удачные, кажется, отвечают его мыслям:

. . . Не искусство блистать наружными качествами, но истинное образование ума и сердца. . . Если граждане забудут о должностях своих и общественные пользы подчинят корыстолюбию, то общественное благо разрушится и в своем падении ниспровергнет частное благосостояние. . . Отечество поручит вам священный долг хранить общественное благо. . . Жалким образом обманется тот из вас, кто, опираясь на знаменитость своих предков. . . Отечество, благословляя память великих мужей, отвергает их недостойных потомков. . . Какая польза гордиться титлами, приобретенными не по достоянию, когда во взорах каждого видны презрение, ненависть или проклятие?. . . Древние россы, прославленные веками. . . Среди сих пустынных лесов, внимавших некогда победоносному Российскому оружию, вам поведаны будут славные дела героев, поражавших враждебные страны. Вы не захотите быть последними в вашем роде, смешаться с толпою людей обыкновенных, пресмыкающихся в неизвестности. . .

Любовь к славе и отечеству. . . Дважды подчеркнуто - в сих пустынных лесах. Назвать так Царское Село, быть может, смело, но нужно разбудить их воображение: так недавно эти парки были пустынею. Говорить о предках - отвергнуть пустую кичливость ими, а с другой стороны - заставить с ними состязаться, кажется, единственный способ заставить беспечных трудиться. Другой, более тяжкий - бедность. Но это уж не дело воспитателей. "

Сперанский ставил цель образования верхов: нужен человек, добрый по началам; нужен разум, подчиняющий чувства и постановляющий им правила.

Разум должно воспитать так, как воспитывают ныне одни привычки.

Так и сделали. Лицейисты составляли одно общество, без всякого различия в столе и одежде, как древний ликей, преподавание велось на русском языке; в их образе жизни и взаимном обращении наблюдалось совершенное равенство.

Товарищество без всякой подлости было священо.

Да здравствует лицей!

Сперанский прекрасно понимал необходимость создания принципиально новой системы подготовки молодых чиновников для будущих реформ. Еще в начале 1808 г. у него возникла идея создания "кузницы императорских кадров" и он подготовил записку под названием "Первоначальное начертание особенного лицея". 11 марта того же года он завершил работу над черновым проектом устава специального государственного учебного заведения - лицея "для образования юношества, особенно предназначенного к высшим частям государственной службы".

Сперанский в этом "новом человеческом материале" видел опору новой российской власти, основу которой составили бы идеи конституционализма и законности, уважения и защиты прав российских подданных.

По предложению Сперанского, содержание образования должны были составить науки нравственные, исторические и юридические. При этом особое значение придавалось нравственным основам личности государственного служащего.

Учебное заведение, создававшееся для подготовки государственных чиновников, благодаря широкой программе обучения, всестороннему развитию учащихся воспитало граждан России, прославившихся в самых разных областях государственной и общественной жизни, науки и культуры.

"Разум должно воспитать так, как воспитывают ныне одни привычки", - считал Сперанский.

В качестве организационных основ лицейской жизни были соединены две линии - подготовка достойных и профессионально образованных сынов отечества и создание творческой и семейной обстановки для воспитанников. Руководители и наставники образовали семью лицеистов.

И первое, и второе удалось.

Жуковский применит опыт Царскосельского лицея к "Маленькой школе" и привлечет к преподаванию в ней одной из двух основателей Лицея – Михайло Михайловича Сперанского. Будущий император Александр II привлечет к осуществлению своих реформ и к управлению страной лицеистов пушкинского "призыва" – Горчакова и др. . . .

Воспитательные принципы Лицея

Воспитание без лести, раболепства, воспитание достоинства. Предупреждение инфантилизма. Как подчеркивал М. М. Сперанский, лицей не должен стать игрушкой; всего вреднее любованье детскостью.

Важнейшее место в программе обучения отводилось глубокому изучению российской истории. Развитие патриотических чувств тесно связывалось со знанием родной страны, ее прошлого, настоящего, будущего. "Говорить о предках – отвергнуть пустую кичливость ими, а с другой стороны – заставить с ними состязаться как способ заставить беспечных трудиться", – писал знаменитый профессор лицея А. П. Куницын.

Преодоление лицеистами трудностей спартанского воспитания служило целям их нравственного совершенствования и способствовало развитию цельного независимого характера. Наставники хорошо понимали тонкую связь между успехами физического воспитания и формированием таких качеств личности, как воля, самообладание, смелость, достоинство, грациозность, благородство и гармоничность.

Существенное воспитательное значение имела Табель об успехах, прилежании и дарованиях воспитанников Лицея, которая составлялась на основании ведомостей, подававшихся профессорами, адъюнктами и учителями каждые полгода. В Табели подробно отмечались успехи и недостатки каждого лицеиста в учебе, что становилось предметом всеобщего обсуждения.

Воспитанники много читали. "Мы мало учились в классах, но много в чтении и в беседе при беспрестанном трении умов", - вспоминал Модест Корф.

Своих современников - русских писателей и поэтов - лицеисты знали не только по их сочинениям. По свидетельству лицеиста Илличевского: ". . . до самого вступления в Лицей я не видел ни одного писателя - но в Лицее видел я Дмитриева, Державина, Жуковского, Батюшкова, Василия Пушкина и Хвостова, Нелединского, Кутузова, Дашкова".

Основой литературного образования считалось умение писать, сочинять. Такие «пробы пера» не прошли даром — обилие рукописных литературных журналов, издаваемых лицеистами: «Лицейский мудрец», «Неопытное перо», «Вестник», — говорит само за себя.

Учебно-методические вопросы были отнесены к компетенции профессоров.

"Учреждение Лицея имеет целью образование юношества, особенно

предназначенного к важным частям службы государственной", – гласил первый пункт Лицейского устава. Автор проекта создания Лицея М. М. Сперанский видел в новом учебном заведении не только школу для подготовки образованных чиновников. Он хотел, чтобы Лицей воспитал людей, способных претворить в жизнь намеченные планы преобразования Российского государства. Широчайшие знания, умение мыслить и стремление трудиться для блага России – вот качества, которыми должны были отличаться выпускники нового учебного заведения. Не случайно в новой программной речи, обращенной к воспитанникам в день торжественного открытия, адъюнкт-профессор нравственных и политических наук Александр Петрович Куницы говорил об обязанностях гражданина и война, о любви к Отечеству и долге перед ним. На всю жизнь запомнились мальчикам слова: "Любовь к славе и отечеству должны быть вашими руководителями".

Первым директором Лицея был Василий Федорович Малиновский (1765 — 23. III. 1814) — выпускник Московского университета, дипломат, литератор, руководивший заведением с момента открытия до 1814 года.

Василий Федорович был автором одного из первых проектов отмены крепостного права (1802), являлся сторонником, государственных преобразований М. М. Сперанского.

В семье директора Лицея лицеисты первого курса проводили "часы досуга". В конце марта 1814 лицеисты присутствовали на похоронах В. Ф. Малиновского на Охтинском кладбище.

В "Программе автобиографии" Пушкина среди лиц, оказавших влияние на его воспитание будущего поэта, значится и В. Ф. Малиновский.

Проблема крестьянской реформы в их отношении к Жуковскому

Она встала во весь свой огромный экономический, политический и моральный рост перед царствующим домом Романовых еще со времен Екатерины Великой.

Революционные планы преобразований сверху вынашивались Александром I.

Михайло Михайлович Сперанский, талантливейший администратор, великолепный знаток всех тонкостей российского правления, для него в 1808-1812 годах задумал и разработал сложную, многоступенчатую реформу сверху, которая постепенно, постоянно учитывая интересы разных общественных групп, должна была завершиться двумя главными результатами – первой Российской конституцией и отменой крепостного права.

1 января 1810 года был торжественно открыт Государственный совет, который мыслился как верхняя палата Российского парламента; нижняя, выборная, палата, Государственная дума, а также окружные и губернские думы должны быть провозглашены 1 мая, а собраны 1 сентября того же года.

Но Александр I постоянно помнил об убийстве своего отца, императора Павла. Когда новый император столкнулся с могучей оппозицией высшего дворянства и бюрократического аппарата, он оправданно испугался за свою жизнь. Тогда, около 1810 года, от имени многих, угрожающе молчавших (за каждым – сила, влияние, связи, люди, деньги), кое-что говорил и писал способнейший реакционер граф Растопчин, а еще громче высказывался и подал царю смелый документ против Сперанского Николай Михайлович Карамзин, за которым стояли крепостники.

Оппозиция справа заставила Александра отступить.

Николай I некоторое время по воцарению пытался взять на себя роль "революционера сверху", всячески подчеркивая, что он – преемник Петра.

Он действительно, а не на словах предполагал провести ряд реформ, в их числе главнейшую – ослабление и затем отмену крепостного права.

Десятки тайных проектов, секретных комитетов по крестьянскому вопросу (сама

секретность при самодержавном режиме - залог серьезности, хотя одновременно и символ ненадежности: ведь практические шаги требуют гласности).

Не получилось же у Николая реформы прежде всего из-за сильного и все нараставшего эгоистического, звериного сопротивления аппарата, высшей бюрократии. Они топили все сколько-нибудь важные антикрепостнические проекты.

Жуковский прямо говорит, что прежде чем давать крестьянам образование, их должно освободить. И сразу же приступить к их просвещению.

Крестьянам нужно образование. Но какое? Об этом он и рассуждает в большой статье о книге Мари Лепренс де Бомон "Училище бедных, работников, слуг, ремесленников и всех нижнего класса людей". Книга была напечатана в 1808 году в типографии Платона Бекетова.

Просвещение – не только начитанность и умение понимать произведения искусства. "Я разумею под именем просвещения, – пишет Жуковский, – приобретение настоящего понятия о жизни, знание лучших и удобнейших средств ею пользоваться, усовершенствование бытия своего, физического и морального". Жуковский бросает упрек писателям, которые не хотят "жертвовать талантом своим такому кругу людей, которых одобрение не может быть удовлетворительно для авторского самолюбия", то есть для крестьян. Жуковский заранее приветствует "человека с дарованием, который захочет посвятить несколько лет жизни своей единственно тому, чтоб языком простым и понятным проповедовать счастье в хижинах земледельца, в обителях нищеты и невежества, чтоб разбудить в простых и грубых сердцах благородные чувства".

Жуковский сознавал трудность вопроса. Все просвещенное общество должно было принять участие в его разработке. "Мы имеем Академии наук и художеств, - писал он, - почему же не можем иметь Академию для просвещения простолюдинов?" Жуковский предложил и приблизительный тип книг для сельских библиотек: "1). Катехизис морали - предложенной просто, без всякого витийства, объясняемой примерами - но примерами, взятыми из жизни тех людей, для которых она предлагаема; 2). Общие понятия о натуре, о главных ее законах, о некоторых явлениях небесных - совершенное невежество в этом отношении бывает причиною многих смешных и даже вредных предрассудков; 3). Энциклопедия ремесленников и земледельцев, - в этой книге была бы предложена, ясно и кратко, теория земледелия и всех ремесел; 4). Повести и сказки, которых герои были бы взяты из состояния низкого и представлены на сцене, знакомой самим читателям, - эта книга была бы необходимым дополнением к Катехизису морали; 5). Общие правила, как сохранять свое здоровье; 6). Народные стихотворения, в которых воображение поэта украсило бы природу, непривлекательную для грубых очей простолюдина. . . Вот чтение, которое могло бы быть истинно для них полезно".

Глава 3. Отбор средств в достижении целей и решении задач

Академик Александр Николаевич Веселовский:

"Когда в 1826 году Жуковскому поручено было руководить учебной частью воспитания наследника престола, его общественное миросозерцание сложилось прочно; серьезно и благоговейно принял он к сердцу свое назначение, в сознании высокого долга — и своей неприготовленности.

Новая деятельность пугает его, но он готов ей отдаться, она наполняет его существование; вся его жизнь принадлежит ей. И опять у него сомнение: ни он, ни Мёрдер, назначенный воспитателем наследника, не отвечают своей цели, пишет он государыне (июль 1827 г.), для этого надо быть ученым „в науке человечества", „испытать борьбу человеческих страстей в особенности на поприще политическом", „пройти этот курс наук не по книгам, но по событиям и выработать из этих

практических наблюдений нравственные правила".

Он учится в Дрездене, в Париже, этого недоволюно.

В Петербурге, куда Жуковский явился в октябре 1827 года, он всецело отдался своему долгу. „Живу очень уединенно, пишет он Ал. Тургеневу, всегда почти обедаю дома, изредка бываю в людях; на это у меня определенный час после обеда". Он отдыхает лишь на своих литературных субботах, „на высоте семидесятиступенной", „на четвертом небе", в квартире Шепелевского дворца, где собирались его друзья. Здесь он мог отводить душу в живой беседе, полюбоваться на своего „феникса Пушкина".

Но часто он отсутствует, потому что должен работать. „Работал он, как бенедиктинец. Сколько написал он. сколько начертал планов, карт, конспектов, таблиц исторических, географических, хронологических!" – вспоминает кн. Вяземский. Бывало, придешь к нему в Петербурге: он за книгою и делает выписки, карандашом, кистью или циркулем, и чертит и малюет историко-географические картины. "

„Занятий множество, писал Жуковский: надобно учить и учиться, и время все захвачено. Прощай, навсегда поэзия зримая. Поэзия другого рода со мною, мне одному знакомая, понятная для одного меня, но для мира безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь".

У Жуковского была тайная цель в воспитании наследника престола. Цель, которую выговорил миру Пушкин, но только никто не знал, что именно она определяла собой все содержание жизни цесаревича на протяжении десяти лет учения. И определяла собой почти всю действительность его будущей душевной сокровищницы.

Теперь мы знаем ее. Вот она (формулировка А. С. Пушкина):

*Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И Рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря?*

Что отбирает Жуковский из тысячелетней культуры воспитания принцев?

К XIX веку в мировой культуре накоплен был гигантский материал по политической педагогике — воспитанию и обучению будущих правителей народов. Древний Восток, Ксенофонт, Платон, Кабус-намэ, многочисленные "зеркала", Эразм, Монтень, всего не перечислить.

Жуковский составляет наглядные пособия для будущих занятий, читает Фенелона (он приобрел 22-томное версальское его издание 1822-1824 годов), "Трактат об ощущениях" Кондильяка.

Особенно тщательно прорабатывает "Вопросы для совести" Фенелона. . .

Он думает о будущей России - о могучей стране с просвещенным, трудолюбивым народом. . .

Характерно обращение Жуковского и к другим произведениям, где решалась проблема просвещенного монарха. Поэт внимательно прочитал «Велизария» Мармонтеля, но в центре его педагогического образования, его настольной книгой был «Телемак», а идеалом наставника ее автор — Фенелон.

Сам факт многочисленных переводов «Телемака» на русский язык, увлечение сочинениями Фенелона передовых русских людей — свидетельство того, что идеи французского просветителя обрели в России благодатную почву. Юрий Осипович Домбровский не исключает, что и Пушкин штудировал "Телемака": ". . . увесистый томик карманного формата, в крепком кожаном переплете - Фенелон, "Путешествие

"Телемака", Париж, 1703 год. Книгу эту не только много читали, но и штудировали. Отметки штудий остались на каждой странице, а кое-где и над каждой строкой. Но дело было не в этих не совсем понятных маргиналиях, а в надписи на первой чистой странице: "Книга, оставленная А. Пушкиным в Уральске. И. Кастанье".

Фенелон

Могущество воспитания демонстрируется множеством случаев. В частности, и "штучным" аристократическим образованием.

Пластичность человеческих возможностей — обучаемости и воспитуемости — колоссальна. И влияние стиля, содержания и характера воспитания на образ жизни разных людей — несомненный факт.

Например, отец Людовика Пятнадцатого — герцог Бургундский, который родился в 1682 г. Несмотря на раннюю смерть, он считается наиболее интеллектуальным и одаренных из всех Бурбонов.

Его жизнь состоит из двух, совершенно не похожих друг на друга, жизней. Во второй ее половине он стал полной противоположностью самому себе.

Первые двадцать лет жизни это был нетерпеливый, капризный и крайне нетерпимый человек. Он подавлял всякое несогласие с собой. Чувственный, чтобы не сказать распущенный и развратный, картежник, охотник, пьяница. Был высокомерен, презирал людей.

Разнузданный психопат, он очень изменился к лучшему. Преданность жене, любовь к учению, благородство и даже набожность — все это было результатом коренной внутренней революции. Фантастические изменения в принце вызвал к жизни аббат Франсуа Фенелон (1651-1715), воспитатель внуков Людовика Четырнадцатого, автор "Телемака".

Это было настоящее педагогическое чудо.

Первым делом Фенелон, назначенный наставником герцога Бургундского в 1689 г., отменил розгу, которой так свободно и с таким бесспорно дурным результатом пользовались при воспитании других Бурбонов.

Не удивительно, но все же ошеломляюще, что воспитанник Фенелона сумел под его влиянием произвести такую кардинальную самоперестройку. Здесь все сыграло роль — и квиетизм Фенелона, и его картезианство.

Форма педагогического творчества Фенелона была художественной: он не придавал своим наставлениям тона отвлеченных правил, а облекал их в конкретную форму басни, мифологического рассказа, аллегории, истории. Их отличала живость изложения, картинное изображение лиц и фактов, тонкий юмор, изящный стиль.

Произведение Фенелона "Приключения Телемака" — воспитательный роман. Проблематика "Телемака" — просвещенный правитель, кодекс поведения такого правителя. Взаимоотношение правителя и народа. Деспотия, ее последствия. Законность как надежнейший страж государства. Лесть и ее развращающее влияние. Захватнические войны как источник народных бедствий.

Прежде всего, Фенелон хочет понять, как рождается "порок на престоле", хочет уяснить механизм этого явления. Происходит своеобразное осмысление уроков царствования.

Вот основные предупреждения Фенелона об опасностях власти.

Коварство и алчность всегда у подножия трона. Люди честные уходят: они не льстецы и не наглы. Злые, напротив того, дерзки и хитры, неотступны и вкрадчивы, раболепны, лицемерны, готовы на все против чести и совести, когда дело идет об угождении сильному. Каждый находит в обмане царя свою пользу. Алчность кроется под личиной усердия.

И горе царю, когда он не гонит от себя лести и не любит тех, кто смелым голосом говорит ему правду.

Царь принадлежит не себе, а своим подданным. Даже малые его ошибки часто влекут за собою роковые последствия: народ иногда страдает от них целые века.

Он должен смирять наглость порока, низлагать клевету, быть щитом для невинности. Долг его поставить преграду злодеяниям. Правосудие — верный щит бедному от силы богатого.

"Телемак" был учебным пособием для монархов. Не меньшее значение имело и другое произведение Фенелона — "Вопросы для совести". Это произведение Фенелона представляет 38 вопросов о королевских обязанностях, заданных будущему правителю. Это своеобразный экзамен на право называться королем.

Привлекает внимание широта проблематики и острота постановки "Вопросов для совести". В самой острой форме Фенелон формулирует вопросы об отношении наследника к народу, к закону, к налогам, к войнам. Нередко вопросы переходят в рассуждения или рассуждение заканчивается вопросом. Читатель невольно включается в мыслительный процесс.

"Телемак" был курсом политической педагогики. Не менее важное значение имело и другое произведение Фенелона — "Вопросы для совести". Это произведение Фенелона представляет 38 вопросов о королевских обязанностях, заданных будущему правителю. Это своеобразный экзамен на право называться королем.

Привлекает внимание широта проблематики и острота постановки "Вопросов для совести". В самой острой форме Фенелон формулирует вопросы об отношении наследника к народу, к закону, к налогам, к войнам. Нередко вопросы переходят в рассуждения или рассуждение заканчивается вопросом. Читающий невольно включается в мыслительный процесс.

Не искали ли Вы советников во всех областях знания, более всего расположенных Вам льстить в Ваших самых больших проявлениях властолюбия, тщеславия, роскоши, изнеженности и неестественности? Не было ли Вам трудно верить людям прямым и бескорыстным, ничего не желающим от Вас и не дающим ослепить себя Вашим величием, людям, которые сказали бы Вам со всем откровением правду и помешали бы делать ошибки? Не чувствовали ли Вы себя спокойным в самых скрытых складках Вашего сердца, не видя добро, которое Вы не хотели бы сами совершить из зависти, так как оно было слишком дорогостоящим, чтобы его исполнить, и не стали ли бы Вы искать причину извинить зло, к которому имеете склонность?

Трудились ли Вы, чтобы изучить законы, обычаи и нравы королевства? Король — первый судья государства, это тот, кто имеет силу законов, тот, кто убеждает в их необходимости, тот, кто часто судит в своем совете в соответствии с законами, которые он сам учредил или использовал во время своего правления уже учрежденные раньше, это тот, кто должен был исправить других судей, одним словом, его функция — быть во главе всякой справедливости во время мира и быть во главе армии во время войны. И так как война не должна никогда вестись иначе как только с сожалением как можно короче, имея в виду постоянный мир, то следует, что функция командующего армией является преходящей, вынужденной и печальной для добрых королей вместо того, чтобы судить и следить за всеми судьями, что является их естественной функцией, основной, обычной и неременной обязанностью королевства. Справедливо судить — это судить по закону, но чтобы судить по законам, надо их знать. Знаете ли Вы в принципе право, чтобы легко быть в курсе дела, когда Вам предлагают судебный случай? В состоянии ли Вы отличить среди Ваших советников тех, которые Вам льстят, которые не льстят, тех, которые свято следуют правилам, от тех, которые хотели бы произвольным образом изменить эти законы согласно своим воззрениям? Изучили ли Вы серьезно то, что называют правом человека, правом, которое настолько не может игнорироваться королем, что является правом, направляющим его поведение в самых важных

обязанностях И знаете ли Вы, что это право соотносится с самым основным, естественным законом человечества? Изучили ли Вы основные законы и постоянные обычаи, которые имеют силу закона для Вашего правительства и Вашей особой нации? Пытались ли Вы изучить, не щадя себя, каковы границы Вашей власти?

Обыкновенно говорят королям, что они меньше должны бояться пороков как частные лица, чем пороков, которым они предаются во время выполнения королевских обязанностей. Что касается меня, то я смело говорю прямо противоположное, я поддерживаю то мнение, что все их ошибки в самой личной сфере имеют бесконечные последствия для всего королевства. Значит, изучайте детально свой нрав. Подданные являются рабскими подражателями своего князя, особенно в дедах, льстящих их страстям. Дали ли Вы им дурной пример бесчестной или низкой любви? Если Вы это сделали. Ваш авторитет восхваляет подлость, Вы пересекли барьер стыдливости и честности, Вы дали возможность победить бесстыдству и преступности. Вы научили Ваших подданных более не краснеть от того, что стыдно. Печальный урок, который они не забудет никогда!

Искра вызывает пожар, действия короля часто вызывают учащение и цепь преступлений, которые распространяются на многие нации и многие столетия. Не показываете ли Вы губительные приемы? Возможно Вы думаете, что Ваша беспорядочная жизнь останется секретом? Нет, она никогда не может быть секретом среди князей. Добро то может остаться тайным, так как с большим трудом верят в возможности этого в них. но что касается зла, его угадывают, ему верят при малейших подозрениях.

Искали ли Вы средства облегчить участь народа и брать от него лишь то, что Вы вынуждены брать тля блага государства и их собственной выгоды?

Вы должны изучить возможность сокращения во время бедственного положения всех служб, которые не являются обязательными. Отрегулировали ли Вы все налоги в течение каждого года? По крайней мере, Вы не должны делать ничего, не проконсультировавшись хорошо с людьми, не способными Вам льстить и имеющими искренние намерения в отношении общества Не возложили ли Вы на народ новые налоги, чтобы поддерживать свои излишние расходы, роскошь всяких пиров, Ваших экипажей и Вашей мебели. украшение Ваших садов и Ваших дворцов, непомерные милости, которые Вы раздаете свои фаворитам?

Особенно внимателен Фенелон к проблеме злоупотребления властью.

Герцог Бургундский стал настолько просвещенным человеком, что заявлял: "Короли созданы для своих подданных, а не подданные для королей, они хранители законов и справедливости, они не могут награждать, а только компенсировать, ибо они должники. Ничего не имеющие сами, они и награждать могут только за счет своих народов".

Удаленный от двора, Фенелон продолжал следить за развитием своего ученика. Принц стал проявлять признаки излишнего благочестия, подолгу молиться, превращаться в полумонаха. Фенелон пишет ему письмо, получает ответ, снова пишет. И, наконец, добивается резкого смягчения внешнего благочестия.

Герцог так глубоко осознал обязанности принца перед народом, что, когда однажды он увидел мебель, которая ему очень понравилась, а она оказалась слишком дорогой, он отказался от покупки, говоря: "Самое необходимое для подданных может быть гарантировано только тогда, если принцы отказываются от излишеств".

Дофин умер в феврале 1712 г. Из прожитых им тридцати лет пятнадцать последних он оставался лучшим из учеников Фенелона.

Огромно место Фенелона в истории эффективной педагогики. Он был сторонником женского образования. Он проводил идею образования как

способствования естественному развитию разума ребенка. Эту идею подхватил Руссо.

Практика Фенелона еще раз показала, как великая позитивная роль иносказания. Форма педагогического творчества Фенелона была художественной: он не придавал своим наставлениям тона отвлеченных правил, а облакал их в конкретную форму басни, мифологического рассказа, аллегории, истории. . . Их отличала живость изложения, картинное изображение лиц и фактов, тонкий юмор, изящный стиль.

Фенелон сопровождал Жуковского почти на протяжении всей его жизни. Но если в 10-е годы его в большей степени интересует личность Фенелона, его «моральная практическая философия», а «Приключения Телемака» как образец слога, то к концу 20-х годов он прочитывает Фенелона под другим углом зрения, как произведение политической педагогики. В библиотеке Жуковского сохранилось собрание сочинений Фенелона в 22-х томах, парижское, издание 1820-1824 гг.

Эти произведения столь тщательно изучены Жуковским, что приведение всех сделанных отчеркиваний и подчеркиваний превратилось бы в воспроизведение большей части произведения. Но тем не менее такое воспроизведение позволит нам убедиться, сколь целенаправленно было чтение Жуковским «Телемака» именно как курса политической педагогики.

Выписки Жуковского

Будь отрадою подданных, если некогда Бог возведет тебя на престол отца твоего. Люби народ, как детей своих, любовь народа пусть будет для тебя лучшею утешью; пусть он невольно при каждом ощущении мира и радости воспоминает, что получил от доброго Царя своего в дар эти сокровища, драгоценнейшее золота. Цари, сильные страхом, жезлом железным пасущие подданных, чтобы они под ярмом были покорнее, — бичи рода смертных: они достигают своей цели — страшны, но и проклинаемы, и невидимы. Трепещут их подданные, но сами они должны стократно более трепетать своих подданных р. 25—26 (ч. 1, с 31).

Потом Ментор изображал мне радость по всему царству Египетскому, где считалось до двадцати двух тысяч городов, с восторгом описывал строгое в них благоустройство, правосудие, — верный щит бедному от силы богатого, воспитание юношества в повиновении, в трезвости, в трудах, в любви к наукам и художествам, ненарушимое наблюдение обрядов богослужения; бескорыстие, рвение к истинной чести, верность к людям и страх к Богам, которые каждый отец внушал своим детям, не истощался в прославлении столь благотворных установлении.

Счастливы народ, повторял он, управляемый мудрым Государем; но несравненно счастливее сам Государь, который зиждает счастье народа, а свое находит лишь в добродетели! Он связует людей узами, стократно надежнейшими страха, — узами любви. Всяк не только покорен, но рад ему повиноваться Он царь у каждого в сердце; у всех одна мысль — не освободиться от его власти, но быть вечно под его властью каждый готов положить за него свою душу р. 29-30 (ч. 1, с. 35).

Каким опасностям подвержены Государи! Самые мудрые из них часто попадают в сети. Коварство и алчность всегда у подножия трона. Люди благолюбивые ожидают или уходят: они не льстецы и не наглы. Злые напротив того дерзки и хитры, неотступны и вкрадчивы, раболепны, лицемерны, готовы на все против чести и совести, когда дело идет об угождении сильному. Бедственная доля — быть игрищем злого коварства. И горе Царю, когда он не гонит от себя лести и не любит тех, кто смелым голосом говорит ему правду! р. 31 (ч. 1, с. 37—38).

Сын мудрого Улисса! — говорил голос: ты должен, как и отец твой, возвеличиться терпением. Царь, не искушенный бедою, всегда счастливый, недостойн такой доли: уснет в прохладах роскоши, забудется от гордости. Благо тебе, если ты преодолеешь свои несчастья, и пусть они пребудут навсегда в твоей памяти! Ты

возвратишься на Итаку, и слава твоя до звезд вознесется. Но на престоле вспомни, что ты был так же беден и слаб, и страдал, как другие. Утешайся облегчением скорбей; люби народ свой; заграждай слух от лести, и знай, что величие твое будет измеряемо кротостью и силою души в победе над страстями (р. 38-41, с. 46).

Несчастен тот, говорил он, кто на престоле. Часто не может он видеть истины собственными глазами, окружающие заграждают ей все к нему входы. Каждый находит в обмане Царя свою пользу. Алчное властолюбие кроется под личиною усердия. Уста благовещают любовь к Государю, в сердцах таится любовь к богатствам, которые он расточает. Он сам так мало любим, что милости его покупаются ценою лести и предательства. р. 43 (ч. 1, с. 51—52)

Во всю мою жизнь будет у меня перед глазами это печальное зрелище, и если Боги некогда вверят мне царство, то после столь горестного примера никогда не забуду, что царь тогда только достоин державы и счастлив могуществом, когда покоряет власть здравому разуму. Горе тому, кто призван устраивать общее благо, а царствуя, умножает только бедствие народа р 47 (ч 1, с 59)

Кто лжет, тот не достоин быть человеком; а кто не умеет молчать, тот не достоин быть на престоле р 53, (ч 1, с 66—67)

Порок слабых и празднолюбивых Государей — слепая преданность развратным и коварным любимцам. Совсем иной порок был в Пигмалионе, — недоверчивость даже к испытанным в честности людям. Он не знал различия между злодеем и простосердечным, правдивым человеком, чуждым лукавства. Никогда поэтому не было при нем людей добродетельных. От такого Царя они бегают. Сверх того Пигмалион со времени царствования находил в исполнителях своей воли столько притворства, измен, черной злобы под благовидным покровом бескорыстия, что наконец всех без изъятия считал лицемерами; он думал, что нет в мире искренней добродетели и что люди все одинаковы. Встретив одного лживого и вероломного, он не искал на то место другого, полагая, что другой не будет благонамереннее. Добрые в глазах его были еще хуже явных злодеев. Он почитал их столько же злыми, но гораздо коварнейшими. р 60 (ч 1, с. 74—75)

Так можно управлять людьми без насильственного принуждения, добрым устройством и воздаяниями. Одна власть сама по себе не зиждет общего блага, не довольно для того и одного беспрекословного повиновения: надобно сердца пленить и дать людям восчувствовать собственную пользу в том, в чем нужны их труд и искусство. р. 65 (ч. 1. с. 80)

Тот, говорили, кто столь малодушно боится обмана, достоин быть в обольщении и всегда почти нагло обманут. Не веря добрым и предавшись злодеям, он одни только не знает того, что совершается у него под глазами. р. 66 (ч. 1, с. 81)

Меня грозный рок пригвождает к злополучному отечеству. Я должен страдать с ним, а может статься и прах мой смещается с прахом его развалин. Но что до того? Лишь бы я всегда говорил правду и сердце мое любило бы истину. Боги, ведущие тебя мышцею высокою, да благословят тебя, любезный Телемак! драгоценнейшим своим даром — чистою и бескорыстною добродетелью даже до смерти. р. 84 (ч. 1, с. 106)

Потом Газанл беседовал с Ментором о первоначальном Могиществе, сотворившем небо и землю; о беспредельном, вовеки немерцающем Свете, который наполняет все собою, сам нераздельный; о вседержавшей и всеобъемлющей Истине, которая просвещает все умы, как солнце озаряет всякое тело. Кто никогда не видел, говорил он, чистого света Истины, тот подобен слепорожденному; влачит жизнь в глубокой ночи, подобно народам, для которых солнце не всходит несколько месяцев сряду, мечтает быть мудрым, и никогда не может прийти в разум истины; мнит себя всевидящим, и ничего во мраке не видит, сходит и в гроб, не прозревши; или и усматривает, только в сумраке ложные мерцания, тщетные тени. как дым, мимо-

текущие призраки. Таков жребий всех, увлекаемых льстивыми чувствами и мечтою воображения! Истинный на земле человек только тот, кто испытует, кто любит вечный Разум и избирает его себе наставником в жизни. Он внушает нам благие желанья. Он осуждает нас за злые помыслы. Все мы приемлем от исполнения его ум с самою жизнью. Ум есть бесконечное море света; умы наши — малые струи, исходящие из бездны этого моря и текущие с ним же слиться. р. 91—92 (С. 115—116)

В чем состоит власть Царя Критского?, — опросил я Ментора. — Царь имеет здесь полную власть над подданными,—отвечал он, — но сам под законом. Власть его неограниченна во всем" что эждет благо народа; но руки его связаны, когда на зло обращаются Законы вверяет Царю народ, как залог, всего драгоценнейший, с тем, чтобы он был отцом своих подданных: требуют, чтобы один мудростью и кротостью способствовал благоденствию многих, а не того, чтобы тысячи питали гордость и роскошь одного, сами пресмыкаясь в бедности и рабстве. Царю не предоставлено здесь никакого другого отличия перед другими, кроме того, что или нужно к облегчению возложенного на него бремени, или может поддержать в народе почтение к тому, кто подпора законов. Впрочем, он первый обязав предшествовать собственным примером в строгой умеренности, в презрения роскоши, пышности, тщеславия. Отличаться он должен не блеском богатства и не прохладами неги, а мудростью, доблестью, славою. Извне он обязан быть защитником царства, предводителем рати; внутри судьею народа, и утверждать его счастье, просвещать умы, исправлять нравы. Боги вручают ему жезл правления не для него, а для народа: народу принадлежит все его время, все труды, вся любовь его сердца, и он достоин державы только по мере забвения самого себя, по мере жертвы собою общему благу. р. 111 (с. 142)

Надлежит вам набрать в цари не того, кто судит лучше других о законах, но того, кто изъявляет их с постоянной доблестью. Я молод, неопытен, могу сделаться рабом страстей; мне еще свойственнее под руководством учиться некогда начальствовать, а не теперь уже возлагать на себя бремя начальства. Не ищите вы такого, кто победил других в игре ума и в силе телесной, а такого, кто одержал победу над самим собою. Изберите себе мужа, у которого законы были бы начертаны в сердце, которого вся жизнь была бы исполнением закона. Пусть укажут его вам не слова, а деяния. р. 118 (с. 150)

Аристодем говорил нам: "Вы возложили на меня бремя царского звания, исчислите предстоящие мне ныне опасности. Молите Богов, чтобы они ниспослали мне свыше истинную мудрость и чтобы я был первым в своем царстве не столько властью, сколько победою над самим собою". р. 171—172 (с. 215—216)

Они (народ Бетики) совсем не понимают, как можно удивляться завоевателям, покоряющим царства, говорят: какое безумие искать счастья во власти, неразлучной с бесчисленными скорбями, когда кто хочет властвовать по правде и разуму! И что за удовольствие управлять людьми насильственно? Пусть! мудрый может поработиться, принять на себя правление покорным народом, когда он вверен ему Богами, или сам молит быть ему отцом, защитником, пастырем. Но управлять народом против его воли значит то же, что покупать ценою бедствий ложную славу, — держать людей в рабстве. Завоеватель есть бич, посылаемый Богами на Землю в гневе их к роду человеческому, чтобы превратить царства в пустыни, поразить их ужасом, голодом, отчаянием, наложить на свободных людей чуждое иго. Кто ищет славы, не найдет ли ее в мудром устройении доли, свыше даруемой? Неужели нельзя заслужить хвалы ничем иным, как только насилием, неправдами, надменностью, хищениями, жестокостью? Меч можно обнажать только для защиты своей независимости. Счастлив тот, кто не раб, но не хочет по безрассудному властолюбию иметь раба и в своем ближнем! Великие завоеватели,

представляемые нам в таком блеске, подобны рекам, выступившим из берегов: для глаз они величественны; но превращают плодоносные поля в пустыни, вместо того, чтобы только удобрять их туком благовооной влаги. р. 229—230 (с. 284—285)

Посреди общего веселья Ментор обратил речь к царям и ратоводцам Пусть ваши народы, говорил он, под различными наименованиями и под различными вождями, будут один народ! Правосудные Боги, любящие создание свое, род человеческий, сами соизволяют быть вечным союзом совершенного согласия между людьми. Род человеческий—одно семейство, по лицу земли рассеянное; народы—братья, и должны любить друг друга братскою любовью Горе! злочестивому, кто ищет славы в крови братии, в родной своей крови! 'Война иногда неизбежна; но эта бедственная необходимость налагает знамение стыда на род человеческий. Не говорите, что можно делать войны для славы. За пределами человеколюбия нет истинной , славы. Предпочитающий славу своего имени чувствам человеколюбив не человек, а изверг гордости,— и мимолетный только звук ложной славы будет ему возмездием. Прямая слава в победе над собою для благодати. Лесть будет превозносить честолюбца, но втайне. в искренней беседе всегда скажут о нем, что он тем менее достоин славы, чем более стремится к ней путями неправды; что он не заслуживает от людей уважения: — сам не дорожит людьми и льет кровь их я жертву необузданному славолюбию. Счастлив Царь, любящий народ свой и взаимно любимый народом, окруженный соседями-друзьями, и сам друг верный соседям; не только не страшный для них громом оружия, но подавляющий и между ими семя раздора! Счастлив, когда другие народы завидуют его подданным в том, что они под сению его державы! р. 236 (с. 294)

Намерение мое было приучить тебя слышать каждой вещи свое имя, дать тебе почувствовать, что другие, предлагая советы, никогда не посмеют тебе оказать всех своих мыслей. Не хочешь быть в заблуждении: проникай, предугадывай сам неприятные тени вещей, всегда закрываемые Я готов смягчать выражения по твоим силам, но польза твоя требует, чтобы человек бескорыстный, безвестный, сердцем вразумляемый, свободным языком втайне говорил тебе правду. Другой да то не решится, и истина всегда будет представляема тебе неполною, и то еще под ложно-блестящим покровом р. 245 (с. 305).

Власть—жестокое испытание для дарований; она обнажает все слабости в полной их мере р. 246 (с. 305—306) .

Но Государь, как бы он ни был мудр и добр, все человек. Разум и добродетель его имеют пределы, у него свои страсти, свой нрав, свои навыки, не всегда ему в равной мере покорные; он окружается людьми корыстными и хитрыми; ищет помощи и не находит; падает каждый день по влечению то собственных, то чуждых страстей; сегодня исправит погрешность, завтра вновь претыкается. Таков жребий самых просвещенных и доблестнейших государей. Долговременное и благотворное царствование слишком кратко и недостаточно к уврачеванию болезней, привитых неумышленно к телу гражданскому. Все эти бедствия ходят вслед за державою, р. 280—281 (ч. 2, с. 19—20).

И с той поры свободная искренность замолкла в моих советах, отступила от меня истина, и заблуждение, предтеча падения престолов, покарало меня за жертву, принесенную жестокому властолюбию Протезилаеву. После этого страшного примера люди, даже известнейшие усердием ко мне и к отечеству, не считали уже обязанностью выводить меня из обмана. Сам я боялся, любезный Ментор, чтобы истина не рассеяла облака и не дошла до меня сквозь толпу ласкателей. Не имел уже силы следовать истине, я не мог сносить ее света, чувствовал, что она возбуждала бы только во мне мучительные угрызения, а не избавила бы меня от бедственного рабства. Усыпление мое и власть, которую Протезилай постепенно взял надо мною, ввергали меня в отчаяние, не оставляя мне и надежды быть еще

когда-нибудь на свободе. Я не хотел ни сам видеть, ни другим показать столь позорного состояния.

Ты знаешь, в каком духе высокомерия и тщеславия цари воспитываются: всегда во всем они правы; одну погрешность заслоняют тысячью погрешностей, и вместо того, чтобы признать заблуждения и обратиться на путь правый, остаются на всю жизнь в заблуждении. Таков жребий слабых и празднолюбивых царей. р. 283 (ч. 2, с. 21—22).

Не знаешь ты, отвечал Идомей, как бесполезны все опыты для усыпленных царей, живущих без размышления. Они ничем не довольны; но не имеют столько силы души чтобы приступить к преобразованию Навык, выросший вместе со мною, приковал меня к наперсникам железною цепью, а они безотходно крепили еще ее лестью. р. 284—286 (ч. 2, с. 23—24)

Протезилай старался издали показать мне ненужность и опасные следствия предпринимаемого преобразования, поколебать меня уважениями собственной моей пользы, говорил мне. "Народ в избытке перестанет трудиться, родятся мечтания, непокорность, покушение сложить с себя иго. Слабость и бедность — единственные средства держать народ в смиренном повиновении и предварять всякое сопротивление власти". По временам он хотел оглушать меня прежним своим голосом единовластия под личиной усердия к моей службе. Желая облегчить народные тяготы, говорил он мне, ты унижаешь тем царское достоинство, а народу наносишь неисцелимую рану. Ярем нужен ему для собственной его безопасности

Можно и без того, отвечал я, удержать народ в пределах обязанностью — любовью, сохранением власти во всей ее силе и при облегчении подданных, нелюбезностью, казнью виновных, добрым воспитанием юношества, строгими учреждениями к соблюдению простоты в нравах, любви к труду, умеренности

Неужели нет способа покорить сердца, не моря людей голодом? Мало ли народов, благоденствующих под кротким правлением и верных царям своим? Смуты рождаются от властолюбия и строптивости сильных, когда своеволие их необузданно и страсти не знают пределов; от великого числа людей, живущих в праздности, неге и роскоши в высоких и низких сословиях, от непомерного умножения войск, людей, алчущих войны и презирающих полезный труд мирного времени; от отчаяния страждущего народа; от жестокости, надменности и усыпления верховной власти, дремлющей без всякой заботы о том, чтобы бдительностью предварять болезни в теле гражданском. Отселе крамольные смуты, а не от хлеба, которым земледелец питается в мире, омыв его прежде потом лица своего. р. 287 (ч. 2, с. 26)

Ты видишь, Идомей! как легко хитрые и наглые люди, предстоя перед лицом слабодушных царей, увлекают их в свои сети Присовокупи к тому другое, для царей не менее важное несчастье,— скорое забвение доблестей и заслуг человека отсутствующего В толпе, неотступно их окружающей, никто и ничто не производит на них сильного впечатления, внимание их останавливается только на том, что на глазах и что им по сердцу все прочее скоро теряется из вида В добродетели особенно для них мало приятности Она не льстит им, не во всем с ними согласна, осуждает еще их слабости. Можно ли удивляться, что они не любимы, когда сами так мало дорожат любовью подданных, а любят только блеск величия или забавы. р. 289 (ч. 2, с. 31)

Стократно счастлив тот Царь, под державою которого родится хотя один человек с такую силою духа,—драгоценнейший в венце его камень. И величайшее от Богов наказание Царю, когда он делается недостойным такого дара, не умеет им пользоваться, — и он отъемлется. р. 296 (ч. 2, с. 40)

Мне ли, после крушения, оставлять пристань, куда занесла меня счастливая буря, и вновь пускаться в то же неверное море? О как жалки Государи! Исполнители воли

их не менее достойны соболезнования. Злы они - страждет от них род человеческий, и какие мучения ждут их во мраке подземного Тартара. Влаголюбивы - сколько преград предстоит им на добром пути? Сколько сетей вокруг их расставлено? р. 343 (ч. 2, с. 99)

Искренние и влаголюбивые люди, всегда одинакие, всегда равно покорные правилам добродетели, никогда не могут быть так милы царям, как льстецы, слуги страстей, в них господствующих р. 395 (ч. 2, с. 165—166)

Скоро, наконец, ты увидишь отца в Итаке вновь на престоле, и сам будешь царствовать. Но, сын мой! обманчив царский венец: издали — величие, блеск и веселье, вблизи — труд и печали. Не бесславна в частной доле жизнь безвестная, тихая, царь не может без посрамления себя предпочитать покойной и праздной жизни тяжким трудом управления. Он принадлежит не себе, а своим подданным, никогда не имея возможности жить для самого себя. Погрешности его, и малые, часто влекут за собою роковые последствия: народ иногда страждет от них целые века. Он должен смирять наглость порока, низлагать клевету, быть щитом для невинности. Мало того, если он только не делает зла, он должен делать все возможное добро, предворяя тем все нужды своей области. Не довольно и того, если он сам трудится об устройении общего блага - долг его поставить преграду всем злодеяниям, на которые другие могли бы дерзнуть без обуздания. Страшись, сын мой! столь опасного звания и будь непрестанно на страже против самого себя, против своих страстей и ласкателей. (См. : Библиотека В. А. Жуковского в Томске: отв. ред. Ф. З. Канунова и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978-1988. 3 т.)

Напомню, что наряду с Фенелоном, Жуковский особенно тщательно изучает Кондильяка, в частности его "Трактат об ощущениях". Почему?

Кондильяк

Этьен Бонно де Кондильяк, философ, психолог, педагог, родился во Франции в 1715 году. Он получил духовное образование. Стал другом и сотрудником энциклопедистов.

Кондильяк пользовался чрезвычайным авторитетом не только среди ученых, но и при дворе. Ему доверили воспитание и обучение внука Людовика XV — инфанта Испании дона Фердинанда (1751-1802), наследника престола Пармского герцогства. Кондильяк принял это приглашение.

В 1758 году философ отправился в Парму. За девять лет пребывания там он создал монументальный труд "Курс занятий по обучению принца Пармского". Шестнадцать томов. Из них два ценнейших — по искусству рассуждения, мышления.

Кроме того, Кондильяк написал по заказу правительства Польши учебник "Логика, или Начала искусства мыслить". Философ закончил работу над "Логикой" в 1779 году, незадолго до своей смерти.

Вот основные положения учителя принца Пармского и автора "Логики" для начинающих.

Первое. Учить законам мышления надобно специально и очень тщательно.

Потребовались века, чтобы люди поняли, что мысль подчиняется законам. Существует только один хороший метод мышления, следовательно, он одинаков во всех науках. Его-то и надобно постигнуть.

Второе. Усвоить законы мышления значит научиться ими пользоваться почти автоматически.

Если вначале не всегда легко сделать для себя привычным правильный метод, то не потому, что он труден. Он не может быть трудным, ибо он естествен. Но привычки мыслить небрежно искажают природу. Задача в том, чтобы избавиться от этих привычек.

"Будучи всегда вместе с вами, метод станет наблюдать за вашими мыслями. Они будут развиваться сами собой, а метод будет заботиться о них, чтобы помешать всякому отклонению".

Третье. Если я хочу ознакомиться с машиной, я разберу ее, чтобы отдельно изучить каждую из ее частей. Когда у меня будет точная идея о каждой части и я смогу вновь расположить их в том же порядке, в котором они находились, тогда я пойму устройство машины.

Это значит иметь мысль, состоящую из стольких идей, сколько частей в самой этой машине. Идей, которые точно представляют каждую часть и расположены в том же самом порядке, в каком они существуют.

Когда я изучил предмет при помощи этого метода, мой ум доставляет мне только отчетливые идеи, хочу ли я дать отчет себе самому, или же я хочу сообщить о них другим.

Это расчленение и последующее соединение есть то, что называется анализом и синтезом.

Именно благодаря анализу и синтезу формируются правильные умы. Мы относимся с пренебрежением к наблюдению вещей, а это одна из основных причин наших неправильных рассуждений и наших заблуждений.

Ум может видеть больше, чем глаз. Потому что он расчленяет вещи для того, чтобы их снова соединить, составляет себе о них точные и отчетливые идеи. Натренированный ум видит в предмете, над которым он размышляет, множество связей, которые ускользают от не умеющих правильно мыслить.

Знания представляют собой собрание идей. И это собрание есть хорошо упорядоченная система точных идей, в которых анализ установил порядок, имеющийся между самими вещами.

Когда мы приобретаем знания при помощи аналитического метода, они располагаются в нашем уме по порядку. Мы можем воспроизвести их в памяти с той же четкостью, с какой мы их приобрели.

У нас нет другого средства для обучения самих себя. Мы не имеем и другого средства для передачи наших знаний другим.

Четвертое. Если вы хотите, чтобы я понял идеи, которых у меня нет, мне нужно исходить из идей, которые у меня есть. Когда вам хотят объяснить вещь, которой вы не знаете, ее сравнивают с другой вещью, которую вы знаете.

Мы судим о предметах и мыслях, сравнивая их. Находим сходство и различие.

Пятое. Наши идеи образуют систему, соответствующую системе наших потребностей. Ведь все наши потребности зависят друг от друга.

Систематизируя (классифицируя) идеи, мы образуем роды и виды. Благодаря этому приему мы устанавливаем порядок в наших идеях.

Образовать класс определенных предметов — это не что иное, как дать одно и то же название всем тем предметам, которые мы считаем сходными. И когда из этого класса мы образуем два или больше, мы выбираем новые названия, чтобы различать предметы, которые считаем различными.

Но если важно делать различия, еще важнее не делать излишних различий. Когда делают излишние различия, то все смешивают, потому что ум запутывается в многочисленных различиях, необходимости которых он не чувствует.

Из "Курса занятий по обучению принца Пармского". Пер. З. К. Монакиной // Богуславский В. М. Этьенн Бонно де Кондильяк—М. : Мысль, 1984. —190 с. — С. 180-182.

[. .] Между привычками и бытом, обуславливающими поведение каждого из народов, должно существовать такое же различие, как и между условиями жизни, в которых различные народы находятся. Но подобно тому как перевороты,

происходящие в уме человеческом, вызывают перевороты в нравах, изменения нравов производят изменения в форме правления; так что форма правления так зависит от нравов, как нравы зависят от того, как рассматриваются или расцениваются человеческие поступки. Эти три фактора, производящие друг друга в указанном порядке, воздействуют один на другой еще и в обратном порядке; я хочу сказать, что и форма правления влияет на нравы, а нравы — на образ мыслей. Чем больше, монсеньор, вы будете наблюдать народы, тем ярче вы заметите взаимовлияние этих трех факторов. И Вы убедитесь, что их взаимное влияние друг на друга является первопричиной всех происходящих переворотов и оно же будет первопричиной всех грядущих переворотов, а следовательно, оно может привести к тому, что Ваше царствование окажется счастливым или несчастным. Таким образом, для вас чрезвычайно важно знать, как, в каких пределах и с какими предосторожностями Вам надлежит действовать, чтобы подчинить себе влияние данных факторов; к тому же должен сказать, что Вы станете достойным повелевать лишь в той мере, в какой Вы окажетесь способным должным образом приостанавливать, ускорять, замедлять, изменять ход событий. Вот чему Вас может научить опыт минувших веков [. .]

Земледелие оказалось первым искусством, потребность в усовершенствовании которого возникла у общества. Для достижения этого усовершенствования наблюдали природу во всем, что она производит. Познали, или считали, что познали, средства, способствующие плодородию. Возделывая почву, надеялись повысить ее урожайность, пытались ставить опыты. Небрежно произведенные наблюдения приводили, разумеется, к тому, что принимались как истинные предположения, лишённые оснований. Но попытки их применения, не имевшие успеха, показывали ошибочность таких предположений. Низкие урожаи заставляли отказаться от системы, в пользу которой люди были настроены. Учились на ошибках, и прогресс в земледелии осуществлялся в той мере, в какой росла нужда в увеличении плодородия земли и в какой облегчилось выявление допущенных ошибок. Совершенство земледелия зависит от знания [особенностей] времен года. В силу этого пахарь вынужден был стать астрономом. Чем больше была нужда в изучении движения светил, тем с большей поспешностью он строил предположения, в которых ход светил выступал таким, каким человеку рисовало его воображение. И он начинал с того, что строил ошибочные системы. Но если его гипотезы годами не согласовывались с состоянием погоды в различные периоды, то, как бы велико ни было его предубеждение, оно не могло устоять перед очевидностью ошибочности его представлений, в которых движения светил выступали такими, какими их рисовало его воображение. Тогда человек вновь начинал наблюдать, строил новые гипотезы. Опыт исправлял ошибки, а в астрономии совершался прогресс. В общем, именно таков метод, которому следует человеческий ум в ремеслах и в искусствах, им создаваемых и совершенствуемых. Он накапливает наблюдения, строит гипотезы, на которые ему указывают его наблюдения, и завершает этот процесс опытами, подтверждающими или исправляющими его гипотезы. Геометрия, столь необходимая для искусства, для физики и астрономии, именно таким путем обрела свое начало и сама совершенствовалась. При самых больших неточностях у геометрии было то преимущество, что она представляла идеи наглядные, легко определяемые. Разумеется, часто случалось, что их воспринимали лишь приблизительно к искомым соотношениям. Но по мере того как стремились все более совершенствовать искусства, все больше ощущались неудобства столь грубой геометрии. Стали искать иные методы и нашли их. Тот, кто первым пришел к мысли измерять угол дугой окружности, пролил яркий свет на изыскания в данной области. С одной стороны, польза, достижение которой ощутительно, когда в ней есть нужда, с другой — ошибки, выявленные опытом, — вот причина успехов человеческого ума

В самом деле, понятно, что люди станут исследовать что-либо, лишь ощутив нужду в том, чтобы чему-то научиться. А исследование их чему-то научит лишь в той мере, в какой они будут располагать средствами для выявления своих ошибок. Одного этого соображения достаточно, чтобы понять, что в какой-либо области успехи будут достигаться медленно, а в другой — быстрее и что есть, наконец, и такие области, в которых все старания [продвинуться вперед] окажутся безуспешными. Прогресс в военном искусстве, например, должен был совершаться медленно. . Война считалась игрой случая, где счастье может улыбнуться и после неудачи, и обычно ограничивались надеждой на победу, не изыскивая для этого никаких средств. Искусство управлять народами совершенствовалось столь же медленно и даже медленней, а причина была все та же. Вы видели, что вначале законами в обществе служили лишь обычаи, сложившиеся под влиянием обстоятельств. Считалось, что этих обычаев достаточно, пока у общества было мало потребностей, да и мало пороков. Опыт, казалось, это подтверждал. Вследствие этого все были настроены в пользу древних обычаев, а сомнения в их пригодности появились, лишь когда доведенные до крайней степени беспорядки вынудили людей заметить изъяны заблуждений, в какие приходится верить. Между тем суеверия проповедают жрецами алтарей, а главы правительств используют суеверия в своих целях. Законодатели приписывают богам речи [освящающие их законы], философы приспособляют свои воззрения к предрассудкам, которых они не отваживаются оспаривать, которых они не могут уничтожить и которые иногда они сами разделяют. Так, суеверие, законодательство и философии суть не что иное, как единый свод доктрины, в которой большое количество заблуждений, смешанных с небольшим количеством истин, погружают народы во мрак, и к тому же создается видимость просвещения этих народов [. . .].

Я понимаю под философией знание природы в вещах, доступных нам. А вещи доступны нам благодаря наблюдению. Например, мы наблюдали ход светил, и мы его знаем. Вещи доступны нам еще посредством аналогии, так как среди явлений, которые не поддаются нашему наблюдению, существуют и такие, о которых мы можем судить, исходя из тех, которые мы наблюдаем. Мы, например, считаем, что Земле присуще двойное обращение, потому что мы наблюдаем двойное обращение других планет. Так же, как не вооруженным глазом наше зрение видит не так далеко, как глазом с помощью телескопа, так и наше знание простирается далеко лишь с помощью аналогии. Аналогия для наблюдения является тем же, чем телескоп для глаза. По этому, подобно тому как невозможно видеть то, что за пределами досягаемости телескопа, так же невозможно нам познать то, что за пределами аналогии. Одним словом, наблюдение и аналогия определяют поле наших знаний так же, как глаза и телескопы определяют поле нашего зрения.

Вот чего древние философы, видимо, не знали. Будучи убеждены, что они созданы, чтобы проникать во все тайны природы, они воображали, что им дано все, вплоть до вещей, ускользающих от наблюдения и от аналогии. Их не останавливали препятствия, наоборот, они их побуждали, и чем более невозможным оказывалось для них преодолеть эти препятствия, тем больше они удваивали свои усилия, так как они не догадывались о своей бессилии. Они копили предвзятости, рисковали выдвигать туманные понятия, возрождали старые воззрения, преподнося их с новыми ухищрениями, — одним словом, создавали плохие системы. Эти системы распространялись с таким же фанатизмом, как суеверия идолопоклонников, потому что они были не менее невразумительные. Это заблуждения, перенесенные во все климаты, они покрывали всю землю и, казалось, вовсе не оставили места истине, как некогда покрывающие землю леса не оставляли места для земледелия.

Но леса истребить легче, нежели заблуждения, так как философы были более приспособлены к умножению предвзятостей, чем к их искоренению. Сами они очень

робко подступали к идолам От страха ли или от ослепления, но курили им фимиам и, еде лав своим занятием примирение собственных воззрений с простонародными, они выглядели зачастую не менее суеверными, чем народ [. . .].

Мы видим, что люди достигают успехов в своих исследованиях лишь в той мере, в какой опыт предупреждает их об их ошибках; этого достаточно для того, чтобы объяснить, каким путем они создают и быстро совершенствуют многие искусства, и вместе с тем какие науки приходится развивать веками и безуспешно Но почему искусства в Египте и в Азии после достижения большого прогресса прекратили свое совершенствование? И почему те же искусства, будучи перенесены в Грецию, процветали там пышнее, нежели где бы то ни было? Почему промышленность и искусства в отдельных случаях в одной обстановке замирают? И почему в другой — они идут на подъем? Восточные народы, одаренные духом изобретательности, внезапно его лишились. Они не только вновь не изобретают, но словно бы и не в состоянии совершенствовать то, что они ранее изобрели; и если они заняты лишь грубой обработкой наиболее необходимых искусств, то в науках они остаются совершенно бесплодными, именуя науками ряд нелепейших воззрений. Греки совершенствуют искусства, заимствованные в Египте и в Финикии, создают новые; и по одаренности, проявленной греками в целом ряде областей, можно предположить, что от их проницательности ничто не могло укрыться. Однако науки остаются несовершенными; и прежде чем они достигнут значительных успехов, пройдут века; но когда они станут достигать этих успехов, это будет происходить быстро. Я в данной главе ставлю своей задачей отыскать причины этих явлений. Следует постичь, как наш разум, вступая в противоречие с самим собой, в одно и то же время является и возвышенным, и тупым.

Это, монсеньор, не вопрос чистого умозрения. Разум являет отставание в развитии не иначе как в силу пороков государственного управления. Поэтому, если Вы желаете стяжать славу, со знанием дела содействуя прогрессу ума человеческого. Вам надлежит рассмотреть причины, способствовавшие в прошлых веках его развитию, и причины его отставания. При возникновении общества все граждане были в равной мере землепашцами и солдатами. Искусствами, только еще возникавшими, занимались в равной мере все, и еще нельзя было различить отдельные профессии. В пору всеобщего невежества открытия были необходимы. Цену им придавала нужда в них. Тот, кому общество было обязано открытиями, завоевывал почет в обществе, и полезные изыскания становились предметом соревнования для всех граждан. Так как тогда вещи оценивались по их полезности, ни одно необходимое искусство не презиралось. Все эти искусства были равны, как равны были все граждане. Никто не присваивал себе исключительной привилегии, преимущества заниматься каким-либо видом искусства, и каждый мог заниматься тем из них, к которому, как он полагал, у него есть талант. Когда жизненно необходимые искусства были свободны и окружены почетом, они с самого начала очень быстро достигали успехов. Вот почему они так рано расцвели у ассирийцев и египтян. Но в дальнейшем, когда им перестали предоставлять такую свободу и окружать таким почетом, развитие этих искусств прекратилось. Попробуем отыскать обстоятельства, вызвавшие этот переворот.

При возникновении искусств их число было невелико. Те, которые позднее оказались несколькими искусствами, выступали как одно искусство, так как о любом из них известно было мало. Например, один и тот же человек и возделывал землю, и мастерил нужные ему орудия труда, и строил свою хижину. Все делалось настолько грубо, что не требовало большого времени, чтобы обучиться каждому. Вещи, сделанные столь грубо, приносили мало пользы. Но нужда побуждала развивать ремесла. Ранее изобретенное совершенствовалось, и изобреталось новое. Землю возделывали лучше и лучшими орудиями, жилища стали строить более удобными.

Для того чтобы достичь совершенства в этих делах, надо было упражняться. Один и тот же человек оказывался не в силах одинаково успешно заниматься всем; и вот искусства, разветвляющиеся на много видов, расслаивают граждан на многие классы. Когда произошло такое расслоение, дети стали воспитываться, обучаясь занятию своих отцов, и, естественно, профессии стали наследственными. Так как о том, что надлежит делать, судили по тому, что практически делается, профессии, ставшие в силу обычая наследственными, стали вскоре таковыми в силу закона. Разделение искусств происходило почти так же, как размежевание земель. Кто жил одним лишь своим ремеслом, по-видимому, отказывался от всякого другого, и каждая семья, ревниво относясь к своей профессии, считала, что ей одной принадлежит исключительная привилегия ею заниматься.

Обычай считать профессии наследственным и исключительным занятием определенных семейств все более укреплялся, и наконец его стали рассматривать как основной закон. Две причины способствовали этому. Первая из них заключалась в том, что в каждом искусстве существуют приемы, известные лишь тем, кто данным искусством занимается. Тот, кто изобретает эти приемы или их усовершенствует, рассматривает их как секреты, которые принадлежат ему и которые отнять у него значило бы совершить по отношению к нему несправедливость. Когда этот взгляд стал общепринятым в качестве принципа, казавшегося обоснованным, стало считаться, что одни семьи не имеют права заниматься ремеслом других семей и что поэтому каждой семье присвоена исключительная привилегия заниматься профессией, которую она себе присвоила. Второй причиной этого заблуждения являлось поощрение, которое правительство склонно было оказывать ремеслам. Считалось, что они будут поощряться, если одни лишь изобретатели будут пользоваться плодами своих открытий. Вследствие этого закон предоставил им исключительное право заниматься искусствами, которые ими были изобретены или усовершенствованы. А обычай, передававший детям все, чем владели их отцы, привел к тому, что исключительные привилегии навеки закреплялись за семьями, их получившими. Для поощрения достаточно было закреплять эти привилегии за самими изобретателями, а порой и за их потомками на определенное число поколений. Но недальновидная политика, допустив такой обычай, превратила его в закон [. . .].

Глава четвертая. План учения.

В "Плане учения", составленном Жуковским в Дрездене в 1826 году, подробно говорится обо всех занятиях, распределенных на годы возраста великого князя от восьми до двадцати лет.

Жуковский брал на себя преподавание некоторых предметов (в их числе истории) и наблюдение за другими преподавателями и за всем ходом учения.

Текст "Плана учения", представленный Жуковским императору и утвержденный им

Цель воспитания вообще и учения в особенности есть образование для добродетели.

Воспитание образует для добродетели: пробуждением, развитием и сбережением добрых качеств, данных природою, действуя на ум и сердце и заставляя их действовать; образованием из этих качеств нравственного характера, обращая добро в привычку и подкрепляя привычку правилами разума и воспламенением сердца; предохранением от зла, устраняя все вредное, могущее ослабить естественную склонность к добру; искоренением злых побуждений и склонностей, препятствуя им обратиться в привычку и побеждая вредные привычки хорошими.

Учение образует для добродетели, знакомя учащихся: с тем, что их окружает; с

тем, что они суть сами; с тем, чем они должны быть как нравственные существа; с тем, к чему они предназначены как бессмертные существа.

Воспитание начинается с колыбели, учение с раннего отрочества, то и другое продолжается до начала молодых лет. Долг воспитателя и учителя состоит в том, чтоб сделать своих питомцев способными внимать постановлениям судьбы и воспользоваться ими с достоинством человека. Кто умел ими пользоваться, тот совершил земное свое назначение и знал добродетель.

Учение может продолжаться от 8-ми до 20-ти лет; оно разделяется на три главных периода. Первый период (отрочество) - от 8-ми до 13-ти лет: учение пригготовительное. Второй период (юношество) - от 13-ти до 18-ти лет: учение подробное. Третий период (первые годы молодости) - от 18-ти до 20-ти лет: учение применительное.

Первый период можно сравнить с пригготовлением к путешествию: надобно в руки компас, познакомить с картою, снабдить орудиями, нужными для приобретения сведений и для открытий.

I. Компас. Предварительное образование ума: практическая логика.

Образование сердца: развитие нравственного чувства посредством первых понятий религии.

II. Карта. Знания. Сообщение вкратце, в связи, в ясной и полной системе, сообразуясь с понятиями воспитанника, наблюдая нужную постепенность всех тех познаний, которые после должны быть предложены ему отдельно, как науки со всеми необходимыми подробностями. Ответ в связи на четыре вопроса жизни: где я? что я? что я быть должен и к чему предназначен?

III. Орудия. Языки способны дополнять самому сообщенные знания знаниями, собственно приобретенными - талантами.

В первом периоде предметы учения должны быть преподаваемы в их естественной связи не совокупно, а по порядку, с сохранением надлежащей постепенности, переходя от легкого к трудному так, чтобы в голове воспитанника, по истечении первого периода, могла остаться полная система пригготовительных знаний.

Продолжая сравнение, назовем второй период самим путешествием. Путеводный компас в руках. Карта известна. Дороги означены. Нет опасности заблудиться: ум пригготовлен, любопытство пробуждено. Не опасаясь смутности и беспорядка в понятиях, воспитанник может обращать все свое внимание на каждый предмет отдельно.

Подробное преподавание наук, нужных воспитанникам как членам просвещенного общества, и более подробное преподавание таких наук, которые наиболее нужны им по их назначению. Первое - науки антропологические, имеющие предметом человека: история, география, этнография, статистика, политика, философия. Второе - науки онтологические, имеющие предметом вещь: математика, естественная история и технология (физическая география), физика.

Третий период мы сравним с концом путешествия. Сведения собраны, остается их обозреть, привести в порядок и определить какое должно быть сделано из них употребление. В этом периоде воспитанники более действуют сами, нежели приобретает от учителя. Они уже не занимаются какой-либо наукою отдельно, они сами составляют для себя коренные правила жизни, которые не что иное, как произведение всего, что дали ему воспитание и учение. Этот период должен быть посвящен занятиям собственным и чтению немногих истинно-классических книг, предпочтительно таких, кои могут познакомить питомцев с их назначением и странюю, которой они должны посвятить свою жизнь. Сюда входит: обозрение знаний, приобретенных во втором периоде; взгляд на место, занимаемое в обществе, и на обязанности, с ним соединенные; отчет в самом себе перед самим

собой и утверждение правил, необходимых для добродетельной деятельности; идеал человека вообще и своего в особенности.

Рядом с предметами главными должны идти: для образования ума - практическая логика, не составляющей особенной науки, но способствующая приобретению знания; для образования сердца - начальные понятия нравственности, основанной на религии христианской, и языки, не имеющие никакой связи с предметами главными, следовательно - им не мешающие. Сверх того с предметами учения соединяется приобретение некоторых приятных талантов и - для развития сил телесных - гимнастика и ручная работа. Посему предметы учения в первом периоде можно разделить на 4 класса.

КЛАСС ПЕРВЫЙ.

- а) Для образования ума: практическая логика.
- б) Для образования сердца: начало нравственности христианской.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА.

- 1) Упражнение внимания. Основание геометрии: объяснение линий, фигур, тел.
- 2) Упражнение ума. Разрешение первых теорем геометрии. Не самому наставнику разрешать их, но постепенными вопросами доводить воспитанника до их разрешения.

Счет. Руководствоваться таблицами Песталоцци, применяя их беспрестанно к головному счету и ко счету цифрами. Заимствовать задачи из обыкновенной жизни и из предметов знакомых.

Философическая грамматика, примененная к русскому языку. Руководствоваться грамматикой Сасси. Анализ слов. Анализ фраз. Составление фраз. Выражение мыслей, словесное и письменное. Декламация.

- 3) Извлечение правил из упражнений практических.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА.

Начало нравственности христианской. Избранные библейские повести.

Главные факты священной истории древнего и нового завета.

Простой рассказ без всяких посторонних рассуждений, в связи хронологической. Извлечение из фактов правил нравственности, основанной на учении Спасителя.

КЛАСС ВТОРОЙ.

Система знаний. Нить, их связующую, составляют сии четыре вопроса: Где я? Что я? Что быть должен? К чему предназначен? Чтобы

познакомиться с человеком, надлежит прежде узнать то, что его окружает; чтобы лучше узнать, понять, привести в порядок и удержать в памяти историю действий человеческих, надлежит прежде обозреть ту сцену, на которой он действовал, и не иначе, как узнавши, что был человек, можно определить для себя, что он быть может, быть должен, к чему предназначен. Это порядок естественный, в нем заключается и самый порядок учения.

Первый вопрос: Где я и что меня окружает?

- 1) Общие понятия о телах.
- 2) Тела небесные.
- 3) Земля в отношении к другим телам небесным. Астрономическая и математическая география.
- 4) Земля отдельно и главные ее части.
Воздух, вода, суша, система вод и суши.
Физическая география. Рисование карт, имея в виду одну физическую географию.
- 5) Произведения земли.
Природа и ее главные законы. - Общие понятия о физике и химии. -
Произведения природы.
Общие понятия о минералогии и геологии.
Общие понятия о ботанике.

Общие понятия о зоологии.

Переход к человеку.

Второй вопрос: Что я?

1) Человек отдельно.

Физический. - Общие понятия о строении человеческого тела.

Нравственный. - Общие понятия психологии.

2) Человек в отношении к окружающей его природе. - Нужды человеческие и употребление произведений природы для их удовлетворения. - Технология.

3) Человек в отношении к человеку. Потребность общежития. Язык. Семейство. Народ в естественном состоянии. Естественное право. Постепенное образование общества политического. Начало политики.

4) Ход изменений человеческого общества. История вместе с географией.

5) Нынешнее состояние человеческого общества. Новейшая география и статистика.

Третий вопрос: Что я быть должен?

1) Человек как существо нравственное и его обязанности. Нравственность частная: мораль.

2) Человек как член общества и его обязанности в сем отношении: политика.

Четвертый вопрос: К чему я предназначен?

1) Человек как существо духовное и бессмертное. Метафизика.

2) Человек как существо, постигающее Бога. Богопознание: Религия естественная. Религия откровенная.

NB. Здесь показана одна только нить, связующая предметы учения в первом периоде: для преподавания каждого предмета наставник делает для себя особенные подробные планы.

М Е Т О Д А.

1) Форма преподавания.

Разговорная. Вместо того, чтобы преподавать самому в связи - доводить постепенными вопросами ученика до того, чтобы он сам выражал с надлежащею ясностью то, о чем ему предлагать желаем.

Учебная. Предлагать в связи, просто, в строгом порядке.

NB. Смотри по предмету, употреблять ту или иную форму или соединять обе.

2) Правила преподавания.

Наблюдение постепенности. Переходить от легкого к трудному, от известного к неизвестному. Возбуждение собственной деятельности воспитанника. Чтобы он как можно более находил сам, а не механически затверживал чужое. Сохранение надлежащей меры. Одно нужнейшее: как можно менее такого, что впоследствии может быть забыто; сохранять полноту, избегать излишних подробностей, обременительных для памяти и отвлекающих внимание. Облегчение труда. Возбуждать к труду пособиями, порядком, методом, которые облагают его, от него не избавляя, и, способствуя деятельности ума, не делают его ленивым. Приятность преподавания. Стараться сделать и предмет учения и самое учение привлекательными, возбуждая любопытство, владея вниманием, питая воображение, говоря сердцу, словом - сколько можно, действуя на всего человека.

3) Утверждение в памяти преподаваемого. Сколько можно избегать механического учения наизусть. Употреблять этот способ только для изощрения памяти, но утверждать в ней выученное:

Методическим разделением предметов. Соединением чувственного с умственным. Рисунки. Карты. Таблицы. Частым повторением. Оно не должно быть рабским повторением слово-в-слово сказанного прежде, а только новым образом с новой стороны того же предмета. Вопросы по порядку. Вопросы в разбивку. Сбивчивые вопросы. Обзорение в связи. Окружением воспитанника - предметами,

беспреданно напоминающими во время свободное о том, что занимало его в часы учения. Соединением изучения языков с главною целию. Чтобы воспитанник на другом языке и слышал и сам говорил о том, что уже было ему предложено на языке природном. Соединением самых игр с некоторою учебною целию. Волшебный фонарь. Фантасмагория. Косморама.

КЛАСС ТРЕТИЙ.

Языки: французский, немецкий, английский и польский; к первому периоду принадлежит одна только материальная часть изучения языков, т. е. : а) Утверждение в правописании. б) Правильное произношение. в) Практическое приобретение навыка говорить и понимать, что говорят. г) Легкие упражнения в слоге.

Правописание. Диктование фраз, заимствованных из главной лекции. Исправление ошибок. Заставлять ученика самого исправлять. Переписывать исправленное.

NB. Сим способом воспитанник не только научится писать правильно, но и сам для себя напишет на языках то, что было ему преподавано на русском.

Произношение. Чтение простое для правильного произношения. Чтение с выражением: декламация. Чтение наизусть легких стихотворений. Приобретение навыка говорить. Учение наизусть слов: заимствованных из общежития; заимствованных из главной лекции. Составление фраз: фраз, употребительных в общежитии; фраз, заимствованных из главной лекции.

NB. Сим последним способом не только приобретается навык говорить, - ибо ученик и учитель всегда будут иметь готовые материалы для вопросов, ответов и объяснений, следовательно, для разговора в связи; но в то же время, как уже замечено выше, утвердятся в памяти, объяснятся и дополнятся приобретенные знания.

Упражнение в слоге. Предметы для сочинения можно также заимствовать из главной лекции: ученик будет писать о том, что знает, следовательно, будет выражать свои мысли и располагать их ясно и правильно. Сею методою обучения языков надлежит руководствоваться во все продолжение первого периода. К концу его накопится большой запас правильных фраз. Тогда нетрудно будет приступить к грамматике и знания практически утвердит правилами теория. Надобно только, чтобы одна общая, философическая грамматика служила основанием для всех прочих [лучшею кажется мне грамматика Саси, переведенная на немецкий язык Фатером] и чтобы для языков иностранных принята была за основание та же система, которая руководствовала в изучении языка природного.

КЛАСС ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приятные таланты. Гимнастика. Ручная работа. Таланты. Рисование. Рисование с натуры и с гипсов: тел геометрических; ландшафтов. Отдельные части, деревья, здания.

Правила архитектуры. Части соединенные, полные ландшафты. Правила перспективы. Животные и человек. Отдельные части. Целые фигуры. Правила анатомии. Группы. Иллюминирование: рисунков, коих содержание заимствовано из главной лекции, особенно - из натуральной истории, из географии, из истории, из мифологии.

NB. Здесь необходимо следовать порядку главной лекции, чтобы рисованием дополнять в связи преподаваемое в часы уроков.

Сочинение рисунков. Музыка. Гимнастика. Цель гимнастических упражнений есть не одно развитие и укрепление сил телесных, но в то же время дарование мужества и способов владеть собою во всех обстоятельствах жизни. Сия важная часть воспитания требует методического плана, как и другие. Великий князь не должен ничего делать без правил: каждый предмет его учения должен беспреданно ему

напоминать, что во всем главное есть правило. Необходимо нужно найти человека, который бы мог руководствовать гимнастическими упражнениями по строгой методе. Эта часть особенно принадлежит воспитанию.

Ручная работа: токарное или столярное ремесло.

NB. Не приспособить ли ручную работу к кораблестроению? Великий князь мог бы, играя, сам построить маленький корабль, и таким образом познакомиться с материальной частью навигации.

Чтение. Рядом с учением должно необходимо идти и чтение. Надобно читать мало, в порядке, одно полезное: нет ничего вреднее привычки читать все, что ни попадет в руки. Это приводит в беспорядок идеи и портит вкус. Для детей множество написано книг. Есть много хорошего на немецком, английском и французском языках, но почти нет ничего на русском. Почитаю необходимым сделать строгий выбор из сего множества материалов, многое перевести на русский, все привести в порядок, сообразуясь с планом учения, и таким образом составить избранную библиотеку детского чтения для первого периода. Сия библиотека может состоять из трех отделений.

I-е отделение. Курс учебный. Лекции в их связи и порядке. Карты, рисунки, таблицы.

II-е отделение. Чтение приятное. Собрание таких сочинений, которые приятно занимали бы ум, говорили воображению, оживляли нравственное чувство и образовали вкус. В их расположении надлежит сохранить постепенность, сообразуясь с возрастом и понятием воспитанника.

III-е отделение. Чтение наставительное. Собрание таких сочинений, которых содержание соответствовало бы главной лекции и которые были бы расположены согласно с планом ее, так, чтобы воспитанник в часы свободные, мог бы сам дополнять приятным чтением преподаваемое в часы учения.

II. ВРЕМЯ.

Время надлежит разделить на учебное и неучебное. Для того и для другого должны быть свои занятия, порядочно расположенные.

ВРЕМЯ УЧЕБНОЕ.

Оно разделяется на два периода. 1-й период от 1-го января до половины июня. 2-й период от 1-го августа до 25 декабря.

РАСПОЛОЖЕНИЕ УЧЕБНОГО ВРЕМЕНИ.

Вставать в 6 часов. От 6-ти до 7-ми часов: молитва, завтрак, обозрение того, что надлежит сделать в течение дня. Приготовление всего нужного для следующего урока. От 7-ми до 9-ти учение. По окончании сего все привести в порядок и все приготовить для следующего урока. От 9-ти до 10-ти отдых. Визиты. От 10-ти до 12-ти учение. По окончании сего все привести в порядок. От 12-ти до 2-х прогулка. От 2-х до 3-х обед. Все приготовить к следующему уроку. От 3-х до 5-ти: отдых, игры, прогулка. От 5-ти до 7-ми учение. По окончании его все привести в порядок. От 7-ми до 8-ми гимнастика или игры. От 8-ми до 9-ти ужин. От 9-ти до 10-ти обозрение прошедшего дня. Журнал.

ВРЕМЯ НЕУЧЕБНОЕ.

1. Праздничные дни: Воскресные дни. Дни рождения и именин Государя Императора, государынь императриц, великого князя. Святая неделя: первые четыре дня. Святки от Р. X. до Нового года.

2. Вакация от половины июня до 1-го августа.

Расположение неученого материала. В праздничные дни. Вставать в 6 часов. От 6-ти до 7-ми: молитва, завтрак, чтение. От 7-ми до 9-ти ручная работа. По окончании все привести в порядок. От 9-ти до 10-ти отдых. Визиты. От 10-ти до 1-ти гимнастика или чтение. От 12-ти до 2-х прогулка. NB. Дав время отдохнуть после гимнастических

упражнений. От 2-х до 3-х обед. От 3-х до 6-ти игры. От 6-ти до 8-ми чтение. Учение-игры раз в неделю или в месяц. От 8-ми до 9-ти ужин. От 9-ти до 10-ти обозрение прошедшего дня. Журнал.

Во время вакации.

Сие время не худо бы посвятить исключительно практическому изучению военного искусства. Предлагаю для сего некоторые общие мысли. Петр Великий имел свой потешный полк: он находил в нем одну забаву, но эта забава, быть может, образовала Полтавского героя и создателя русской армии; будущему наследнику его престола и в этом подражать великому своему праотцу. - Можно составить маленький временный корпус из хорошо воспитанных детей, числом от 100 до 00, и снабдить его всем, что входит в состав армии. Такой корпус и потешный полк существовал бы не более шести недель в году: от половины июня до последних чисел июля. Все это время могло бы быть посвящено разнообразной военной деятельности, а не одной механической. Великий князь узнал бы на опыте службу и все ее оттенки. И сие занятие, которое могло бы мешать и вредить его учению, когда бы оно во всякое время было соединено в нем, сделалось бы новым, весьма действительным средством образования, когда бы совершенно от остального учения отделилось, когда бы ему посвящено было только такое время года, в которое всякое другое занятие обременительно. Каждая вакация могла бы составлять полную кампанию и каждая кампания могла бы иметь предметом особенную часть военного искусства: например, первая кампания была бы посвящена просто фронтовой службе; во вторую занимались бы полевыми укреплениями; в следующую - артиллериею; даже могла бы войти в этот порядок и навигация. Царскосельский пруд легко можно обратить в океан всемирный, на котором две маленькие яхты могут в один день совершить путешествие вокруг света. Таким образом, великий князь, играя и переходя все степени военного человека, от солдата до генерала, познакомился бы со всеми подробностями службы военной. Наконец, могли бы постепенно дойти до самой тактики и стратегии. Игры сии практически приготовили бы к методическому изучению военных наук, коими великий князь может заняться только во 2-м периоде, познакомившись предварительно с математикою. Одно только необходимое условие - чтобы сии военные наставительные игры принадлежали исключительно одной эпохе года и нисколько не вмешивались в остальное учение, которое в противном случае расстроят совершенно, ибо уничтожат внимание. Их главная польза была бы не одно приобретение сведений военных, но и укрепление сил физических, и нравственное образование. Великому князю должно быть не простым солдатом, а мужем, достойным престола России. И здесь целью было бы не одно знание фрунта, механически приобретаемое, но и деятельное пробуждение высоких человеческих качеств - смелости, терпения, расторопности, присутствия духа, осторожности, решительности, хладнокровия, словом - всего, что составляет воина в истинном, прекрасном знаменовании сего слова. Великий князь был бы в толпе людей, имел бы товарищей, наравне с другими нес бы тягость долга и службы: все это самым благотворным образом могло бы действовать на его ум и сердце, развернуло бы в нем все чистое, человеческое, и укоренило бы его характер. Само по себе разумеется, что начальство над таким корпусом должно быть поручено человеку искусному, который мог бы из игрушки сделать наставление полезное и умел бы забавою действовать на душу, пробуждая в ней спящие высокие качества.

Образование такого корпуса воинов-детей - не безделица; надобно их знать, надобно уметь управлять ими, надобно в настоящем готовить будущее. Наставник должен понимать, что здесь в забаве детской таится героизм мужа. И сам он должен быть не простым знатоком фрунта, привыкшим видеть в солдате одну машину, о просвещенным знатоком военного дела, способным понимать, что во власти его

душа будущего повелителя миллионов, может быть - назначенного некогда стать перед русскою армиею и решить судьбу народов. Такой человек должен быть не только знаком с механическими подробностями службы военной - мелкими и разве только потому принадлежащими государю, что он, как Петр Великий, не должен быть чужд никаким подробностям, - но и с высоким назначением воина, которое он должен знать не из военного устава, но из всемирной истории, из дел Аннибала, Юлия Кесаря, Густава Адольфа, Фридриха. Скажу более, при выборе такого наставника надобно смотреть не на одни знания военные, но и вообще на просвещение и характер нравственный, дабы, наставляя, он мог и воспламенить душу ко всему великому и героическому. Одним словом, сию часть воспитания великого князя почитаю одною из самых важных: сим способом он может или быть навсегда испорчен, то есть обращен в мелочного солдата, или быть образован для истинного героизма, для чести своего века, для твердого блага России. Сии военные игры могут начаться в первом периоде и продолжаться до окончания второго.

III. ЛИЦА.

Надзиратель за особою великого князя. Помощник надзирателя. Надзиратель за учением великого князя. При нем: переводчик. Рисовщик. Писарь.

Учители в первом периоде: учитель французского языка и счета. Учитель немецкого языка. Учитель польского языка. Учитель английского языка. Учитель рисования. Учитель танцевания. Учитель гимнастики. Мастерской для ручной работы.

Их должности.

NB. Здесь говорится об одних должностях лиц, коим будет поручено учение великого князя, ибо предлагается один только план учения, а не всего воспитания.

Должность надзирателя за учением великого князя вообще: он наблюдает (вместе с надзирателем за особою великого князя) за ходом учения и вместе с ним выбирает учителей.

В первом периоде: он берет на себя I-й и II-й классы предметов учения; наблюдает, чтобы учителя, каждый по своей части, для сохранения полноты и единства в учении, совершенно сообразовались с его планом.

Во втором периоде: он присутствует при главных уроках; он служит репетитором великому князю, то есть учится с ним вместе и помогает ему преподаваемое учителями обращать в свою собственность.

Он берет на себя особенно преподавание русского языка и упражняет великого князя в русском слоге.

В третьем периоде: он вместе с великим князем составляет обзор всего пройденного во втором периоде, то есть помогает ему подвести итог под суммы, собранные во все годы его учения.

Если на меня будет возложена обязанность надзирателя за учением его высочества, то мне для успешного ее исполнения нужно иметь некоторые пособия. По моему плану, объемлющему весьма много предметов (их которых с некоторыми я еще сам должен познакомиться), мне надобно весьма много приготовляться к часам учебным - чтением, выписками, составлением собственного учебного курса. Сверх того, по методу, мною избранной и которой пользу я знаю уже на опыте, для утверждения в памяти великому князю преподаваемого на лекциях, я должен сам составлять много рисунков, карт и таблиц. Одно уже их составление берет много времени; если же возьму на себя и переписывание начисто и приготовление чистых рисунков и карт, то потеряю бесполезным образом часы, нужные мне для приготовительных моих занятий. Мне необходимо иметь рисовщика и переписчика, которые исключительно посвятили бы себя моему делу. О необходимости составить избранную библиотеку детского чтения сказано выше. Сия работа требует

особенного внимания; сам ею заняться не могу: не буду иметь времени. Но могу ею руководствовать. Нужно иметь переводчика, который бы трудился под моим руководством и по моему плану.

Должности учителей:

В первом периоде. Учители сообразуются в плане своем с главным планом надзирателя.

Во втором периоде. Учители должны быть каждый профессором своего дела; каждый должен действовать свободно, по собственному плану. Обязанность надзирателя: составлять единое целое из их разнообразных уроков, согласуясь с своим особенным планом.

IV. ПОСОБИЯ.

Предметы учения.

Библиотека: книги учебные, лексиконы, избранные классические книги, избранные русские книги.

Карты: новейшие лучшие карты, - генеральные и специальные; подробные карты России, - планы городов и мест.

Эстампы: виды городов и мест. Архитектурные эстампы. Портреты знаменитых людей. Костюмы древние и новые. Изображение предметов натуральной истории.

Исторические эстампы. Мифологические изображения. Образцы для рисования. Гипсы для рисования. Маленький физический кабинет. Маленький минералогический кабинет. Технологический кабинет. Некоторые модели и рельефы. Предметы, нужные для гимнастики. Инструменты, нужные для ручной работы. Предметы, нужные для игр учебных. Lanterne magique. Фантасмагория. Косморама.

Помещение. Расположение учебной комнаты должно соответствовать плану учения. Учебная комната есть главная сцена деятельности воспитанника: в ней он живет, трудится, мыслит и веселится - все в ней должно способствовать его занятиям. Расположение учебной комнаты должно поручить тому, кто будет иметь надзор за учением.

1. В ней должен быть методический порядок, один раз навсегда установленный. Такой порядок не только помогает работе, но и спасает много времени и может произвести благодетельную привычку, весьма полезную для будущего.

2. В учебной комнате должны быть соединены все предметы учебные, расположенные так, чтобы всегда, без нарушения порядка, было легко иметь их под рукою.

3. Все, что нужно укоренить в памяти, должно быть всегда на виду, дабы то, что в некоторые определенные часы преподается на лекциях, было в часы свободные - всегда, но нечувствительным образом, без напряжения внимания - повторяемо предметами, окружающими воспитанника.

4. Для гимнастических упражнений, для игр учебных и других должна быть отведена особенная большая горница. Не худо иметь и особенную мастерскую, в которой бы можно было работать на просторе, в которой были бы соединены все инструменты, нужные для ручной работы.

НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ.

Учение, по предложенному плану, тогда только может иметь успех совершенный, когда ничто, ни в каком случае, не будет нарушать порядка, один раз навсегда установленного; когда и особа, и время, и все окружающее великого князя - будет, без всякого ограничения, подчинены тем людям, коим его высочество будет поручено доверенностью Государя. Государь Император, подтвердив сей план, да благоволит быть первым его исполнителем.

Дверь учебной горницы, в продолжение лекций, должна быть неприкосновенна; никто не должен себе позволять в нее входить в то время, которое великий князь будет посвящать занятию: из этого правила не должно быть ни для кого исключения. Великий князь приучится дорожить своим временем, когда увидит, что им дорожат и другие, и что в порядке часов соблюдается строжайшая точность. Его высочество в продолжение своего воспитания должен привыкнуть не почитать ничего выше своих обязанностей. Он должен идти вперед постоянным и равным шагом; порядок ненарушимый есть главное сего условие. Осмелюсь сказать откровенно: частые переезды из места в место кажутся мне весьма вредными для занятий великого князя. Нам надобно иметь одно постоянное местопребывание - в Петербурге зимою и одно, такое же, вне Петербурга, летом. В противном случае порядок нарушится и нельзя отвечать за успех учения. Переезды будут мешать и вредить вниманию, будут препятствовать полноте и необходимому спокойствию упражнений; вместо устроенной учебной комнаты будем иметь одни станции, в которых нельзя иметь под рукою всех предметов учения: все это произведет привычку к непостоянству и беспокойную охоту переменять место, весьма вредную для будущего. Самим наставникам нельзя будет действовать, как бы они желали: могут ли они всюду перевозить с собою все вещи для приготовления своего к лекциям? могут ли иметь везде простор, необходимый для собственных занятий? А это не безделица: здесь о наставниках так же надо думать, как и о воспитаннике. Бесполезно требовать от них невозможного. И со всею готовностью повиноваться высшей воле, они не будут в состоянии ее исполнить и не должны отвечать за неуспех своих усилий.

Теперь прогулки его высочества имеют целью одно движение, полезны для здоровья. Со временем можно будет соединить с ними цель наставительную: можно будет их посвящать на обозрение разных публичных заведений, зданий, кабинетов, мануфактур и проч. Но к каждому такому обозрению нужно быть предварительно подготовленным: в противном случае обозреватель может привыкнуть довольствоваться поверхностными понятиями и смотреть без внимания - невежество не имеет любопытства. Но для таковых наставительных прогулок, требующих времени свободного, надлежит, по возможности, выбирать дни не учебные: в противном случае они будут расстраивать установленный порядок часов - святыню, к которой ни под каким предлогом прикасаться не должно.

Дабы иметь понятие о ходе и успехах учения, должны быть установлены экзамены, ежемесячные и полугодовые; ежемесячные должны производиться в присутствии государыни императрицы; полугодовые (в половине июня и в конце декабря), если возможно, в присутствии самого государя императора.

На учебном столе должна лежать настольная книга, в которую учителя, по окончании каждой лекции, будут записывать, каково было во время ее поведение и учение великого князя. Осмеливаюсь прибавить здесь одно замечание: изъявляемое одобрение государя императора должно быть величайшею наградою для нашего воспитанника, а изъявленное неодобрение его величества самым тяжелым наказанием. Надобно весьма дорожить сим важным средством. Смею думать, что государь император не должен никогда хвалить великого князя за прилежание, а просто оказывать свое удовольствие ласковым обращением, без всякого выражения его удовольствия. Таковое выражение должно быть предоставлено для немногих случаев. Чем будет оно реже, тем более будет иметь цены, тем сильнее будет действие. Великому князю надлежит привыкать видеть в исполнении своих обязанностей простую необходимость, не заслуживающую никакого особенного одобрения: такая привычка образует твердость характера. Каждый отдельный хороший поступок весьма мало важен: одно только продолжительное постоянство в добре заслуживает внимание и хвалу. Его высочество должно приучиться действовать без награды: мысль об отце должна быть его тайною совестью. Тогда

только одобрение отца будет для него благодетельным счастьем и действительным поощрением к новым усилиям. То же самое можно сказать и о выражении родительского неодобрения. Его высочество должно трепетать при мысли об упреке отца. Государь будет всегда знать о его мелких проступках, но пускай это будет тайною между его величеством и наставниками; пускай воспитанник чувствует вину свою и сам наказывает себя тягостным своим чувством. Но испытывать явный гнев отца должно быть для него случаем единственным в жизни. Если когда-нибудь дойдет до такой крайности, то лекарство будет спасительно и исцеление несомненно. Здесь у места сказать несколько слов о подарках, делаемых в разное время великому князю. Они непременно должны входить в общий план учения и, так сказать, за ним следовать. Имея много бесполезного, становишься равнодушен к полезному. Великому князю не должно давать ничего такого, что не может быть ему нужно в настоящую минуту: получая преждевременно такую вещь, которую может оценить только после, он будет смотреть на нее без внимания; она успеет потерять для него всю новость прежде нежели сделаться ему известною, и в надлежащее время не возбудит желаемого любопытства.

Если высочайшею доверенностью государя мне будет поручен надзор за учением его высочества, то смею просить его величество утвердить меня в моем звании и дать мне принадлежащее мне имя, дабы я имел и право и полную свободу действовать. В чем состоит моя должность по сему званию, о том уже сказано выше. Здесь почитаю необходимым представить на суд государя императора мой собственный образ мыслей, чтобы его величеству было известно - как я понимаю мою обязанность, в каком духе желаю исполнить ее.

Не отвечая за мои способности, отвечаю за любовь мою к моему делу. Я могу действовать на нравственность великого князя одним только образованием его мыслей. Его характер в руках его воспитателя. И воспитатель и наставник идут к одной цели, но каждый имеет свой особенный круг действия и должен знать свои границы. Мой круг действия есть руководствовать великого князя в приобретении нужных ему познаний, дабы после, вместе с ним, из всей их суммы извлечь необходимые для него правила жизни.

Во-первых, скажу: его высочеству нужно быть не ученым, а просвещенным. Просвещение должно познакомить его только со всем тем, что в его время необходимо для общего блага и, в благе общем, для его собственного. Просвещение в истинном смысле есть многообъемлющее знание, соединенное с нравственностью. Человек знающий, но не нравственный - будет вредить, либо худо употреблять известные ему способы действия. Человек нравственный, но невежда - будет вредить, ибо и с добрыми намерениями не будет знать способов действия. Просвещение соединит знание с правилами. Оно необходимо для частного человека, ибо каждый на своем месте должен знать, что делать и как поступать. Оно необходимо для народа, ибо народ просвещенный более привязан к закону, в котором заключается его нравственность, и к порядку, в котором заключается его благоденствие и безопасность. Оно необходимо для народоправителя, ибо одно оно дает способы властвовать благотворно.

Сокровищница просвещения царского есть история, наставляющая опытами прошедшего, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит государя с нуждами его страны и его века. Она должна быть главною наукою наследника престола. История, освещенная религиею, воспламенит в нем любовь к великому, стремление к благотворной славе, уважение к человечеству, и даст ему высокое понятие о его сане. Из нее извлечет он правила деятельности царской. Сих главных правил не много. История познакомит наследника престола с судьбою народов и, объяснив причины их бедствий и благоденствия во всех

временах, должна сказать ему в заключение: верь, что власть царя происходит от Бога, но верь сему, как верили Марк Аврелий и Генрих Великий; сию веру имел и Иоанн Грозный, но в душе его она была губительною насмешкою над Божеством и человечеством. Уважай закон и научи уважать его своим примером: закон, пренебрегаемый царем, не будет храним и народом. Люби и распространяй просвещение: оно - сильнейшая подпора благонамеренной власти; народ без просвещения есть народ без достоинства; им кажется легко управлять только тому, кто хочет властвовать для одной власти - но из слепых рабов легче сделать свирепых мятежников, нежели из подданных просвещенных, умеющих ценить благо порядка и законов. Уважай общее мнение: оно часто бывает просветителем монарха; оно вернейший помощник его, ибо строжайший и беспристрастный судия исполнителей его воли; мысли могут быть мятежны, когда правительство притеснительно или беспечно; общее мнение всегда на стороне правосудного государя. Люби свободу, то есть правосудие, ибо в нем и милосердие царей и свобода народов; свобода и порядок - одно и то же; любовь царя к свободе утверждает любовь к повиновению в подданных. Владычествуй не силою, а порядком: истинное могущество государя не в числе его воинов, а в благоденствии народа. Будь верен слову: без доверенности нет уважения, неуважаемый - бессилен. Окружай себя достойными тебя помощниками: слепое самолюбие царя, удаляющее от него людей превосходных, предает его на жертву корыстолюбивым рабам, губителям его чести и народного блага. Уважай народ свой: без любви царя к народу нет любви народа к царю. Не обманывайся на счет людей и всего земного, но имей в душе идеал прекрасного - верь добродетели! Сия вера есть вера в Бога! Она защитит душу твою от презрения к человечеству, столь пагубного в правителе людей. Наконец, в заключение слова Иоанна Мюллера, которыми он оканчивает "Всемирную историю": "Умеренность, порядок, а смысл их: не упускай никогда из глаз своей цели; подвигайся вперед не быстро, но постоянно; строй без спеха, но для веков; исправляй не разрушая; не упреждай своего века, и не отставай от него; не будь его рабом, но свободно с ним соглашайся; будешь владеть им, когда не презришь его совета; будешь его жертвою или окружишь себя жертвами, если хочешь его пересилить".

Таковы главные правила, которые наследник престола должен со времен извлечь для себя из истории: свободное изложение их перед государем есть в то же время и моя исповедь. (Жуковский В. А. Сочинения. Т. 3. С. 135-147.

Жуковскому удалось осуществить свой план

Его высочество стал не ученым, а просвещенным. Многообъемлющее знание было соединено с нравственностью, законами и правилами.

Великий князь не должен ничего делать без правил, — писал Жуковский императору Николаю. Каждый предмет его учения должен беспрестанно ему напоминать, что во всем главное есть правило.

Обучение цесаревича имело сердцевинной знакомление с непреложными нормами, законами мира, общества и религии. Вот основные моменты учебного плана, составленного Жуковским для Александра Николаевича.

1. Где я и что меня окружает? Вначале ребенок узнает непреоборимость вселенской силы, им управляющей, которой он принужден покориться. Привычка подчиняться законам природы обращается потом в ясное понятие о мудрой власти, которой человек должен покориться.

Природа и ее главные законы. Разрешение теорем геометрии. Общие понятия физики и химии. Произведения природы: понятия минералогии и геологии, ботаники и зоологии. Переход к человеку. Законы языка применительно к русскому языку.

Анализ слов и фраз. Надобно, чтобы одна общая, философская грамматика служила основанием для всех прочих и чтобы для иностранных языков принята была за основание та же система, которой руководствовались в изучении родного языка. Правила архитектуры. Правила живописи — перспективы и анатомии. Законы музыкального ряда.

2. Какой я? Законы природного мира находят свое преломление в общественной жизни. В этом смысле социальный, правовой и этический долг — необходимость, непреложность, перед которой стоит каждый.

Строение тела. Общие понятия психологии. Человек в отношении к окружающей его природе. Употребление произведений природы для удовлетворения человеческих нужд. Технология. Человек в отношении к человеку. Неизбежность общежития. Естественное право. Постепенное образование политического общества.

3. Каким я должен быть? Социальные нормы, правила или стандарты поведения имеют своим истоком неизбывность законов природы. Человеку надлежит, например, сохранять здоровье, заботиться о близких, добывать средства к жизни и т. п. в силу закономерности мира, которому он принадлежит.

Человек как существо нравственное и его обязанности. Мораль как частная нравственность. Извлечение норм и правил нравственности из фактов священной истории Ветхого и Нового завета.

4. К чему я предназначен? Нормы — основа духовной культуры. Где нет норм, там нет и культуры.

Человек как существо духовное и бессмертное. Человек, постигающий Бога. Религия естественная. Религия Откровения.

Так выстраивается мост между законосообразным содержанием образования и порядком, культурой, добродетелью и совершенством. Самое главное как в воспитании, так и в обучении — система культурных норм — законов, правил, регулятивов, принципов, предписаний и установлений. Они должны охватывать все модальности: области сущего, должного, возможного и желательного.

Глава пятая. "Маленькая школа" до присяги великого князя (1834)

Вместе с наследником престола курс обучения проходили еще два его сверстника: граф Иосиф Виельгорский и Александр Паткуль.

Виельгорский служил образцом для своего венценосного товарища, подхлестывавшим его честолюбие. Александр Паткуль не блистал выдающимися способностями, и наследник опережал его в учебе, прилежании и поведении.

Жизнь трех товарищей оказалась четко расписанной на десяток лет вперед. Их режим повторял распорядок дня в Царскосельском лицее: подъем в 6. 00, с 7 до 12 - занятия с часовым перерывом, с 12 до 14 - прогулка, с 14 до 15 - обед и вновь занятия до 17, с 19 до 20 часов - гимнастика и подвижные игры, в 22 - отход ко сну.

Обучение не прекращалось и во время прогулок, так как, по замыслу Жуковского, они должны были "обозревать" общественные здания, учебные и научные учреждения, промышленные заведения и прочие достопримечательности.

По воскресеньям и в праздничные дни в гости приглашались сверстники из аристократических семейств. Самым любимым развлечением всей этой молодежи была военная игра. Например, однажды был устроен штурм Большого каскада в Петергофе: стартовав от «Самсона», мальчики должны были добраться по каскаду работавших на полную мощь фонтанов до верхней площадки, где их ждала императрица с призами.

Еженедельно у двух Александров и Иосифа набиралось по 46 часов уроков, а зимой и летом их ожидали еще и экзамены, продолжавшиеся по четыре дня.

Мёрдер и Жуковский настояли на том, что право делать добро является величайшей наградой, и предложили создать особую кассу благотворительности, взносы в которую составлялись из сумм, полученных тремя воспитанниками за баллы на экзаменах.

Политический компонент педагогики Жуковского

Пушкин и Жуковский были страстными противниками социальной революции снизу. Сколько-нибудь благотворные изменения в жизнь общества должны вноситься сверху - исходить от правящих и господствующих групп, на стороне которых и культура, и ответственность, и сила удержать людей от вреда, от "бунта бессмысленного и беспощадного". Английская революция XVII и французская XVIII века показали их правоту неоспоримо. Экономические и политические реформы сверху могут осуществиться сравнительно мирно и быстро.

Пушкин в своих заметках по русской истории XVIII века (1822 г.) радовался, что дворянам не удалось ограничить в свою пользу самодержавие: ограничение самодержавия исключило бы коренные реформы сверху и привело бы к взрыву снизу, "страшному потрясению". "Нынче же, - продолжал Пушкин, - политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы".

Жуковский читает вышедшую в 1829 году в Дерпте книгу Густава Эверса "Политика" и делает записи на полях, в которых размышляет о власти и государстве (Эверс - друг Жуковского, книгу он вручил Жуковскому с теплой дарственной надписью). "Цель государства: чтобы общество человеческое было счастливо возможною свободою, - пишет Жуковский, - то есть нравственною деятельностью, наслаждением всеми правами, возвышением достоинства человеческого. . . Чтобы человек в обществе смог возможно достигнуть цели бытия своего, а сия цель есть счастье, состоящее в свободном развитии всех сил. . . "

В другой записи - мысль о народных представителях: "Каждое государство основано не на договоре, - но с течением времени идет оно к тому, чтобы из него произошел договор. Ибо понятия о власти и подданных как о праве обязательны и для государя и для подданных: народ мужает и его представители являются для заключения договора окончательно". О роли закона и просвещения в становлении государства говорил Жуковский и в своих лекциях по русской истории.

В 1829 году на основании своих же хронологических таблиц, трудов Карамзина, Шлёцера, Эверса и других историков, а также русских летописей, Жуковский пространно изложил свой взгляд на историю Древней Руси. Государство, считает он, крепнет там, где властитель подчиняется закону.

Жуковский, рассматривая историю всех правлений от Рюрика до Андрея Боголюбского, везде осуждает деспотизм, как силу, которая не раз приводила Русь на край бездны. . .

Деспотизм может уничтожиться только просвещением. Просвещением сначала правящей элиты, а затем - народных масс.

Науки обучения и преподаватели

Весь гуманитарный компонент в "Маленькой школе" был пропитан мыслью об абсолютной необходимости освободить рабов, просветить Россию и ввести представительные институты самоуправления общества, не отменяющие, но существенно ограничивающие монархию.

Сохранились пособия, подготовленные В. А. Жуковским, по которым учились в "Маленькой школе". Они содержат в себе исполненные самим Жуковским рисунки (в красках), которые должны были служить наглядным пособием при объяснении

некоторых частей из физики и при преподавании физической географии. Общее заглавие этим рисункам дано Жуковским следующее: «Упражнения 1824. Подарок Е. И. В. великому князю А. Николаевичу за прилежание». В тетради первой — 14 листов; в тетради второй—15 листов; в тетради третьей — 15 листов.

В папке, озаглавленной Жуковским "Записки о учении [Цесаревича Александра Николаевича] мы, в частности, находим "Обозрение учебы в прошедшем 1828 году"; "Что пройдено в течение 1829 года"; "Обозрение учения в течение 1830 года"; "Обозрение учения от начала августа 1832 до конца дня 1833"; заметки, относящиеся к преподаванию Закона Божия; математики; английского языка; рисования; расписание уроков и многое другое.

Кроме работ самого Жуковского между его рукописями находятся еще разные бумаги, относящиеся к учению и воспитанию Цесаревича Александра Николаевича, в частности, план преподавания русского языка; план синтаксиса по грамматике Александра Христофоровича Востовова; очерк истории образованности, просвещения и литературы в России и таблица истории образованности, просвещения и литературы в России. Эти три документа составлены и писаны собственноручно П. А. Плетнёвым.

Одним из самых близких друзей Пушкина профессор русской словесности Петербургского университета Петр Александрович Плетнёв преподавал четырем старшим детям царя. Великая княгиня Ольга Николаевна впоследствии напишет о нем: «С нами, детьми, он обращался так, как это надлежало педагогу. В Мэри он поддерживал ее воображение, Сашу – в доброте сердца, и всегда обращался с подрастающими как со взрослыми. . . Из всех наших преподавателей он был тем, который особенно глубоко указывал и разъяснял нам ту цель жизни, к которой мы готовились».

Пушкин посвятил Плетнёву своего "Евгения Онегина". Плетнёв остался навсегда верен Пушкину, Дельвигу, Жуковскому. После гибели Пушкина издавал его рукописи.

Английский и итальянский языки цесаревичу преподавал сам Жуковский (см. : Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Императорскую Публичную Библиотеку в 1884 году. Разобраны и описаны Иваном Бычковым. СПб. , 1887).

Кроме Жуковского, читавшего русскую историю и новейшую отечественную словесность, великого князя обучали такие знатоки своего дела, как К. И. Арсеньев - историк, географ, статистик.

Цесаревича учили также французскому, немецкому, естественной истории, химии, всеобщей истории, чистописанию, фехтованию, танцам, фортификации, артиллерии, военной истории и т. д.

Цесаревич изучал (помимо прочего): арифметику, геометрию, русскую грамматику, литературу, логику, начала христианской нравственности, священную историю, мифологию, географию, минералогию, геологию, ботанику, зоологию, историю, финансы, статистику, право, мораль, метафизику, Богопознание, рисование, музыку.

Каждый месяц он сдавал экзамены в присутствии императрицы, полугодовые испытания — в присутствии государя.

На книги, необходимые для занятий, отпускалась чудовищная по тем временам сумма в 10 тыс. руб.

Законоучителем наследника (а также его сестер, великих княжен Марии, Ольги Александры) с 1826 по 1835 год был о. Герасим Павский.

О. Герасим Павский предложил план религиозного воспитания наследника и его сестер, где говорил, в частности, следующее: "Процесс религиозного развития каждой отдельной личности состоит в том, что детские лета суть лета чувства, и потому дитя более имеет в себе религиозной жизни. Но эта райская жизнь дитяти, с

летами, по мере развития рассудка, может потеряться, если и в эти лета не питать религиозного чувства и не ввести идей религиозных в сами понятия рассудка. Когда религиозные идеи воспринимаются рассудком или когда чувства внутренние изображаются во внешних формах, тогда начинается положительная религия, к которой относятся догматы, т. е. понятия рассудка о религиозных идеях; законы, т. е. частные правила, в коих выражается религиозное действование; обряды или чувственное представление идей и правил религии во внешних формах".

С этого времени завязалась крепкая дружба прот. Герасима Павского с В. А. Жуковским. "Я имел возможность узнать вас коротко, - писал ему впоследствии Жуковский - и на всю жизнь сохранию к вам почтение, которое вы вселили в меня своим благородным характером, своею чистою нравственностью, основанною на вере, своим умом просвещенным и своим бескорыстным усердием в исполнении возложенного на вас долга".

Специально для своих августейших воспитанников о. Герасим составил учебники - "Начертание церковной истории" и "Христианское учение в краткой системе", также "Беседу с Государем Наследником накануне принесения Его Императорским Высочеством присяги по случаю совершеннолетия".

Взойдя на российский престол, император Александр II причислил своего бывшего законоучителя к штату придворного духовенства и назначил хорошую пенсию.

В. А. Жуковский. Письмо императрице Александре Федоровне. 8 ИЮЛЯ 1828 г.

Вчера кончился наш экзамен, о успехе которого Карл Карлович [Мёрдер] донес уже Вашему Императорскому Величеству; имею честь представить Вам, Всемилостивейшая Государыня, и мое донесение. Могу сказать с совершенным удовольствием, что Великий Князь и его товарищи отвечали на все сделанные им вопросы так, как только желать было можно. Его Высочество и Виельгорский получили одинакое число баллов. Паткуль оказался слабее; но это не могло и быть иначе: он менее их употребил времени на ученье; — во многом еще назади и должен их догонять. Я уверен, что Вашему Величеству было бы приятно присутствовать на этом экзамене. Государыня Императрица [Мария Федоровна] была им довольна. Не могу не отдать справедливости Великому Князю: он во все время был чрезвычайно внимателен; доказал, что может владеть собою, выражался с живостию, ясностию, словом, хотел сделать что должно — и сделал. Я поблагодарил его от всего сердца. Но в то же время я должен был сказать ему, что четыре дня, в которые прекрасно была исполнена должность, весьма мало значат в целом счете его жизни; что он не должен слишком много ими радоваться, естли те дни, которые им предшествовали, им не отвечают. Государыня Императрица из прекрасных четырех дней экзамена могла заключить, что все прежние дни были на них похожие: но это было бы заблуждение. . . Несмотря на то, Всемилостивейшая Государыня, я радуюсь нашим экзаменом. Он короче познакомил меня с Великим Князем. Я теперь гораздо более на него надеюсь; вижу, что он имеет ум здравый; что в этом уме все врезывается и сохраняется в ясном порядке; вижу, что он имеет много живости; вижу, что он способен к благородному честолюбию, которое может довести его далеко, если соединится с ним твердая воля; вижу, наконец, что он способен владеть собою, посему и имею право надеяться, что он, как скоро поймет всю важность слова должность, будет уметь владеть собою. В этом отношении не могу не сказать, что Великий Князь заслужил за экзамены полное одобрение Ваше и Государя Императора. До сих пор он только знал, что все мы, которые окружаем его, которым Государь и Вы поручили его с такою доверенностию, любим его искренно; что его счастье составляет единственную цель нашей жизни; он это видел на опыте,

но теперь он почувствует, что наша любовь для него не довольна, что ему должно стараться наконец заслужить и наше уважение, а уважение даром не достается; оно дается только за постоянство в добре: только того можно уважать. . . Кажется, можно теперь за него поручиться. Кажется, можно предсказать, что мы в будущий экзамен, похвалив его за хорошие ответы, будем в состоянии прибавить к этой похвале и другую, гораздо важнее: похвалу за постоянство и деятельность; желаю сердечно, чтобы это пророчество исполнилось совершенно. Здесь я должен сообщить Вашему Величеству прекрасную мысль Карла Карловича. Исполнение этой мысли зависит от воли Великого Князя и его товарищей, и истинное, чистое счастье будет их наградой, если они все сделают, чтобы эту мысль исполнить. Вот мысль Карла Карловича: получить право сделать добро есть величайшая награда, какую только человеку заслужить можно. До сих пор из денег Великого Князя делали помощь тем, кто имел в ней нужду. Но такое добро делалось без ведома Великого Князя, только потому, что были деньги, на это определенные по воле Государя Императора. Те, которым помогали, были довольны. Но какое участие имел Великий Князь в том добре, которое делалось его именем? Никакого. Карл Карлович полагает, что и Великий Князь и его товарищи должны заслуживать счастье делать добро своим поведением и учением; и вот его мысль: кто в течение целой недели исполнял свою должность во всех отношениях, кто заслужил все хорошие отметки в нашем журнале, тот получает сверх того право внести и некоторую сумму денег в особенную кассу, которая называется кассой благотворения. Два раза в год, после каждого экзамена, будет считаться, сколько кем собрано денег, и, смотря по тому, каков был экзамен, будет даваться право употребить выслуженные деньги на благотворение. Такого рода благотворение будет истинное, не только полезное для несчастного, имеющего в нем нужду, но и вполне благодетельное для самого благотворителя: ибо он сам тем, что делает его достойным милости Божией, приобрел право явить эту милость над другим. Если положить, что каждый из троих товарищей в течение целого полугодия не потерял ни одной недели, то к концу полугодия составятся три значительные суммы, из которых каждая может спасти целое семейство. Что за радостные мысли: я был благотворителем целого семейства, и был им потому, что исполнил волю Божию, утвердился в добре и сам сделался достойнее любви. Я уверен, что сердце Вашего Величества будет согласно с благородным сердцем нашего Мёрдера и что Государь Император благоволит одобрить его намерение. Но я должен здесь сказать, что в течение следующего полугодия мы еще не начнем собирать предположенной суммы; и вот по какой причине. Тому уже несколько недель, как прекрасная мысль Карла Карловича была у нас объявлена, и мы думали приступить немедленно к ее исполнению; но что же вышло? Один только Виельгорский, и после объявления, имел сряду две недели, в которых все отметки были хорошие. Ни Великий Князь, ни Паткуль не выдержали. Это заставило нас подумать, что такого рода награды еще не по силам, и мы положили, что в следующие полгода сумма наша собираться не будет; что в эти полгода можно только приобрести право на ее собрание, которое не прежде начнется, как с будущего года. Увидим, что скажет нам полный расчет нашей . настольной книги? Тот, кто будет иметь две трети недель замеченных отлично, получит с нового года право начать вносить свои суммы в кассу благотворения; кто же не будет иметь сего числа, для того это счастье отложится на полгода. И это право может быть потеряно, смотря по тому, каков будет после полугодовой счет недель отличных. Благотворение есть нечто святое. Не всякий, имеющий деньги, может сметь называться благотворителем! Это храм, в котором присутствует Бог и в который надобно входить с чистым сердцем. Но справедливость требует, чтобы Виельгорский, который выдержал две недели, в надежде сделать добро, получил награду за свое усилие. Эти две недели будут исключением из общего правила.

Также и Государыне Императрице, которая была чрезвычайно довольна нашим экзаменом, угодно было утешить Великого Князя достойным его образом; почему и положено, чтобы за этот экзамен, каждый из трех получил право сделать добро. Само по себе разумеется, что Виельгорский, сверх общего права с другими, имеет еще и собственное, им самим выслуженное. Из тона, с каким до сих пор было писано письмо мое, Ваше Величество могли сами заметить, что оно писано не для одних Вас; я прочитал его Великому Князю. Кажется, что оно произвело хорошее действие. Теперь у нас началась ваканция: она продолжится до 15 августа. В это время будем только повторять старое и заниматься особенно чтением, на которое будут посвящаемы утренние часы. Будем читать французские, русские и немецкие книги, но еще просто занимательные; между прочим, однако, и статьи из Илиады. В Гомере много привлекательного для детей. Я ничего так не желаю, как вселить в Великом Князе охоту к чтению. До сих пор еще не было и начала ее. Боюсь, чтобы пристрастие к военному не зашло к нам в душу и многому не помешало. А хорошие книги вернейшие друзья частного человека и настоящие советники Государей; они не льстят, а заставляют мыслить и возбуждают уважение ко всему человеческому. Остальное время от чтения и утренних занятий будет посвящено прогулкам, играм, свободе; иногда будем читать что-нибудь приятное и на открытом воздухе. Во время ваканций особенно займусь тем, чтобы Великий Князь приучился правильнее выражаться по-русски и получил навык лучше читать. До сих пор я обращал на это менее внимания; но из писем его, писанных по-русски, который никогда не поправляются, ни в слог, ни в правописание, можно уже видеть, что он со временем будет иметь слог; он выражается очень непринужденно и просто: пускай прежде научится думать, разбогатеет идеями и чувствами, тогда получит и слог; я в этом не сомневаюсь. По окончании ваканций, в течение последней половины нынешнего года, надеюсь пройтись все то, что служит для нас приготовлением к истории. Особенно займемся естественною историею: эту часть я поручил академику Триниусу, который приготовил и прислал уже общий взгляд, сообразно с моею методою: познакомиться с произведениями природы и с человеком в отношении к ней. Мы хорошо узнаем ту сцену, на которую приведет нас история на будущий год: это сделает и самое преподавание истории гораздо привлекательнее. Судя по тому, как идет наше учение, я, кажется, могу сказать, что я не ошибся в своем плане и в своей методе. Мы подвигаемся вперед медленным, но твердым шагом. Мы знаем не много, но то, что знаем, — наше. Это главное; тем более выиграем времени и тем быстрее пойдем вперед впоследствии. В заключение считаю обязанностью сказать, что все учителя, нами избранные, исполняют обязанность свою с благородною радостью. Не могу не радоваться их бескорыстным единодушием. Что же касается до меня самого, то я совершенно счастлив моим товариществом с нашим почтенным, редким Мёрдером. Мы идем с ним к святой нашей цели рука в руку; еще не было между нами ни минуты разномыслия. Будет ли успех, это зависит от Провидения. Но от нас зависит действовать так, чтобы мы не могли упрекнуть себя в произвольном препятствии успеху. Оканчиваю письмо мое обыкновенным, любимейшим словом моего сердца: сохрани Бог Вас и Государя Императора.

Характер его высочества, трудности его воспитания

Мёрдер и Жуковский, внимательно следившие не только за успехами наследника в учебе, но и за становлением его характера, регулярно докладывали императору о проявлении тех или иных черт личности Александра. "Я теперь гораздо больше на него надеюсь, - писал в 1828 году Жуковский, - вижу, что имеет он здравый ум, что в этом уме все врезывается и сохраняется в ясном порядке, вижу, что он имеет много живости; вижу, что он способен к благородному честолюбию, которое может завести

его далеко, если соединится с ним твердая воля; вижу, наконец, что он способен владеть собою, посему и имею право надеяться, что он, как скорее поймет всю важность слова должность, будет уметь владеть собою". Под словом "должность" надо понимать, конечно, долг - слово-символ, слово-ключ, которое отныне будет незримо сопровождать наследника как тень на протяжении всей его жизни.

Александр рос резвым, физически крепким подростком, многое схватывал на лету, умел нравиться людям, был добр и сентиментален, обожал своих родных, особенно мать и сестер. Доброта и сентиментальность быстро стали чертами его характера, а черты характера - это те инструменты, с помощью которых мы пытаемся приспособиться к окружающей нас действительности. Так что наш герой выбрал не самый плохой набор инструментов.

Однако наставники постоянно отмечали и те негативные черты характера великого князя, которые требовали, по их мнению, исправления и даже искоренения.

Самым неприятным и непонятным и для них, и для родителей Александра была странная апатия, хандра, нападавшая на ребенка совершенно внезапно и погружавшая его в некое подобие транса. В такие минуты для него не существовало ни уроков, ни игр, ни соучеников или наставников, и он, разоткровенничавшись, начинал говорить, *"что не хотел бы родиться великим князем"*. Это состояние особенно усиливалось, когда наследник сталкивался с задачей, которую ему не удавалось решить сразу, одним махом.

Другой чертой характера наследника, волновавшей воспитателей, была его, как они это называли, "невыдержанность". Став императором, Александр Николаевич мог накричать на незадачливого собеседника, в сердцах плюнуть в него, но тут же обнять и просить прощения. Подобные сцены не являлись, конечно, нормой поведения монарха, но они действительно случались. И кто знает, не были ли эти крики и плевки человека, родившегося наследником престола, подавленного контролем воспитателей, мстью или протестом за отсутствие у него нормального детства. Тем более что вообще-то Александр Николаевич умел прекрасно владеть собой, что он не раз доказывал и на охотах (однажды спас егеря, попавшего в лапы к медведю), и во время покушений террористов, и во время тушения многочисленных пожаров, случавшихся в Петербурге.

Июнь - июль 1834 года Жуковский провел в Петергофе. В дневнике его много горьких слов по поводу ученика, которому он отдал столько лет жизни своей, столько забот: "Во время лекций. . . великий князь слушал с каким-то холодным недовольным невниманием. . . Мое влияние на него ничтожно. . . Я для него только представитель скуки. . . Посреди каких идей обыкновенно кружится бедная голова его и дремлет его сердце?" (4 июня); "великий князь не дослушал чтения; это было неприлично. . . Не надобно привыкать употреблять других только для себя; надобно к ним иметь внимание. А ко мне и подавно. Избави Бог от привычки видеть одного себя центром всего и считать других только принадлежностью, искать собственного удовольствия и собственной выгоды, не заботясь о том, что это стоит для других: в этом есть какое-то сибаритство, самовольство, эгоизм, весьма унижительный для души и весьма для нее вредный" (5 июня); "Он учится весьма небрежно. . . Ум его спит, и не знаю, что может пробудить его" (9 июня).

Трудности в общении Жуковского с императором Николаем

Уже в марте 1830 года Жуковский почувствовал, что царь снова недоволен им. Он спросил о причине императрицу. Она ответила, что царь сердится на него за то, что он "впутывается в литературные ссоры", что в журналистских дразгках между Гречем, Булгариным и Воейковым он держит сторону последнего и пользуется придворными связями, чтобы наказывать других. Жуковский сразу понял, что это - результат

доносов Булгарина. Нужно было вступить за свое достоинство, за достоинство литератора, поэта, и Жуковский написал объяснительное письмо к царю. "Во все время моего авторства я ни с кем не имел литературных ссор, – пишет он. – . . . ибо писал не для ничтожного, купленного интригами, успеха, а просто по влечению сердца. . . Как писатель, я был учеником Карамзина; те, кои начали писать после меня, называли себя моими учениками, и между ними Пушкин, по таланту и искусству, превзошел своего учителя. Смотри на страницы, мною написанные, скажу смело, что мною были пущены в ход и высокие мысли, и чистые чувства, и любовь к вере, и любовь к отечеству. С этой стороны имею право на одобрение моих современников. Стихи мои останутся верным памятником и моей жизни, и, смею прибавить, славнейших дней Александрова времени. Я жил как писал: остался чист и мыслями, и делами". Это была одна жизнь. Она, как пишет Жуковский, кончилась. . . "Теперь живу не для себя, – продолжает он, и далее звучит в его словах плохо скрытый упрек в непонимании и неблагодарности. – Я простился с светом; он весь в учебной комнате великого князя, где я исполняю свое дело, и в моем кабинете, где я к нему готовлюсь. . . Каждый из учителей великого князя имеет определенную часть свою; я же не только смотрю за ходом учения, но и сам работаю по всем главным частям. . . Чтобы вести такую жизнь, какую веду я, нужен энтузиазм".

В. А. Жуковский. Письмо к государю наследнику цесаревичу. 1 января 1833.

Верне, близ Веве.

Обнимаю вас от всего сердца, мой милый великий князь, и поздравляю с новым годом. Это слово поздравляю, выражающее что-то радостное и торжественное, в отношении к вам имеет полный буквальный смысл свой. Для всякого, кто перешел за другую половину жизни, в таком поздравлении есть что-то ироническое: поздравлять с новым годом есть то же, что поздравлять с окончанием прошлого, следственно с потерю. Для человека в зрелых летах (который должен уже не готовиться, не образоваться, а действовать) нет будущего, есть одно настоящее. А что такое настоящее? Быстро пролетающий миг. Он приобретает бытие только в прошедшем, когда ознаменовано бывает каким-нибудь делом, каким-нибудь чувством или мыслию. Дело есть памятник земной жизни, мысль и чувство есть сокровище души, принадлежащее ей на всё бесконечное бытие ее. Для старика поздравление с новым годом есть меланхолическое напоминание о близкой разлуке с жизнью; но в этом напоминании есть много высокого; указывая с одной стороны на исчезающую здешнюю жизнь, оно переносит мысль в иной, лучший порядок вещей, в иной мир, в иные отношения; из-за тумана земной жизни светится жизнь бессмертная, настоящая цель бытия понятнее и ближе. Для меня нет ничего величественнее старика, богатого прекрасными воспоминаниями; он похож на спокойного младенца стою только разницею, что младенец выходит из колыбели к здешней жизни, а старик приближается ко гробу, который есть колыбель жизни бессмертной, и смерть в таком смысле не есть ли прекрасное рождение?

Но для вас, мой милый князь, в ваши лета, на границе между ребячеством и юношеством, поздравление с новым годом имеет смысл очаровательный. До сих пор ваша жизнь имела характер младенческой беспечности; она была не иное что, как веселое счастье в настоящем, без всякой заботы о прошедшем и будущем. Хотя и часто слышали вы от меня о великом знаменовании этого будущего, но по своим летам вы еще не могли совершенно постигать этого знаменования. Теперь же оно должно быть для вас понятно. Ваша жизнь получает иной характер, характер надежды. Мы не знаем, какую судьбу приготовило вам Провидение в здешнем свете; но это не главное. Случаи жизни принадлежат одному Богу; наша душа принадлежит Ему и нам; от нас зависит, чтобы наша душа посреди этих событий, посылаемых нам

Создателем, сделалась такую, какова она должны быть согласно со своим высоким происхождением и с предназначенною целью. Итак, поздравляю вас с новым годом, с первым годом надежды. Будущее принадлежит вам, не то будущее, под коим обыкновенно разумеют случаи жизни, но будущее души, то есть все, что составляет истинную жизнь нашу: чистота и высота мыслей, знание долга, деятельность для блага, смирение перед Богом. Это будущее еще ваше, и новый год, как Божий вестник, говорит вам: иди вперед; дорога еще вся перед тобою, и на ней можешь собрать много; но собирай неумолимо, ибо время беспечности миновалось, и время строгой ответственности скоро наступит. Итак, с Богом вперед! Вы уже теперь в таких летах, что можете знать, чего вам должно желать; желайте только с жаром и будьте постоянно тверды в стремлении к своей цели.

Неуспех в достижении этой цели может произойти, между прочим, от двух причин: от невежества в своем деле и от излишней доверенности к самому себе. Чтобы не могло быть первого, то есть невежества, дорожите своим временем и будьте ревностны в приобретении нужных вам на вашем месте сведений; не имея их, будете действовать без правил, следовательно без основательности и часто со вредом. От излишней самонадеянности спасет вас истинное смирение перед Богом. /Иными словами: делай как можно основательнее и при этом условия больше доброго, и ты будешь знать счастливую старость и тебе будет не страшно умирать, и у тебя будет надежда на блаженство после смерти, ибо вечная душа уносит с собой только то, что она успевает приобретать здесь при жизни/. Это смирение не есть ни суеверное богомольничество монарха, ни мечтательность мистика, но высокое, постоянное, светлое чувство души, беспрестанно видящей себя в присутствии Бога, следовательно беспрестанно чувствующей и свою перед Ним ничтожность, и свою подсудимость, но в то же время и свое высокое назначение и свою силу, заключенную в его неизменном содействии.

Вот мысли, кои внушило мне поздравление вас с новым годом. Прошу вас принять их с тем чувством, с коим я их передаю вам. Сожалею только, что в эту минуту принужден их выражать на бумаге, следовательно не так, как бы хотелось, и что в заключение не могу подать вам руки и прижать вас к сердцу. . . .

Теперь читаю две книги. Одна из них напечатана моими берлинскими знакомцами, Гумблотом и Дункером, довольно четко, на простой бумаге, а называется *Menzel's Geschichte unserer Zeit*; а другая самой природою на здешних огромных горах, великолепным изданием. Титула этой последней книги я еще не разобрал. Но и то и другое чтение приводит меня к одному и тому же результату. . . . Какое сходство в истории этих безжизненных великанов с историею живого человеческого рода! . . . Что же представляет нам человеческое общество после падения и что после всемирного потопа, уничтожившего первобытный род человеческий? Не то же ли, что сей беспорядочный бой стихий и масс физического мира, сквозь которые с трудом и постепенно пробивалась высшая жизнь? И все эти предания о древнем мире после потопа, все эти памятники огромных минувших царств, колоссы Индии и Египта, завоевания Сесострисов, Киров, Александров, и самый всемогущий Рим. . . не то же ли они в истории - некогда живые, теперь мертвые и окаменелые посреди веков, набросанных временем, не то же ли они, что эти огромные чудовища, владевшие первобытною землею, которых остовы нас так изумляют, повествуя нам о том, чего давно нет и чего уже быть не может? . . . Проезжая сюда через кантон Швиц, я видел на прекрасной долине, между Цюрихским и Ловерцким озером, развалины горы, задавившей двадцать лет назад несколько деревень, и обратившей своим падением райскую область в пустыню. Это место называлось тогда *Goldau* (золотой луг).

Рядом с этим хаосом камней простирается холмистая равнина, покрытая сочною травой, пышными деревьями, селениями, хижинами, садами; но бугристая

поверхность ее, согласно с преданием, свидетельствует о древнем разрушении: за несколько веков (до того) и на этом месте упала гора, задавила несколько селений, и надлежало пройти сотням лет, дабы развалины могли покрыться слоем плодородной земли, на которой поселилось новое поколение, совершенно чуждое погибшему. Вот история всех революций, всех насильственных переворотов, кем бы они производимы ни были, бурным ли бешенством толпы, дерзкою ли властью одного! Разрушать существующее, жертвуя справедливостию, жертвуя настоящим для возможного будущего блага, есть опрокидывать гору на человеческие жилища с безумною мыслию, что можно вдруг бесплодную землю, на которой стоят они, заменить другою более плодородною. Время возьмет свое, и новая жизнь начнется на развалинах: но это дело его, а не наше; мы только произвели гибель; а произведенное временем из созданных нами развалин нимало не соответствует тому, чего мы хотели вначале. Время истинный создатель, мы же в свою пору были только преступные губители, и отдаленные благие следствия, загладив следы гибели, не оправдывают губителей. На этих развалинах Гольдау ярко написана истина: "средство не оправдывается целию; что вредно в настоящем, то есть истинное зло, хотя бы и было благотельно в своих последствиях; никто не имеет права жертвовать будущему настоящим и нарушать верную справедливость для неверного возможного блага". Человек во всякую настоящую минуту может быть справедливым; в этом его человеческая свобода. Что справедливо теперь, то несомнительно; жертвовать этим несомнительным, единственно возможным человеку, для вероятной, следственно сомнительной пользы, есть преступление или безумство. Ибо кто отвечает за будущее? И следующий миг не принадлежит нам: это уже область Провидения. Только оставаясь в границах человечества, с светлым понятием о справедливости, можем мы действовать благотворно, то есть нравственно; напротив, вступать в дело Провидения и надеясь силою в одну минуту произвести то, что оно медленно созидает временем, мы губим и гибнем. Что же?

Должны ли мы себя осудить на бездействие и неподвижно предаться во власть времени, подобно камням, которые, не видя и не зная, что с ними творится, дают ему покрывать себя мохом и растениями? Нет. Но для человека довольно собственной деятельности и без дерзкого присвоения той, которая не принадлежит ему. Иди шаг за шагом за временем, вслушивайся в его голос, и исполняй то, чего он требует. Отставать от него столь же бедственно, как и перегонять его. Не толкай горы с места, но и не стой перед нею, когда она падает: в первом случае сам произведешь разрушение, в последнем не отворишь разрушения, в обоих же неминуемо погибнешь. Но работая беспрестанно, неутомимо, наряду со временем, отделяя от живого то, что оно уже умертвило, питая то, в чем уже таится зародыш жизни, и храня то, что зрело и полно жизни, ты безопасно, без всякого губительного потрясения, произведешь или новое необходимое, или уничтожишь старое уже бесплодное или вредное. Одним словом, живи и давай жить; а паче всего блюди Божию правду! .

В конечном же счете Василий Андреевич Жуковский победил, как мы увидим, и императора, и его наследника.

Глава шестая. Наследник в свои 16 – 19 лет

1834 год стал этапным в истории "Маленькой школы". Его в целом успешное завершение позволило перейти к завершению образования наследника российскогo престола.

17 апреля 1834 г. Александру исполнилось 16 лет и ему предстояло принести присягу на верность России, а также, продолжая учебные занятия, включиться в работу государственных органов. Николай I повелел совершеннолетнему отныне

сыну присутствовать на заседаниях Сената, а с 1835 года наследник стал членом Святейшего синода.

В связи с предстоящей присягой государь поручил Михаилу Михайловичу Сперанскому приготовить цесаревича к присяге, предстоявшей ему по достижении совершеннолетия, изложить своему слушателю понятие о законах вообще, разделение их на разные виды, краткий очерк истории русского законодательства и сущность основных законов нашей Империи.

М. М. Сперанский написал четыре «беседы» с наследником. В принципе, это — развернутые лекции, предполагавшие диалог наставника с учеником. По словам М. А. Корфа, биографа Сперанского, "Это и были, в полном смысле, беседы, но беседы не схоластически преподающего профессора со студентом, следящим за его лекциями иногда только для выдержания экзамена, а государственного человека, глубоко и на практике изучившего жизнь России, с будущим ее Монархом, жадно вслушивающимся в науку царей и правителей. Сперанскому, при его даре слова и всегдашней отчетливости и ясности мыслей, не трудно было овладеть вниманием любознательного цесаревича. Преподаватель вложил в это дело всю свою душу, все благороднейшие свои стремления. Здесь он уже не был стеснен ни спешностью требований по делам текущим, ни житейскими расчетами. Для его знаний, для его мыслей, для истинных задушевных его убеждений был такой простор, какой никогда, может быть, не открывался ему на служебном поприще. Здесь он мог и должен был говорить откровенно, свободно, смело, мог быть настоящим Сперанским".

«Беседы» проводились в марте 1834 г.

Присяга

. . . Шестнадцатилетие цесаревича Александра пришлось на вторник страстной недели, поэтому принятие присяги было перенесено на 22 апреля — пасхальное воскресенье. В этот день наследник в большой церкви Зимнего дворца после молебна в присутствии царя и царицы, всех высших чинов империи (рядом с аналоем лежали императорские регалии) принял присягу. Текст ее, написанный М. М. Сперанским, в частности, гласил: «Именем Бога Всемогущего, пред святым Его Евангелием обещаюсь и клянусь: Его Императорскому Величеству, всемилостивейшему Государю, родителю моему, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови. . . » Через несколько часов наследник принял и военную присягу. Эти торжественные события были отмечены специальным манифестом и пушечным салютом.

Пушкин писал в своем дневнике:

". . . 2 апреля. . . В прошлое воскресенье обедал я у Сперанского. Он рассказывал мне о своем изгнании в 1812 году. Он выслан был из П<етер>б<урга> по Тихвинской глухой дороге. Ему дан был в провожатые полицейский чиновник, человек добрый и глупый. На одной станции не давали ему лошадей; чиновник пришел просить покровительства у своего арестанта: ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно. Эти канальи лошадей нам не дают. - Сперанский у себя очень любезен. - Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как Гении Зла и Блага. Он отвечал комплиментами и советовал мне писать Историю моего времени.

Середа на святой неделе. Праздник совершеннолетия совершился. Я не был свидетелем. Это было вместе торжество государственное и семейственное. В. <еликий> кн. <язь> был чрезвычайно тронут. Присягу произнес он твердым и веселым голосом, но, начав молитву, принужден был остановиться - и залился слезами. Государь и государыня плакали также. - Наследник, прочитав молитву, кинулся обнимать отца, который расцеловал его в лоб и в очи и в щеки - и потом

подвел сына к императрице. Все трое обнялись в слезах. Присяга в Георгиевской зале под знаменами была повторением первой - и охледила действие. . . "

А. С. Пушкин следил за успехами великого князя.

Правоведческий и государственоведческий курс, пройденный великим князем со Сперанским

По замыслу Жуковского, именно со Сперанского должна была начаться для наследника фаза высшего образования наследника. В следующем году Александра стали знакомить с современным состоянием русских финансов (беседы вел министр финансов граф Капкрин), с высшей стратегией и военной политикой (эти вопросы освещал бывший начальник штаба маршала Нея – авторитетный военный специалист барон Жомини) и с внешней политикой России (в секреты дипломатии наследника посвящал старший советник министерства иностранных дел барон Филипп Иванович Бруннов.

"Беседы" Сперанского понравились цесаревичу и его родителям. Сперанский в следующем году был приглашен к юноше главным преподавателем правовых дисциплин.

Сперанский занимался с наследником с 12 октября 1835 г. по 10 апреля 1837 г. по 12 часов в неделю. Это был обширный теоретико-практический курс, охватывавший все отрасли правоведения и государственоведения.

В архиве М. М. Сперанского сохранилось большое количество рукописных работ, написанных в промежутке между 1826-1838 гг. Часть их относится к занятиям с наследником престола.

Авторитетный свидетель приводит важную подробность: "Сперанский незадолго до смерти своей рассказывал / . . . /, что Государь цесаревич / после завершения занятий/ везде / . . . /, всегда искал заводить с ним разговор об этом важном, пленившем его предмете, т. е. о законодательстве государственном". Сперанский хорошо выучил своего наставника, Александр II стал вторым по масштабному значению (после Петра Великого) реформатором в истории России. Государь-преобразователь хорошо усвоил уроки своего учителя, реформы 1860-х годов проектировали и воплощали в реальности прямые выученики Сперанского.

После завершения занятий с наследником Сперанский был удостоен 17 апреля 1837 г. (в день рождения цесаревича) большой золотой табакерки с портретами царя и царицы и "алмазных знаков Ордена Св. Андрея /Первозванного/" - наивысшая степень награды в Российской империи.

Сохранилась пространная рукопись Сперанского "Историческое обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян" (работа датирована 3 октября 1836 г. , что позволяет предположить, что она была прочитана царю, как это практиковал автор). Доклад Сперанского, представляющий историческое исследование истории возникновения, укоренения и изменения крепостного права, содержит и косвенное осуждение "крепостного состояния", стремление к смягчению, изменению в лучшую сторону, вытеснению этого уродливого пережитка "стародавней старины".

В первые месяцы 1838 г. , а потом в отпуске Сперанский усиленно перерабатывал текст лекций с цесаревичем в учебник "Руководство к познанию законов", который, по мысли автора, должен был стать основным пособием по теории права для юридических факультетов университетов. Сперанский успел написать 8 глав учебника.

На занятиях с наследником Александром Николаевичем Сперанский хвалил французские законы, разделение властей и конституционные порядки. Когда об этом стало известно Николаю I, реформатору-ветерану строго указали.

Уроки Сперанского вписались в общую идейную канву подготовки принца. Когда из него вышел великий император, он преобразовал все отрасли права в России. Наша страна перестала (в какой-то степени) быть "рабски бессудной".

Столетие со дня рождения великого юриста отмечалось торжественно и пышно. По воле императора во главе юбилейного комитета в ноябре 1871 г. встал М. А. Корф - ученик и продолжатель дела гениального юриста. В честь Сперанского 1 января 1872 г. была отслужена торжественная литургия в Александро-Невской лавре, учреждена премия его имени "за лучшее юридическое сочинение", напечатан и пущен в продажу портрет мыслителя, вычеканены юбилейные медали. Юридические факультеты всех российских университетов, общественность городов, связанных с жизнью и деятельностью Сперанского, почтили его память специальными торжественными собраниями, где произносились юбилейные доклады и речи.

Александр II особым образом наградил посмертно своего учителя. Внучка Сперанского вышла замуж за князя М. Р. Кантакузина, у них родился сын Михаил, правнук Сперанского. Александр II получил "записку" статс-секретаря, князя С. Н. Урусова:

"Статс-секретарь барон Корф передал мне, что многие из почитателей памяти графа Сперанского желали бы, чтобы по случаю свершающейся ныне столетней годовщины графа фамилия его была перенесена на его правнука и единственного потомка князя Михаила Кантакузина, окончившего курс в Новороссийском университете с степенью кандидата прав, т. е. чтобы молодой человек назывался князь Кантакузин-Сперанский, и что родитель молодого князя на такую прибавку к их фамилии, с своей стороны, изъявляет согласие.

Так как дела подобного рода относятся до обязанностей министра юстиции, то сообщив об изъясненном заявлении барона Корфа статс-секретарю графу Палену, - приемлю смелость всеподданнейше довести о сем до Высочайшего сведения Вашего Императорского Величества".

Правнук Сперанского получил прославленную фамилию прадеда.

Пушкин, Сперанский и Жуковский часто встречались – порознь и вместе – пока смерть не разлучила их.

Пушкин боготворил Сперанского, с которым познакомился вскоре по воцарению Николая. Поэт называл его "гением добра".

В конце 1820-начале 1830-х годов Елизавета - дочь Сперанского - держала известный литературный салон, посетителями которого были самые прославленные литераторы. К этому времени относятся частые встречи Сперанского с Пушкиным, которому он помог издать в лучшей тогда в России типографии II Отделения "Историю пугачевского бунта".

29 августа 1833 г. Жуковский в Берлине, во дворце, встречает Сперанского.

1 января 1834 г. Пушкин записал в своем дневнике: "Встретил новый год /в доме Сперанских/. Разговор со Сперанским о Пугачеве, о Собрании законов, о первом времени царств/ования/ Алекс/андра I/, о Ермолове etc. "

Дневник Жуковского лета 1834 года (исследование Р. В. Иезуитовой)

Лето 1834 года было временем наиболее тесного общения с Жуковским с Пушкиным и Сперанским. Это видно, в частности, и из дневника Жуковского за лето 1834 года.

Дневник 1834 г. приоткрывает завесу над сложной историей взаимоотношений наставника и ученика, вскрывает глубокий драматизм положения поэта при дворе.

На июнь — июль 1834 г. приходится ряд важных записей и в «Дневнике» Пушкина.

«Жук. <овский> поймал недавно на бале у Фикельмон <. . . > цареубийцу Скарятину, и заставил рассказывать его 11-ое марта. Они сели. В эту минуту входит гос. <ударь> с графом Бенкенд. <орфом> и застаёт наставника своего сына, дружелюбно беседующего с убийцею его отца» (XII, 321).

Тема цареубийства постоянно интересовала Жуковского. Недаром многие из его записей касаются другого умерщвленного придворными тирана — Петра III.

Жуковский боялся за наследника. Не убьют ли его придворные за осуществление крестьянской реформы и других необходимых преобразований?

Дневник 1834 г. , обнаруживая пристальное внимание поэта к одному из наиболее нашумевших политических переворотов в России, позволяет наметить новую линию в истории литературных отношений Жуковского и Пушкина. 30-е годы характеризуются для писателей Пушкинского круга широким и всесторонним интересом к русской истории, в особенности к ее переломным, кризисным моментам. Чтение в Пушкинском кругу произведений знаменитых мемуаристов (Е. Н. Дашковой, Екатерины II, Дидро, Казановы, Маргариты Валуа, упоминаемых выше Жуковским апокрифических мемуаров Людовика XVIII и др.), известных исторических сочинений, обмен мнениями по их поводу, беседы с очевидцами нашумевших происшествий и событий становятся характерной приметой 30-х годов.

Как известно, со слов князя А. Н. Голицына был записан Пушкиным «Славный анекдот об Указе» Петра I (XII, 162), а следовательно, князь, несомненно, входил в круг собеседников Пушкина и интересовал его как яркий рассказчик. Анекдоты, записанные Жуковским, имеют множество параллелей в исторической прозе Пушкина, и их опубликование безусловно даст интересный материал для сопоставлений.

Таким образом, дневник Жуковского, относящийся к лету 1834 г. , включает в себя календарные записи, заметки педагогического назначения, размышления поэта на исторические темы, а также элементы его художественной прозы.

Фрагменты из "Дневника" Василия Андреевича Жуковского

1834

Июня 4. Вторник. Арсеньев. О ратном деле до Петра.

(Арсеньев Константин Иванович (1789—1863) — историк и географ, профессор Петербургского университета, преподававший наследнику русскую историю и статистику. Арсеньев был знакомым Пушкина, который беседовал с ним, встречаясь у Плетнёва, «о лицах и событиях времен Петра Великого», см. : Русский архив, 1908, № 10, с. 292).

Плетнёв. Чтение статьи <о> Екатерине и Павле. Чтение Пеллико.

(Пеллико Сильвио (1789—1854) — итальянский писатель и публицист, автор мемуаров «Мои темницы» (1833) и трактата «Об обязанностях человека» (1834). Пушкин напечатал в «Современнике» рецензию на книгу Пеллико «Об обязанностях человека» (XII, 99—100). Дневник Жуковского отражает самую раннюю стадию знакомства с произведениями Пеллико в России. Надо полагать, речь идет о «Моих темницах», так как в записи за 5 июня Жуковский упоминает «Путешествие во Флоренцию» — одну из глав этой книги. В библиотеке Пушкина имеются обе упомянутые книги Пеллико, см. : Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб. , 1910, № 1250, 1251).

Во время лекций разговор о Екатерине. Великий князь слушал с каким-то холодным недовольным невниманием, я спросил о причине оною; ответ был уклонительный. Должно об этом переговорить после. Я напомнил ему, что он должен бояться предубеждений и что в сношении со мною должен наблюдать

совершенную искренность. — После обеда он поспешил уехать. — Наша жизнь раздроблена совершенно. Мое влияние на него ничтожно. Бываю и могу быть с ним только в часы учебные; во все другие я ему чужой. Отчего это? Не нужно ли бывать с ним чаще? Но когда? Только во время прогулок? — Во всякое другое время или уроки, или занятия для уроков. Все же свободное время принадлежит не ему. Я для него только представитель скуки. А сколько помехи во всем остальном. Посреди каких идей обыкновенно кружится бедная голова его и дремлет его сердце! Что же делать, чтобы иметь более хорошего на него действия? Чем произвести с ним свичку?

Июня 5. Середа. Был разговор с великим князем о Екатерине. Все упреки, которые она заслуживает от потомства, падают на нее от первого ее шага, принужденного, но не правого. От него начинают находить полезным убийство Петра III, в коем воля ее невинна. Убийство Иоанна Антоновича есть необходимое следствие преступления, до нее совершившегося. Вражда с Павлом есть также следствие первой неправды: за трон заплатила она чувством матери. Но ее развратная жизнь принадлежит уже совершенно ей самой. Сколько ж зато с другой стороны и великого. Благодарность, которую мы ощущаем к великому государю, это — возвышенное чувство, потому что оно бескорыстно и вместе с тем сопряжено с высокими мыслями (франц.).

Во время чтения, при котором присутствовал Паткуль, великий князь забылся: он, лежа, протянул ноги и положил их на колени Паткуля. Я взглянул на эти ноги; в<еликий> к<нязь> почувствовал неприличие и переменял положение. Правила: "Не подвергайте тех, кто вас окружает, чему-либо такому, что может их унижить; вы их оскорбляете и отдаляете от себя, и вы унижаете самих себя этими проявлениями ложного превосходства, которое должно заключаться не в том, чтобы давать чувствовать другим их ничтожество, но в том, чтобы внушать им вашим присутствием чувство вашего и их достоинства. Только низкая душа может считать, что она возвышается над другими, унижая их: стихия, в которой живет высокая душа, чиста; она хорошо чувствует себя лишь там, где все подобно ей; она любит благородство других потому, что сама благородна. — Лучше, чтобы вам повиновались свободные люди, нежели рабы. Для первых государь — это представитель божественной власти, необходимой для людских дел, как сам Бог <необходим> для вселенной; для последних <же> государь — это только господин, который держит их в узде, которому повинуются потому, что он могуществен, но втайне ненавидят, потому что его власть унижительна и могла бы стать <нрзб> потому что она переходит за пределы права" (франц.).

В<еликий> к<нязь> недослушал чтения; это было неприлично. Чтение не могло долго продолжаться. Если бы он дал мне его докончить, то доказал, что слушал с удовольствием. Такого рода принуждение необходимо: не подобно привыкать употреблять других только для себя: надобно к ним иметь внимание. А ко мне и подавно. Избави Бог от привычки видеть одного себя центром всего и считать других только принадлежностью, искать собственного удовольствия и собственной выгоды, не заботясь о том, что это стоит для других: в этом есть какое-<то> сибаритство, самовольство, эгоизм, весьма унижительный для души и весьма для нее вредный.

Июня 6. Четверг. Выписки из Ансильона.

(Ансильон Иоганн-Фридрих (1767—1837) — видный прусский государственный деятель, писатель, воспитатель кронпринца прусского Фридриха-Вильгельма. Автор педагогического сочинения «Penseés sur l'homme ses rapports et ses intérêts» (vol. I, II. Berlin, 1829) («Мысли о человеке, его отношениях и его стремлениях»), которое имеется в коллекции книг библиотеки Жуковского, хранящейся в Пушкинском Доме. Об этой книге постоянно идет речь на страницах публикуемого дневника Жуковского 1834 г. Жуковский был лично знаком с Ансильоном и общался с ним во время своего

путешествия в Германию в 1820—1821 гг. (см. : Дневники Жуковского, с. 87, 89, 100). Упомянутая книга была известна и Пушкину, получившему ее в подарок от П. Я. Чаадаева в 1829 г. (XIV, 44, 394). Экземпляр с многочисленными пометами Чаадаева сохранился в библиотеке Пушкина, см. : Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб. , 1910, № 540).

Эртель. Чтение Валленштейна.

(Эртель Василий Андреевич — преподаватель немецкого языка. В данном случае речь идет об учебном переводе драматической трилогии Шиллера «Валленштейн», который наследник выполнял под наблюдением Эртеля).

Народ, не имеющий литературы, — это ребенок, еще не научившийся говорить. Бывает долгое, бывает и вечное ребячество. Народ необразованный, быстро вступающий в среду образованных, чрез то заимствует у них без приготовления их образованность: его литература не может иметь оригинальности или терять ее. Для нас не было ни классической литературы, ни собственно народной: первой лишила нас греческая вера и татары; последняя почти вся погибла; теперь начинают добираться до народности; но и это подражание. Климат, однообразная природа, политические причины, равнодушие правительства или его невежество, нестойкость, расположение все пренебрегать и над всем издеваться. Вопрос: какую должна быть судьба России, если взять в рассуждение ее историю, ее политическую жизнь и характер ее народа?

Июня 7. Пятница. Я дал совет великому князю. . . Записывать в особенную книжку все те вопросы касательно государственного управления и России, которые надлежит разрешить подробнее со временем или на которые надлежит обратить большее внимание для улучшения, изменения или учреждения.

Июня 8. Суббота. *L'individu agit par principe, la masse par impulsion.* (Личность действует по принципу, масса — импульсивно (франц.).

Июня 9. Воскресенье. Вечер во дворце. Маленький бал.

Нынче на бале императрица послала в <еликого> кн<язя> вальсировать. Он вальсирует дурно оттого, что, чувствуя свою неловкость, до сих пор не имел над собою довольно сил, чтобы победить эту неловкость и выучиться вальсировать как должно. Будучи принужден вальсировать и чувствуя, как смешно быть неловким, он в первый раз вальсировал порядочно, потому что взял над собою верх и себя к тому принудил. Самолюбие помогло. — Все это можно отнести к его учению. Он учится весьма небрежно; собственные занятия идут весьма вяло, то есть такие собственные занятия, коих от него требуют и коих избежать нельзя; но собственных произвольных занятий и не требуй. Ум его спит, и не знаю, что может пробудить его? Иной скажет, что у него нет ума или что он имеет весьма ограниченный ум, и это будет несправедливо. То же, что неловкость в вальсах. Придет минута, в которую подобно будет необходимо действовать умом. Но удастся ли это так, как вальс? Не думаю. А самолюбие пробудится, и ему будет тогда жестоко больно. И хорошо бы, когда бы только кончилось одним огорчением самолюбия. А угрызение совести? А раскаяние? А чувство своей неспособности перед другими, которыми надобно руководствовать? а чувство, что делаешь свое дело не так, как следует, и пр. и пр.

Июня 10. Понедельник. Чтение Герена.

(Геерен Арнольд-Герман-Лудвиг (1760—1842) — немецкий историк, профессор философии и истории в Геттингенском университете, у которого в свое время учился А. И. Тургенев (см. : Тургенев А. И. Хроника русского в Париже. М. —Л. , 1964, по указателю имен). Автор многочисленных работ по истории и праву. В дневнике Жуковского речь идет скорее всего о книге Геерена «История европейских государственных систем», которая должна была познакомить наследника с различными формами государственного устройства. Сочинения Геерена имеются в коллекции книг библиотеки Жуковского, хранящейся в Томском университете).

Вечер в Александрии.

Лекция началась получасом позже оттого, что императрица взяла в <еликого> к<нзя> с собой. Вот что замечательно: в <еликий> к<нзя> никогда не найдет средства отговориться, когда ему кто бы то ни было помешает приняться в назначенный час за свое дело. А кажется, просто бы сказать: нельзя! время за дело. Зато всегда есть готовая отговорка для того, когда спросишь: для чего вы опоздали? Теперь эта расточительность на время вредит успеху ученья и в то же время обращается в привычку. После, обратясь в привычку, она будет вредна царскому делу, которое сверх того и потому уже не будет столь успешно, что теперь делом юношеских лет занимались лениво. Что бы кто ни говорил, а пословица: дело мастера боится — есть глубокая мудрость. Мастером быть нельзя, не зная ремесла своего. И дровосеку надобно знать топор свой и уметь владеть им. Он может сказать: выучусь рубить, когда рубить начну. Да сколько же деревьев перекрошишь понапрасну; а чего доброго и еще себе руку перерубишь. — Я слышал слово: *les gens d'esprit ne valent rien*. По-французски еще это сказать можно в ином случае. Но попробуй перевести на русский. Умные люди никуда не годятся. Кто же годится? Дураки? Умники — это другое дело. Но умничать не значит быть умным, а только портить ум. . .

Июня 12. Вторник.

Рассказы князя Голицына.

(Голицын Александр Николаевич (1763—1844) — министр просвещения и обер-прокурор Синода, личный друг Александра I. В 1824 г. по настоянию архимандрита Фотия был удален от дел. В царствование Николая I был снова приближен ко двору и пользовался большим влиянием. Жуковский, знакомый с Голицыным еще с конца 1810-х годов, неоднократно прибегал к его посредничеству при ходатайстве за декабристов и других лиц, пострадавших от произвола властей. Свидетель пяти царствований, воспитывавшийся вместе с Александром I, А. Н. Голицын был живым хранителем дворцовых тайн и преданий, близко знал многих исторических деятелей времен Екатерины и Павла. Его устные рассказы и анекдоты о Потемкине, Суворове, Екатерине II, М. С. Перекусихиной, графе А. С. Строганове и других лицах пользовались громкой известностью у современников. Князь Голицын был крупнейшим знатоком и собирателем исторических документов, в частности владел уникальной коллекцией писем и мемуаров исторических лиц. По его поручению такого рода материалы собирал для него и А. И. Тургенев (см. : Остафьевский архив, т. IV. СПб. , 1899, по указателю имен). Записанные со слов Голицына исторические анекдоты связаны главным образом с Екатериной II. Они ярко характеризуют своеобразие и стиль этого рассказчика).

Мы читаем Сегюра (Сегюр Луи-Филипп (1753—1830) — французский дипломат, автор «*Mémoires, ou Souvenirs et Anecdote*» (vol. I—III) («Мемуары, или Воспоминания и анекдоты»). В 1783 г. граф Сегюр был назначен послом в Россию, где провел несколько лет, близко наблюдая Екатерину II и ее приближенных. Эти впечатления нашли отражение во II и отчасти III томах его мемуаров. В библиотеке Пушкина имеется два издания мемуаров Сегюра (Paris, 1826—1827; Bruxelles, 1827). Наш слушатель — князь Александр Николаевич. Он дополняет своими рассказами записки остроумного французского экс-министра, и надобно признаться, что в его рассказах гораздо более жизни, нежели под пером Сегюра, впрочем, весьма искусным. Буду записывать, что вспомню.

Петр III, говорит Сегюр, потерял свой трон как ребенок, которого посылают спать. Екатерина, спасая себя, лишила его короны. Но она не имела никогда ужасной мысли быть его убийцею. Орлов сделался им пьяный. Убийство было полезно похитительнице. Известие о нем приняла она с горестию: есть письмо Орлова к ней, в коем он просит у нее прощения и складывает вину на пьянство. И он был прощен.

Злодейству Орлова Россия обязана веком славы; но Екатерина заплатила за него стыдом (незаслуженным) перед современниками и потомством: ибо всякое зло оплачивается. Петр был презрительно малодушен и ограничен. Он не понял великого характера жены своей, не умел ни воспользоваться им, ни с ним бороться. При первом признаке опасности он признал себя побежденным. Миних говорил ему: Государь, надень мундир Преображенского полку, возьми в руки крест и иди за мною; я с одним взводом солдат приведу тебя в Петербург и заставлю войска положить ружье. Петр не послушался. Хотел бежать в Кронштадт. У него спросили с пристани, кто он, и на ответ его: я государь! отвечали: государя у нас нет, а есть государыня Екатерина вторая — и начали махать зажженными факелами, как будто готовясь стрелять из пушек; а в самом деле не имели боевых снарядов. Петр испугался и, возвратясь в Ораниенбаум, тотчас послал в Петербург уведомить Екатерину, которая уже шла в Петер<гоф> с гвардиею, что уступает ей корону.

Его привезли в Петергоф [Оран<иенбаум>]. Он остановился под Ораниенбаумом <?>, где и подписал отречение; оттуда его отправили в Робшу, и через три дня его не стало.

Барон Черкасов был умный и образованный человек, но вспыльчивый и упрямый. Екатерина очень его любила. Она послала его в Дармштадт к невесте в<еликого> к<нязя> Павла Петровича, бывшей в<еликой> к<нягине> Наталии Алексеевне. В одном из писем своих к нему она говорит: я вас рекомендовала принцессе, сказала ей почти все, что об вас думаю, следовательно, много хорошего; но ни слова о <нрзб>. И в самом деле, императрица любила играть с б<ароном> Черкасовым в <нрзб>, и он за игрою всегда горячился. Наконец он поссорился с императрицею, уехал из Петербурга и уже не возвращался.

Перед окнами императрицы в Царском Селе была группа деревьев, которые портили вид, и императрица часто на это жаловалась, но она не хотела велеть срубить эти деревья. Черкасов вздумал это взять на себя, надеясь тем угодить Екатерине. По его приказанию деревья были срублены; но императрица была тем весьма недовольна. Она отомстила очень забавным образом Черкасову за его своеволие. Он чрезвычайно любил порядок: в горницах его была чистота необыкновенная. По приказанию императрицы несколько фрейлин, воспользовавшись отсутствием Черкасова, забрались в его комнаты и все в них поставили вверх дном: несколько стекол в окнах было разбито: чернила разлиты по столу, стулья опрокинуты; пуховики распороты и пух рассыпан по полу. Черкасов взбесился, когда, возвратясь к себе, нашел такое разорение. Он долго дулся на императрицу. Вы сердитесь напрасно, барон, сказала ему она: Вы со мной поступили гораздо хуже: в моем доме вздумали вы хозяйничать и срубили мои деревья, которых уж мне возвратить нельзя; а я в ваших горницах перебила свои стекла и переломала свои стулья. Эта беда может быть легко поправлена. Видите ли, что моя вина гораздо менее вашей.

Письмо Екатерины к Мамонову.

"Послушайте, мой дорогой друг, вчера вы сказали мне, что повышения в чинах и т. п. не зависят от постороннего доклада или запоминания, но от моей власти. С одной стороны, несомненно да, но с другой, совсем нет. Целью моего правления я сделала благо государства, благо общественное, благо каждого в отдельности, но непременно все это вместе. Большие повышения в чинах производились всякий раз, когда появлялась надобность в новом листе или когда открывались свободные вакансии. Листами я называю. . ." (франц.). список военный, как морской, так и сухопутной, список штатской, список повальной - где по старшинству, а не по роду службы все вписаны, в обеих военных службах все счетом положено, как-то: три фельдмаршала, шесть генер<ал>-пол<ковников>; двадцать два ген<ерал>-пору<чика>; и проч. Много сверх комплекта отягощает военную сумму, штатская

служба счетом лиц по мере мест, сверх комплет отягощает равномерно казначейство.

Я думаю, что ты все сие знаешь так, как я, но пишу сие, чтоб ты мог видеть мои поводы и что у меня порядок в управлении, а не капризное хотение. Синих лент я давала как возможно реже, Алекс<андровских> я редко давала *par faveur* (из благодарности (франц.), а чаще по службе в награждение. Егорие и Владимир имеют штатуы.

При дворе места главные наполнены. Теперь отдаю тебе на суд, что на сей раз осталось делать.

Я сочла необходимым дать этот подробный отчет, если же у вас имеются возражения или вопросы, прошу вас их высказать, потому что я склонна разъяснять то, что делаю или сделаю (франц.)".

14 июня. Четверг. Чтение у в<еликого> к<нязя> Записок Туманского.

(Имеется в виду книга: Туманский Ф. О. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деятельности государя императора Петра Великого. СПб. , 1787. Книга эта служила Пушкину одним из источников при работе над историей Петра I).

21 июня. Четверг. Обедаю у Сперанского.

22 июня. Пятница. Обедал у Вяземского с Пушкиным и Кривцовым.

(Кривцов Николай Иванович (1791—1843) — приятель Пушкина и Вяземского, участник войны 1812 г.)

5 июля. Четверг. У гр<афа> Бенкендорфа о Пушк<ине>.

6 июля. Пятница. Поутру у Бенкендорфа о Пушкине.

(Как справедливо полагает Я. Л. Левкович, уже письмо Пушкина от 3 июля вместе с письмом поэта к Жуковскому от 4 июля по существу решили вопрос об отмене отставки Пушкина (Пушкин. Письма последних лет. Л. , 1969, с. 232). Таким образом, мы вправе сделать вывод о решающем для хода всего дела вмешательстве Жуковского. Вопрос о «прощении» Пушкина был решен уже 5 июля, после первого разговора Жуковского с Бенкендорфом).

Обед у в<еликого> к<нязя> в лагере.

Июля 8. Воскресенье. Обедал у в<еликого> князя.

Июля 15. Воскресенье. Сказать в<еликому> к<нязю> о неприличности того, что при малейшем признаке болезни он пугается и жалуется.

9 сентября. Воскресенье. Царское Село.

К<нязь> А<лександр> Г<олицын> рассказывал, что однажды в Царском Селе играл перед окнами императрицы в бары. Он должен был на минуту выйти из игры, чтобы поправить башмак; он зашел для этого за куст, и в это время импер<атрица> Екатерина шла мимо его с гр<афом> А. С. Строгановым. — Граф, — сказала Екатерина Строганову, — мы теперь одни и я бы вас могла поцеловать, но вы так дурны лицом < . . >

Глава седьмая. Познавательные путешествия. Завершение учения

В том же 1837 году, уже после гибели Пушкина, Александр Николаевич со своим наставником Василием Андреевичем Жуковским предпринял семимесячное путешествие, которое в XIX веке стало обязательным элементом образования для наследников престола.

Основную задачу этой поездки Жуковский в письме императрице Александре Федоровне сформулировал следующим образом: "Я не жду от нашего путешествия большой жатвы практических сведений о России. . . главная польза - вся нравственная, польза глубокого неизгладимого впечатления".

Василий Андреевич Жуковский рассматривал поездку как шлифование

нравственных качеств наследника, заложенных в результате десятилетнего обучения.

Маршрут поездки великого князя оказался гораздо шире, нежели у его предшественников и преемников. Он включал в себя Новгород Великий, Вышний Волочек, Тверь, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Ялуторовск, Курган, Оренбург, Уральск, Казань, Симбирск, Саратов, Пензу, Тамбов, Калугу, Москву.

Наследника сопровождала внушительная свита, состоявшая из его учителей и молодых офицеров гвардейских полков. Путешествие выдалось утомительным, поскольку железных дорог в российской глубинке еще не существовало и передвигаться пришлось на лошадях, целой кавалькадой колясок и экипажей всех цветов и фасонов.

Во время своего путешествия Александр Николаевич виделся не только с официальными лицами и толпами народа. Он беседовал со ссыльными декабристами и А. И. Герценом и обещал им обратиться к отцу с прошением о смягчении участи политических ссыльных.

В результате ходатайства наследника престола Герцену был разрешен переезд из Вятки во Владимир, к лучшему были изменены и условия жизни декабристов.

Вообще же Александр Николаевич объехал 30 губерний России, он первым из Романовых посетил Сибирь. Ему было подано 16 тысяч прошений (он исправно обращался с ходатайствами к отцу).

По приказу Николая I в ознаменование путешествия наследника каждая губерния, которую тот посетил, получила по восемь тысяч рублей для раздачи наиболее нуждающимся.

Поездка по России

На 27 апреля 1837 года был назначен отъезд великого князя Александра Николаевича, окончившего свое учение, в путешествие по России. Среди многих других лиц в сопровождающие был назначен и Жуковский, наставник, закончивший главное свое дело при великом князе.

Выехали из Петербурга 2 мая. 3-го прибыли в Новгород. В Твери, после бала, данного великому князю местным дворянством, Жуковский написал первое свое письмо с дороги к императрице, где отмечал, что не ждет от путешествия "большой жатвы положительных практических сведений о состоянии России: для этого мы слишком скоро едем, имеем слишком много предметов для обозрения, и путь наш слишком определен; не будет ни свободы, ни досуга, а от этого часто и желания заняться, как следует, тем, что представится нашему любопытству". Поезд в одиннадцать экипажей, поливаемый постоянным дождем, мчался по грязной дороге от Твери к Ярославлю. "Наше путешествие можно сравнить с чтением книги, в которой теперь великий князь прочтет одно только оглавление, дабы получить общее понятие о ее содержании", – пишет Жуковский из Ярославля.

Программа была везде одна: осмотр некоторых достопримечательных мест, монастырей и соборов, больниц, тюрем, казарм, училищ, прием депутаций, потом бал (если город губернский). Уже в третьем письме к императрице Жуковский испрашивает разрешения оставить свиту на десять дней для посещения Белёва, чтобы повидаться с родными, "коих давно не видал и потом долго не увижу". Далее мелькнули Ростов, Переславль-Залесский, Юрьев-Польской, Суздаль, Шуя, Иваново. 14 мая прибыли в Кострому. Далее, по пустынным северным лесам, в четверо суток добрались до Вятки, города чиновников и ссыльных. Здесь была устроена для гостя выставка промышленных изделий. Пояснения давал молодой чиновник, который удивил Жуковского своей интеллигентностью, живой и умной речью. Это был Александр Иванович Герцен, бывший здесь в ссылке. Жуковский

обещал добиться для него перевода в Петербург.

По пути на Ижевские и Котело-Воткинские оружейные заводы Жуковский записывал в дневнике (он уже давно научился справляться с тетрадью и карандашом даже при быстрой скачке): "Виды гор. Покрыты камнями и елями. Везде горизонт ограничен видами леса. Дым. Снег. . . Быстрые лошади. Прекрасная дорога. Пустынность". Бедная Пермь на крутом берегу величественной Камы. Здесь осаждали гостей с прошениями раскольники, жаловавшиеся на притеснения, и ссыльные поляки, просившие возвращения на родину. 26 мая в четыре часа дня близ станции Решоты достигли высшей точки Уральских гор, - это была граница Азии и Европы. В тот же день в Екатеринбурге осматривали золотопромывательный завод, монетный двор, гранильные мастерские с уральскими самоцветами. Отсюда ездили в Невьянск и Тагил осматривать литейные заводы; спускались в малахитно-медный рудник, видели железную дорогу, построенную на заводе крестьянином Черепановым. И всюду прошения, прошения - поток прошений.

С горы Благодать открылась глазам Жуковского великолепная панорама Рифейских гор. . . В дороге он рисовал. Но не пышные встречи и нарядные виды, а печальные пейзажи, убогие деревеньки, заводы, панорамы суровых и бедных городов. . . 31 мая путешественники вступили в пределы Сибири. Одну ночь провели в Тюмени, к другой - подоспели в Тобольск, тогдашнюю сибирскую столицу. При свете иллюминации переправились через Иртыш, - присутственные места и дом губернатора на крутизне берега "представляли волшебный замок на воздухе", как писал Юрьевич. В этом-то "замке" и ночевал Жуковский вместе со всеми своими попутчиками. На другой день был вихрь обычных мероприятий, бал. Среди этого вихря Жуковский нашел, однако, время зарисовать место гибели Ермака, указанное ему жителями, и принять местного стихотворца Евгения Милькеева. Он принес свои первые опыты. Жуковский долго беседовал с ним, читал его стихи и, увидев, что это настоящий талант, обещал ему помощь. Уже в следующем году Милькеев был в Петербурге, потом в Москве, но в дальнейшем ему не повезло. . . Побывал у Жуковского и автор "Конька-Горбунка" Петр Павлович Ершов, посещавший субботы Жуковского в Петербурге, - он служил в Тобольске учителем. Ершов пишет, что он принят был Жуковским в Тобольске "как друг".

Из Тобольска вернулись в Тюмень и, перевалив обратно за Урал, поехали к югу - в Курган. Пошли пески и болота, небольшие березовые рощи. На пути лежал Ялуторовск. В нем жили на поселении шесть декабристов, - Жуковский намеревался посетить их, в особенности Якушкина, своего давнего знакомого, и Черкасова, сына своего белёвского приятеля, барона Черкасова, жившего в селе Володькове. И вдруг за две станции до Ялуторовска ямщики, везшие Жуковского, сбили проходную женщину. Он приказал остановиться, помог внести пострадавшую в экипаж и отвез на станцию, где оставил ей денег, а местному начальству написал, чтоб оно позаботилось о ее излечении. Таким образом Жуковский отстал от великого князя и попал в Ялуторовск уже тогда, когда тот выехал из него. Жуковский не решился еще раз отстать, но за эту нерешительность потом многие годы казнил себя. ("Когда вспомню об этом, - писал он, - досаду и горюю, как горевал и досадовал тогда".) Не повидав ни Черкасова, ни Якушкина, Жуковский помчался догонять свиту. . .

В дневнике Жуковского появляется запись: "6 июня. Троицын день. Курган. У меня Розен. Его изломленная нога". Речь идет о бароне Андрее Евгеньевиче Розене, отбывшем шесть лет каторги (из десяти присужденных ему) и поселенном с 1832 года в Кургане. Когда Жуковский его увидел, он был на костылях, так как сильно вывихнул ногу, а губернатор Горчаков не пускал его в Тобольск к врачу. . . Когда прибыл поезд наследника, местные власти запретили ссыльным выходить на улицу. Тогда они собрались в доме своего товарища М. М. Нарышкина ("это прелестная дача с прекрасным садом на берегу Тобола, и у берега красивая беседка; это

лучший дом во всем городе Кургане", - писал Юрьевич). Здесь были сам Нарышкин с женой (урожденной Коновницыной), Розен, Лорер, Лихарев, Назимов, Фохт, позднее появился Бригген.

Наследник со свитой остановился в доме как раз напротив дома Нарышкина. Розен на костылях явился к наследнику, но не был принят. Было раннее утро. Он отправился домой. У крыльца увидел дрожки исправника. "Кто приехал?" - спросил он. "Генерал!" - ответил кучер. Розен вошел в дом и увидел Жуковского, который утешал плачущую жену его, ласкал его детей. Жена Розена встречалась некогда с Жуковским у Карамзиных. "Душе отрадно было свидание с таким человеком, - пишет Розен, - с таким патриотом, который, несмотря на заслуженную славу, на высокое и важное место, им занимаемое, сохранил в высшей степени смирение, кротость, простоту, прямоту и без всякого тщеславия делал добро где и кому только мог. И после свидания в Кургане он неоднократно просил за нас цесаревича".

Времени у Жуковского было в обрез. Вместе с Розеном поехал он к Нарышкину. "С каким неизъяснимым удовольствием встретили мы этого благородного, добрейшего человека! - пишет Лорер. - Он жал нам руки, мы обнимались. "Где Бригген?" - спросил Василий Андреевич и хотел бежать к нему, но мы не пустили и послали за Бриггеном. Когда он входил, Жуковский со словами: "Друг мой Бригген!" - кинулся ему на шею".

Здесь же был ссыльный поляк, 72-летний князь Воронежский. Он был болен, но не хотел умереть на чужбине. Декабристы сказали Жуковскому, что они не просят наследника за себя, - пусть лучше поможет он старому поляку возвратиться на родину (Жуковский добился этого). "Простаясь с ними, я живо почувствовал, что такое изгнание", - писал Жуковский.

По пути из Кургана в Златоуст Жуковский начал писать ходатайство о судьбе декабристов перед императором - оно было отправлено со специальным фельдъегерем.

Перед Симбирском, 23 июня, был доставлен ответ. Царь разрешил некоторым из поселенных в Тобольской губернии декабристов поступить в Отдельный Кавказский корпус солдатами. Лихарев, Назимов, Лорер, Одоевский, Черкасов и некоторые другие декабристы оказались вместо холодной Сибири - в теплой (как они называли Кавказ), - но у них появилась надежда выслуги чина и отставки. . . Жуковский не собирался на этом окончить свои действия в пользу декабристов, - в письме к императрице он упоминает о жене Нарышкина, добровольно поехавшей в Сибирь (а она была фрейлиной императрицы), о Якушкине, Бриггене, Муравьеве-Апостоле, - он пишет о семьях декабристов: "А их дети, оставленные в России или родившиеся в изгнании; а их родные, для которых давно совершившееся бедствие не состарилось, а свежо и живо, как в первую минуту!" - пишет он.

Посетили село Троицкое, родину поэта Дмитриева, потом - Сызрань, Хвалынский. Жуковский записывает: "26 июня. . . Хвалынский довольно опрятный город. Дом; в окна деревья. У хозяина хорошие фрукты. При выезде из города с одной стороны Волга, с другой уже пески, известковые холмы далее. Дорога идет вдоль правого, или нагорного берега Волги".

Саратов, Пенза, Мокшанск, Нижний Ломов.

В Пензе Александр и сопровождающие его лица посетили кафедральный собор, осмотрели тюремный замок, больницу, гимназию, училище садоводства, а также цесаревич принимал «служащих чиновников и собравшееся дворянство», присутствовал на балу в общественном саду возле дома губернатора. Он пожаловал 5 тысяч рублей «нуждающимся в пособии жителям города Пензы». А еще пензяки обязаны ему одним из самых красивых в настоящее время уголков города. Наследник обратил внимание на пустырь рядом с великолепным кафедральным собором и посоветовал разбить там сквер. Пожелание цесаревича для губернатора

Панчулидзева стало руководством к действию. Территорию пустыря начали благоустраивать тотчас же, и в 1839 году новый сквер был открыт для посещения публики и вскоре стал любимым местом отдыха горожан.

"3 июля. Пребывание в Тамбове. . . Прекрасные комнаты, золото, бронза, малахит, а все-таки тараканы. Поутру прогулка: две хорошие улицы - Астраханская и Дворянская. . . Множество лачужек и мазанок. Рисовал с кладбища". Далее - Козлов, Липецк. . . Около Воронежа Жуковский рисовал в живописной деревне Приваловке.

5 июля приехали в Воронеж: "Поездка по городу. Рисовал у тюремного замка". На другой день разыскал Кольцова, - на виду у всех жителей (нарочно) прогуливался с ним пешком и в экипаже, беседуя о его жизни, слушая его стихи, был у него дома, познакомился с семьей, пил чай, пригласил Кольцова на следующий день к себе. Жуковский старался всячески ободрить его, приглашал в Петербург, обещал поместить его стихи в "Современнике", советовал собирать народные песни и сказки. . . Кольцов писал Краевскому о посещении Жуковским Воронежа: "Ангел имеет столько доброты в душе, сколько Василий Андреевич: он меня удивил до безумия. . . Не только кой-какие купцы, даже батька не верил кое-чему, теперь уверились. . . Словом мне теперь жить и с горем стало теплей дюже".

Снова понеслись экипажи по пыльным дорогам - приближались родные края Жуковского. В один день миновали Задонск и Елец - 8-го числа въехали в Тулу. "9 июля. Пребывание в Туле. Встал в 5 часов. Прогулка по Туле. Тени прошедшего живут на местах, где мы жили. . . Я вспоминал физиономии людей. Рисовал. . ."

В Туле Жуковский получил разрешение покинуть свиту на десять дней для посещения родных своих мест. "Жуковский из Калуги едет на свою родину, в Белев, - записывает Юрьевич, - и соединится с нами опять в Москве".

В Белёве его ожидали Екатерина Афанасьевна Протасова с внучками и Авдотья Петровна Елагина. Его ждал весь Белёв, приготовившийся чествовать его в городском саду. Елагина по подписке собрала средства, и был приготовлен серебряный лавровый венок, а городской голова А. Ф. Новиков приготовил речь. . . Вечером 13-го же числа Жуковский въехал в Белёв. Ранним утром следующего дня он нанес визит городничему Колениусу, голове и предводителю дворянства Тараканову. Потом, как пишет Жуковский, "у меня представление всех белёвских властей". Пришел и бывший слуга его Максим, - он скромно стоял "в сторонке и с шестью сыновьями". Приехала баронесса Черкасова, благодарила за сына.

Жуковский объехал город, останавливался в разных местах и рисовал. Переехал за Оку и рисовал оттуда вид Белёва. Потом отправился в Мишенское. "Вырубленный лес по большой дороге, - записал он в дневнике. - Мельница близ деревни. Олешняк и вся гора облезли. Двор, и дом, и пруд, и деревня, но прежнего нет. На месте старой садовой рожи молодая. Только два камня. Многие из рожиц срублены". Вместо старой бунинской усадьбы Жуковский увидел какой-то длинный и низкий дом (он построен был совсем недавно по приказанию теперешней владелицы Мишенского Анны Петровны Зонтаг, пребывающей в Одессе) и разные постройки вокруг. Только церковь та же. Не оказалось и беседки на Греевой Элегии. . .

16 июля купечество и дворянство города поднесло ему хлеб-соль; были произнесены речи, а от увенчания серебряным венком ему как-то удалось уклониться.

19 июля в Белёв прибыл великий князь со всей своей свитой и остановился в доме купца Бунакова. Утром он осмотрел дом, где проездом из Таганрога скончалась в 1825 году императрица Елизавета Алексеевна, затем Спасопреображенский мужской монастырь. "В Белёве великий князь посетил дом, некогда принадлежавший Жуковскому, - пишет Юрьевич, - и тем восхитил до бесконечности и прежнего и нового его владельца - протоколиста Емельянова". Неожиданный этот случай как бы вернул Жуковскому на несколько мгновений

прекрасное прошлое - он увидел себя в своем кабинете у полукруглого окна, молодым; увидел Машу, смотрящую вместе с ним на дали за Окой. День был яркий, солнечный. Переливалась и сверкала внизу река, свежей зеленью сияли луга, уходящие вдаль. . . А небо, лазурное небо, - только в счастливом сне можно увидеть такое. . . С глазами, полными слез, вышел Жуковский из этого дома. . . Великолепный поезд наследника укатил из Белёва. Жуковский остался. 21 июля он "рисовал за городом"; вечером - "катанье на лодке". Только утром 22-го выехал он из Белёва. Снова Козельск с его спокойной Жиздрой, потом Калуга и далее - Малоярославец, Боровск. . .

24 июля Жуковский прибыл в Москву. В этот же день побывал у Муравьевой, у Шевырева, слушал пение цыган в доме графа Потемкина на Пречистенке. 25-го к нему на квартиру - в Кремле - пришел его старый друг Алексей Михайлович Тургенев, с которым они на другой день рано утром, в 5 часов, поехали на Воробьевы горы. Но им не повезло - Москва была закрыта облаками. Ожидая, что с восходом солнца они разойдутся, Жуковский послал в село на горах за молоком и черным хлебом. "Между тем густое облако кое-где проредело, - пишет Тургенев. - Чистая душа уселся в тени столетнего вяза и начал снимать вид".

9 августа поезд наследника, а с ним и Жуковский, двинулся на Владимир. Быстро проехали Ковров, Вязники, Гороховец, Муром, Касимов, Рязань, Зарайск и Венёв. . . 17 августа остановились в Туле. 18-го через Мценск прибыли в Орел. Следующий день Жуковский выговорил для себя - поехал в Муратово с Воином Губаревым (у которого весь мир сошелся на Вольтере). "Самая худшая поездка, - записал он. - Пожар в Муратове. Остатки. . . Разросшийся сад. Дуняшин цветник". Опустело Муратово - столь дорогое для него, и для Маши, место. Большой дом был разобран и продан Воейковым. Пруд спущен. От парка почти не осталось следов. Но вот - одичавшие цветы, когда-то посаженные Дуняшей Киреевской. Яблони в саду разрослись, нижние большие ветки обломались, засохли, не пробраться сквозь этот бурелом. . . Поехал в Бунино - Мойера не застал (он находился в это время в Дерпте); Екатерина Афанасьевна была одна (Катя, дочь Маши, жила у Елагиных, а сестры Воейковы уехали в Петербург), свидание с нею было печально - одинокая старуха осталась ни с чем. Поехал в Чернь - и там никого из прежних знакомцев. "Печальный день!" - заключил Жуковский записи 19 августа.

Курск. . . Как и везде тут - приемы, бал. Жуковский посетил могилу Богдановича, автора "Душеньки". Ночью, по пути в Харьков, поезд наследника попал в сильную грозу. В Липцах Жуковский отстал, ночевал на станции один. Один подъезжал утром к Харькову. Экипаж еле тащился в грязи мимо плетней и мазанок. 23-го были в Полтаве: 24-го переправлялись через Псёл. Потом миновали Кременчуг. Наконец прибыли в Вознесенск, город военных, где назначены были большие маневры. Сюда прибыл император, здесь собрались иностранные дипломаты, генералы. Русских войск сюда было стянуто несметное количество - триста пятьдесят эскадронов кавалерии и тридцать батальонов пехоты. . . Жуковского все это не интересовало, он оставил наследника и поехал в Крым, один, не связанный никакими предписаниями.

26 августа путешественники уже в Одессе.

31 августа выехали в Николаев. Дорога часто приближалась к морю, иногда шла у самой воды. Чаще всего берег громоздился голыми скалами. Море с шумом разбивалось о камни, в небольших заливах стояла зловонная вода. . . 1 сентября проехал Николаев, увидел широкий Буг, корабельную верфь, отметил кратко - "Город красивый". Далее пошла голая степь. Посреди степи - Херсон. . . 2 сентября проехал Перекоп - началось путешествие по Крыму.

"4 сентября. Выезд в дождь. В Мамут-Султане останавливался у Мемет-мурзы. Пил кофе. Ел пироги саурма-берек. Курабье - пирожки из муки и меда. Каймак и кебан борит на сковороде (мед, масло). Переезд через Таушан-Базар в Алушту.

Великолепная долина между высоких утесов. . . Кутузовский источник" (здесь М. И. Кутузов был ранен турками в глаз в 1774 году). . . "5 сентября. Пребывание в Карабаге. Целый день дождь и попеременно сильный ветер. Обход виноградника. До 170 сортов. . . Кипарисы. Фиговое, миндальное, ореховое, каштановое деревья; лавр, крупная рябина. . . Прогулка к Кучук-Ламбату. . . Хаос камней. . . Вечеру луна. Потом сильная буря и дождь. 6 сентября. Поутру рисовал. В девять часов отправились верхом через Биюк-Ламбат в Партенит. Татарская хижина в Биюк-Ламбате. В гостиной дивные полотенцы. На очаге казанок, на полу пшено. . . Женская часть. Хаос корзин, тряпья, жестяных кувшинов, алькоран. Плоская кровля и трубы. . . Переезд через хребет Аюдаг и Артек. Вид залива. . . Спуск темною ночью в Никиту. . . 7 сентября. Поутру рисовал. Осматривал с Гартвигом Никитский сад, учрежденный для обогащения плодами жителей Крыма Ришелье. . . ". 7-го посетил Жуковский Магарац, Массандру, Ялту, Мисхор. . . Осмотрел строившийся в Алушке дворец графа Воронцова. . . "9 сентября. . . Ай-Петри. Сосновый и дубовый лес. Просвет на Симеиз и Кикинеис. Въезд по крутизне. . . Обед у Мемет-мурзы; его сыновья Селамет Гассан и Шехан Бей. Обед из шорбы (суп), беле балык (форель), пилавы и сармы. Рисованье. Мулла. . . Путешествие в темноте до Бахчисарая. Скрип арбы. . . Равнина. Месяц. Бахчисарай. Путешествие пешком. . . Дворец. Осмотр горниц ночью. Двор. Пушкина фонтан. . . 10 сентября. . . Чуфут-Кале. Проводник - караим. . . Вид от Чатырдага до Севастопольского рейда. . . Завтрак у караима. Пирог и варенье. . . После обеда рисованье. . . Прекрасный вид собравшегося народа. Караимы в белых чалмах. . . Музыка из тамбуринов и скрипок, и песни".

14 сентября в коляске отправился к Байдарским воротам, сначала в гору, потом спуск. . . "Грозное дыхание моря. Чудесный вид Байдарской долины при вечернем освещении. Яркий общий свет. Свет красный сквозь облака. . . Фиолетовые горы на зеленом поле. . .

И еще поездки - Кореиз, Аутка, Ялта, Массандра, Никита, Ай-Даниль, Гурзуф - все верхом. . . 25 сентября вернулся в Симферополь, а 1 октября был уже в Екатеринославе, здесь заболел и не выходил из комнаты. С 5 по 7 октября Жуковский осматривал Киев. На обратном пути в Москву, в Воронеже он снова встретился с Кольцовым.

Спустя год после путешествия по России Александр Николаевич отправляется в большой заграничный вояж, который, по замыслу того же Жуковского, должен был официально подвести черту под годами ученичества великого князя. Каким увидел наследника российского престола Запад?

Внимательный и желчный наблюдатель маркиз де Кюстин, столкнувшийся с цесаревичем в Германии, нарисовал следующий его портрет: "Выражение его взгляда - доброта. Это в прямом смысле слова - государь. Вид его скромно без робости. Он прежде всего производит впечатление человека прекрасно воспитанного. . . Он прекраснейший образец государя из всех, когда-либо мною виденных". Добрый отзыв де Кюстина о будущем российском самодержце дорого стоит.

Картины зарубежной жизни замелькали перед наследником, как в калейдоскопе, однако и не ослепили его, и не прискучили ему.

В 1864 году, напутствуя своего старшего сына перед его первой поездкой в Европу, Александр II вспомнит о собственном путешествии за границу и впечатлениях от него. "Многое тебе польстит, - писал он, - но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания и что многое, достойное уважения там, где есть, к нам приложимо быть не может, - мы должны всегда сохранять свою национальность, наш отпечаток, и горе нам, если от него отстанем. . . Но чувство это не должно, отнюдь, тебя сделать равнодушным или еще

более пренебрегающим к тому, что в каждом государстве или крае любопытного или оригинального есть. . . Напротив, вникая, знакомясь и потом сравнивая, ты многое узнаешь и увидишь полезного и часто драгоценного тебе в запас для возможного подражания. . .".

Великий князь и Жуковский после окончания учебы

ПИСЬМА ЖУКОВСКОГО К ГОСУДАРЮ НАСЛЕДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

29 августа 1839.

Посылаю вашему высочеству подарок в день вашего ангела - стихи на праздник Бородинский, Бородинскую песню бородинскому помещику. Праздник, данный войску государем, был так поразителен, что я не мог не тряхнуть стариною. Под стихами стоит 26-е число не даром: я начал их тотчас по возвращении из лагеря в городок, кончил дорогою и теперь бью вам ими челом. . . Но выразить величие того зрелища, которое нас всех поразило, никакие стихи не могут: нельзя втеснить в слова той земли, политой русской кровью, на которой мы и стопятидесятитысячная армия стояли. . .

Одним из самых привлекательных эпизодов этой чудной картины были израненные, безрукие и безногие, иные покрытые лохмотьями бедности, бородинские инвалиды, которые сидели на подножии памятника или, положив подле себя костыли, отдыхали на гробе Багратиона. Некоторые бедняки притащились издалека: кто пешком, кто на телеге, чтобы увидеть царя на своем празднике Бородинского боя. Признаюсь вам, мне было жестоко больно, что ни одного из этих главных героев дня я после не встретил за нашим обедом. Они, почетные гости этого пира, были забыты, воротятся с горем на душе восвояси, и что скажет каждый в стороне своей о сделанном им приеме, они, которые надеялись принести в свои бедные дома воспоминание сладкое, богатый запас для рассказов и детям, и внукам? И кажется мне, справедливость бы требовала, что не одни теперь служащие, но отставные раненые и неимущие были включены в число тех, кои, как я слышал, должны теперь получать то жалованье, которое в эпоху Бородина они получали. Им-то оно и нужно, а их так немного. Да что если бы из чугунных ядер, найденных на Бородинском поле, вылили медали с изображением на одной стороне Александрова лица и 26 августа 1812 года, а на другой бородинского памятника с 26 августа 1839 года. Да раздать бы эту медаль бородинцам, например, на завтра, в день вашего ангела, если нельзя успеть, то в Москве, в день заложения храма, на параде раздать бы одни ленточки тем, кои будут налицо, с обещанием медали, и после самые медали разослать всем, где кто гнездится. Это было бы драгоценным даром от того, кто так славно царствует над новым поколением, для тех, коих Бог привел дожить до времен его и кои участвовали в славе поколения прежнего.

1848 год.

Последние строки вашего письма заставили меня крепко задуматься. Вы выразили в них то, что давно, как привидение, стоит перед моими мыслями. Мы живем на кратере вулкана, который недавно пылал, утих и теперь снова готовится к извержению. Еще первая лава его не застыла, а уже новая клокочет в его внутренности и скоро, скоро разольется. Одна революция кончилась, другая готова вступить в ее колеи. И замечательно то, что последняя, то есть та, которая нам грозит, в своем ходе соблюдает тот же порядок, какой соблюдала первая, несмотря на различие их характеров. И та и другая сходны в своих проявлениях. И теперь, как

тогда, начинают (или уже давно начали) с потрясения главной основы порядка - с религии. Но теперь действуют уже смелее и шире. . . Какая цель теперешних реформаторов? (Я говорю о тех, которые искренно желают лучшего, искренно веруют в действительность и в благотворность своих умозрений). Какая цель теперешних реформаторов, вступающих на тот же путь, которым шли их предшественники, а куда привел этот путь, мы видели с содроганием и знаем, что желанное лучшее нигде на нем не встретилось? Этого и сами они ясно не видят. Весьма вероятно, что многие из них сами себя обманывают и, идя вперед со знаменами, на которых сияют слова нашего века: вперед, свобода, развитие, человечество, - сами уверены, что путь их прямо ведет в обетованную землю. И, может быть, суждено им, как и многим из их предшественников, содрогнуться на краю или на дне той бездны, которая скоро под ними и под нами разверзнется.

. . . Теперь дело (их дело) идет уже не о преобразовании политическом, а просто о уничтожении различия между твоей и моей или, лучше сказать, о превращении твоего в мое. Аристократия уничтожена в пользу среднего состояния (bourgeoisie), говорят новейшие историки, например Луи Блан; среднее состояние должно уступить народу. Что же этот народ, если исключить из него высший и средний класс, которые, как утверждают, должны уступить ему? - Толпа пролетариев, которым нужно иметь чужое, дабы иметь что-нибудь свое. Туда, где царствует нужда, огорчающая и раздражающая душу, голос искушения, проповедующий ненависть, хищничество, отвержение всякой власти, презрение долга и отвержение Божия Промысла, проникает с быстротою смертоносной чумы и тем быстрее, что все предохранительные и целительные средства против заразы наперед уничтожены и что бессмыслие невежества с жадностью принимает учение, столь благоприятное страстям и потворствующее раздражению, производимому бедствиями жизни, против которых ничто не дает уже душе ни твердости, ни смирения. Это всеобщее отвержение всякой святости называется свободой, движением, торжеством человечества, освобождением разума. . .

Должны и могут быть сделаны уступки с обеих сторон, пока не успели восторжествовать демагоги-разбойники, пока не всколыхнулась чернь, пока не разлилась чума по армиям. Надобно спешить воспользоваться этой минутой, воспользоваться энергически. . . Коммунизм поднял теперь голову или, лучше сказать, свои тысячи голов, которые в виде коммунистических клубов зияют и ревут по всей Франции. А что они ревут? Твое теперь мое. Это текст их всех проповедей. Что из этого будет? Отрезвит ли это Германию? И надеяться невозможно! . .

Прусская монархия рухнула. Все надежды наши на самобытность России, которая во всей своей силе может отделиться от Запада и стоять твердо за свою стену. Но не мое дело об этом рассуждать. Сдается только, что в эту минуту начинается новая, живая эпоха для нашего сильного, самодержавного царства, если оно только не поддастся влечению общего потока.

12 апреля 1851 года Василий Андреевич Жуковский скончался. Он был похоронен в Баден-Бадене. И все же вечный покой он обрел в России: 29 августа его прах был погребен на кладбище Александро-Невской лавры, рядом с могилами Карамзина и Ив. Козлова.

За гробом шли Плетнёв, Федор Тютчев, студенты Петербургского университета и воспитанник Жуковского – наследник российского престола великий князь Александр Николаевич.

Николай I как педагог

Он любил повторять детям: "Всякий из вас должен всегда помнить, что только

своей жизнью может искупить происхождение великого князя".

Оказывается, факт случайного рождения в императорской семье надо было искупать то ли как грех, то ли как особую отметину судьбы.

Премудрости государственного управления, как и книжные науки, наследник осваивал, не торопясь, шаг за шагом. Когда в 1838 году Николаю I предложили включить сына в Государственный Совет, император согласился, но предоставлять новому члену совета право голоса счел преждевременным. То же касалось и заседаний Кабинета министров. Лишь спустя некоторое время Александру разрешили не только слушать, но и высказывать свое мнение на совещаниях.

Начиная с 1842 года, нагрузка наследника неуклонно возрастает: теперь он уже полноправно заседает не только в Государственном Совете и Кабинете министров, но и в самых разных правительственных комиссиях и комитетах. В финансовом и кавказском комитетах наследник работает в качестве рядового члена, зато одновременно возглавляет ряд секретных комитетов по крестьянской реформе и руководит комитетом по строительству железной дороги Петербург - Москва.

Осенью 1842 года, отправляясь в инспекционную поездку по южной и западной России, царь впервые оставляет на хозяйстве сына. Согласно распоряжению императора, наследник теперь уже полностью отвечает за «решение дел Комитета гг. Министров и Государственного Совета, равно как по всем министерствам и главным управлениям отдельными частями».

Еще в 1839 году Николай I счел необходимым серьезно приобщить наследника к государственной деятельности. Александр Николаевич стал членом Государственного совета, а с 1840 года обязательно присутствует на заседаниях Комитета министров.

С каждым годом досуг наследника сокращался как шагреновая кожа. Постепенно он становится членом Финляндского комитета, Комитета министров, Кавказского комитета, канцлером Александровского университета в Финляндии, членом Комитета по постройке моста через Неву и Петербургско-Московской железной дороги, председателем секретных Комитетов по крестьянскому делу в 1846-1848 годах.

С 1842 года Александр Николаевич начал постоянно замещать отца во время отъезда того за границу или путешествий императора по России. Постепенно высшая бюрократия привыкла к тому, что в стране существуют как бы два одинаково важных для нее хозяина.

За отправление высшей государственной должности в 1848 году наследник получил свой первый орден - Святого Владимира 1-й степени.

Его роль в управлении государством в эти годы становится настолько значительной, что ее не могли не заметить иностранные наблюдатели. Английский посол в Петербурге лорд Кланикард докладывал своему правительству о том, что "в России как будто правят два императора". В 1850 году наследник впервые принял живое участие в разрешении вопроса большой государственной важности. По инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева капитан Невельской заложил в заливе Счастья на Дальнем Востоке крепость Петровское зимовье, а в устье Амура основал укрепленный Николаевский пост (ныне город Николаевск), взяв под покровительство России местное население. На заседании Комитета министров, посвященном этому вопросу, государственный канцлер (глава внешнеполитического ведомства) Нессельроде, военный министр Чернышев, министр внутренних дел Перовский и министр финансов Вронченко высказались против присоединения к империи территории в устье Амура. Они мотивировали свое решение тем, что на эти земли претендуют Китай и в случае возникновения военных столкновений с ним Россия окажется в затруднительном положении ввиду

отдаленности спорных территорий. Муравьев же доказывал, что Китай присутствует в данном регионе только номинально и что Невельской упредил захват этих стратегически важных для России земель англичанами. Александр Николаевич, прочитав секретный доклад Муравьева и переговорив с ним лично, поддержал мнение генерал-губернатора, санкционировав тем самым присоединение к империи значительной части Приморского края.

К моменту смерти Николая I в 1855 году Александр уже умел принимать самостоятельные и ответственные решения, сам вел дела секретных комитетов, обсуждавших вопрос отмены крепостного права, немало поездил по России и Европе, наконец, даже побывал под огнем на Кавказе.

Глава восьмая. Плоды

После коронации (1855 г.) новый император отправляет в отставку наиболее одиозных николаевских сановников и амнистирует декабристов.

19 марта 1856 г. в манифесте об окончании Крымской войны Александр II намекает на возможность судебной реформы и новой эпохи Просвещения: “Да утверждается и совершенствуется ее (России) внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее; да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности”. . . .

30 марта император произносит исторические слова об отмене крепостного права – “лучше. . . свыше, нежели снизу”.

В 1856 г. Александр II способствует расширению гласности, созданию новых журналов и газет.

3 января 1857 г. царь открывает Секретный комитет для обсуждения мер по устройству помещичьих крестьян; вводит в Секретный комитет либерально настроенного брата и соратника – великого князя Константина Николаевича.

В декабре 1857 года Александр II объявляет начало освобождения крестьян с землей и распоряжается сформировать в каждой губернии дворянский губернский комитет для обсуждения “местных особенностей и дворянских пожеланий”.

Император столкнулся с оголтелым сопротивлением помещиков. Именно в эту пору граф Бобринский цинично спрашивал Милютина: “Неужели вы думаете, что мы вам дадим кончить это дело? Неужели вы серьезно это думаете?. . . Не пройдет и месяца, как вы все в трубу вылетите, а мы сядем на ваше место”.

Но в эпоху коренных преобразований верховная власть обычно прогрессивнее, лучше среднего звена. Она дальше, глубже видит интересы правящего класса, сословия, слоя, нежели сам этот слой, эгоистически ограниченный и недалевидный.

Прежде и Александр I, и Николай I отступили, а Александр II наступает.

Александр II: “Крепостное право установлено самодержавной властью, и только самодержавная власть может его уничтожить, а на это есть моя прямая воля”.

14 января 1861 г. Проект реформы обсуждается в Главном комитете.

28 января – 16 февраля 1861 г. Обсуждение в Государственном совете.

Последние (в некоторых случаях успешные) попытки крепостников уменьшить объем уступок крестьянам.

19 февраля 1861 года Александр II в одиннадцать часов отправляется в кабинет, куда государственный секретарь Бутков должен принести журналы Государственного совета и другие главнейшие бумаги по главнейшему делу. Царь приказывает отпереть церковь, молится один, решительно возвращается в кабинет, начинает подписывать – требовалось более тридцати раз поставить свое имя.

Царь пишет на поднесенных ему бумагах: “Быть по сему. Александр, 1861 года февраля 19-го”.

Рабство пало по манию царя.

"В нашем прошлом . . . нет другого события, одинаково важного по своему историческому значению. Возвращая свободу крепостному населению, реформа 19 февраля восстанавливала в стране нормальный государственный состав. До нее Россию можно было называть Русским государством только в условно преувеличенном смысле. Это не было государство русского народа", – писал В. О. Ключевский.

Крестьянская, земская, судебная, военная реформы, как и все остальные, происходили одновременно.

Просвещение

Над отечеством вставала заря просвещенной свободы.

Правление Александра II совпадает с годами всемирно-исторической по своему значению литературной активности Ф. М. Достоевского, которого тот вернул с каторги и с которым почти одновременно умер. В письме к Александру из Семипалатинска Достоевский обращался к нему: "наш ангельский царь".

Царствование Александра Второго было эпохой величайшего самовыражения России в творчестве Достоевского, Тургенева, Толстого, Гончарова, которое сразу же стало достоянием человечества.

Новая литература России открыла новые типы, разработала пласт экзистенциальных проблем. После Шекспира и Сервантеса человеческая мысль еще ни разу не становилась столь глубокой, серьезной и дальновидной.

Просветительская политика Александра создала широкий слой русского читателя, без которого невозможен сколько-нибудь значительный литературный процесс.

Лев Толстой летом 1861 года, поднимая на банкете в Туле бокал за царя-освободителя, сказал : "На самом деле мы обязаны освобождением одному только императору".

В 1863 году Толстой начал писать "Войну и мир".

Мировое звучание приобрела также поэзия Афанасия Фета, музыка Петра Чайковского, живопись Василия Васильевича Верещагина и Ильи Репина, историография Сергея Сольвьева.

В 1872-1880 годах был создан великий шедевр Александра Михайловича Опекушина – памятник А. С. Пушкину в Москве, самый знаменитый русский монумент.

В том же духе действовала и университетская реформа. Полиция не имела права входить в университет.

Новый университетский устав повышал автономию, административную и хозяйственную самостоятельность университетов, права студентов и преподавателей самим решать научные проблемы, объединяться в кружки, ассоциации. Отменялись вступительные экзамены, но более строгими делались выпускные.

Последующие огромные успехи русской университетской науки доказывают, что это были правильные, прогрессивные, благодетельные меры, заслуживающие не буквального, но творческого возрождения.

Нравственный урок – важнейшая сторона просвещения.

В 1860-х выходят в свет декабристские и пушкинские материалы, прежде цензурно невозможные. Россия стала другой.

И все же Просвещение безнадежно отставало от условий самостоятельной жизнедеятельности, предоставляемых свободой. Бывшие рабы возжаждали не свободы, а власти. Отсюда – революционное движение.

В. О. Ключевский отмечал, что Александр II заметно отличался от своих ближайших предшественников отсутствием склонности играть царя. Он не хотел

казаться лучше, чем был, и часто был лучше, чем казался.

По отзывам современников новый самодержец отличался здравым умом, зорким глазом, цепкой памятью. Воспитание В. А. Жуковского, в котором общечеловеческие ценности преобладали над идеологическими установками, дало плоды. Человечность, умение поступиться своими представлениями, опровергнутыми практикой, гибкость, способность видеть жизнь во многих ее проявлениях, без шор, понять и принять новое—эти свойства личности Александра II проявились в годы его царствования.

"Никто не сделал больше него для России, хотя ни ему, ни его современникам не было дано видеть добрые плоды его трудов, а пришлось только испытывать терния, рассеянные по пути.

Он погиб жертвою стремлений, не им вызванных, не им разнузданных, а составляющих глубочайшую язву современного человечества и сталкивающихся в малообразованном обществе в особенно безобразных формах. Нет в мире ужаснее явления, как взбунтовавшиеся холопы, а таковы именно нигилисты", – утверждал правовед, философ, историк Борис Николаевич Чичерин, своими глазами видевший царствования четырех российских самодержцев, в полной мере осознав и губительность самовластья Николая I, и профессиональную беспомощность и упрямство его правнука Николая II.

Александром был сделан заметный шаг по пути превращения страны в конституционную монархию. Огромное помещичье землевладение осталось, но крестьяне освобождены и до начала XX века, до 1902-1906-го серьезных аграрных беспорядков в стране нет. Самодержавие тоже налицо, но все же с земствами, судами, с куда более свободной, чем прежде, печатью, новой армией.

Проект очень осторожных конституционных преобразований был подан императору в 1881 году, и тот предварительно одобрил его и утром 1 марта распорядился о созыве Совета министров, собиравшегося только под председательством самого государя, для окончательного редактирования текста сообщения. Александр II вздохнул с облегчением, наконец приняв столь опасное для российского общества решение. Граф Петр Александрович Валуев, один из последних сановников, работавших с царем, вынес о его настроении самое благоприятное впечатление. «Я давно, очень давно не видел государя в таком добром духе и даже на вид так здоровым и добрым», — вспоминал он на следующий день. После разговора с Валуевым император отправился в Манеж, оттуда заехал в Михайловский дворец, к родственникам.

На пути из Михайловского в Зимний, на набережной Екатерининского канала Александра II подстерегала смерть.

Возможно, что российское общество приняло бы депутатские комиссии, как приняло земство, и тогда бы росток парламентаризма, брошенный в почву этими комиссиями, пророс и надежда на сотрудничество власти и общества обрела бы реальный механизм для этого.

Случись такое, и явился бы на свет парламент, пусть слабый, в значительной степени совещательный, и сбылась бы с опозданием на полвека мечта Сперанского – самодержавие было бы ограничено законодательным органом.

Александр II погиб, сделав свой выбор в пользу интересов общества, как бы ни был для него этот выбор мучителен, и тем самым в конце жизни подтвердил свою историческую репутацию ВЕЛИКОГО РЕФОРМАТОРА.

Заключение. Уроки воспитания царя-освободителя

В основу воспитания Александра II были положены естественные науки и математика.

Какая связь между серией социальных революций, поскольку царствование его величества – это серия реформ, тяжелых войн, огромных изменений – так вот, какая связь между этими судьбоносными действиями и законом всемирного тяготения?

Оказывается, чтобы новый жилец земли, растущий человек мог уважать закон и создавать закон, нужно как можно раньше столкнуть его с законосообразностью мира и с непреложностью великих законов, по которым мир создан и движется.

Умный педагог, способный воспитывать себя, требует от молодых людей только того, что требует от себя и что действительно практикует. Жуковский отпустил своих крестьян на свободу, оставшись поэтому без средств к существованию (кроме жалованья от царской семьи).

Сама среда школы должна учить побеждать в жизни

Образование личности требует сопряжения, органического сращения двух одновременно действующих влияний: поведения окружающих людей и опыта, практикования, упражнения, совершенствования собственного мышления воспитуемых.

Но этот двуединый метод обучения приобретает неотразимую действенность, только когда он с необходимостью вытекает из обстоятельств, из логики окружающей среды. Тогда, и только тогда поведение окружающих людей не носит в восприятии обучаемых искусственного, специально для них демонстрируемого характера. Тогда, и только тогда упражнения перестают быть данью насильственным требованиям малопонятных взрослых.

Самостоятельное взаимодействие нового растущего человека со средой, в устройство которой заложена необходимость этического мышления, — вот что способно давать прочные результаты образования. Стало быть, окружающая среда, чтобы стать и оставаться воспитывающей и развивающей, ставит перед воспитуемыми необходимые для них задачи и дает материал для их самостоятельного разрешения и, в частности, средства поисков таких материалов.

Трудности, если они не чрезмерны, — вот королевский путь к желанным целям. Воспитанников лица важно обеспечить опытом преодоления посильных и все возрастающих трудностей.

Воспитание трудностями включает в себя широкий спектр заданий. Сюда входит и ограничение времени для выполнения работ, и необходимость строгой последовательности в ее выполнении, и повышение ответственности за собой в коллективном труде, и постепенное увеличение числа условий в задаче, и требование строгих доказательств правильности принимаемых решений и предпринимаемых действий. Не делать трудное легким, сложное простым, а вести вновь приобщающихся к культуре от трудного к трудному, от сложного к сложному, но вести не на помочах.

Конечно, здесь важно не переусердствовать: трудности должны быть посильными. Дело в том, что чем моложе наш воспитуемый, тем скорее он склонен испытывать неприязнь и даже отвращение к любой с трудом дающейся работе, никак не поддающейся его усилиям.

Люди часто выходят из учебного процесса обедненными и опустошенными, поскольку формальная и далекая от жизни учеба лишает их свободной игры физических и душевных сил.

Развитие способностей

Главное в образовании – развитие генеральной человеческой способности, без которой вообще ничего хорошего нет, – трудоспособности. Без нее нет решения нетиповых задач, преодоления препятствий, взаимопомощи, сотрудничества.

Управление собой, внутренняя свобода, искусство побеждать, предупреждение об опасностях — вот что необходимо молодости.

Человек есть то, что он чувствует, думает, делает. Чувства составляют треть всех способностей души (другие две трети — интеллект и воля). Человечеству известны безотказные пути обучения, ведущего новое поколение к верным чувствам, а от них — к уму, достоинству, нравственности, здоровью, профессии, мировоззрению и силе преодолевать вредные влияния.

Воспитание чувств, вкуса стоит на первом месте, потому что без них невозможно познание добра, без них нет правильной мысли.

Самое надежное в развитии силы мышления — это укоренение чувства истины, любви к истине, непредубежденного и бескорыстного интереса к истине.

Недостатки превращаются в достоинства, когда воспитатель опирается на лежащие в их основе страсти. Не искоренять надобно страсти, а научить человека властвовать собой.

Чувства, непосредственные реакции и предвосхищения — почти химическое соединение. Оно во многом руководит поведением людей.

И школе очень стоило бы заботиться, чтобы молодые люди могли истинно полюбить доброе и невзлюбить злое.

Воспитание чувств предполагает непосредственное общение с произведениями музыки, изобразительных искусств, театра и сильное собственное художественное творчество.

Исторически накопленная культура, сконцентрированная в искусстве, — это лучшая, хотя и не единственная, школа жизни, потому что эти пласты культуры не навязывают убеждений, а убеждают, не декларируют истины, а вовлекают в ПЕРЕЖИВАНИЕ и осмысление их.

Необходимо строго отбирать первые восприятия — это они формируют вкус, закладывают предпочтения, дают наслаждения, которым суждено стать воротами в познание.

Искусства, художества и ремесла суть главная тайна успешного развития способностей.

Вооружить людей способностью к достойной человека жизни — значит натренировать их в правильном решении все более сложных проблем жизни, не отделяя ощущения от мысли, действий от их рефлексии, теории от практики, культуры от действительности, поэзии от правды.

Какую культуру, культуру чего, какими способами, в какой последовательности и благодаря какому другому человеку усваивает данный человек — вот чем определяется его сила, счастье и судьба.

Гуманитарная культура при этом не может быть с лакунами и купюрами; иначе она станет ложью. Обо всем дурном и страшном, антигуманном и преступном в человеческой истории необходимо сообщать лицеистам. Зато уж и доброе, и классически прекрасное не может не присутствовать в учебном плане, пусть хотя бы и фрагментарно и по необходимости кратко.

От новых поколений скрывается то, что питает лучшее в культуре мира на протяжении тысячелетий и до сего дня, что вечно остается образцом высочайшего вкуса, гармонии и мудрости. Огромны художественные, нравственные и интеллектуальные потери людей от их невстреч с достоянием всей просвещенной части человечества.

Вслед за художественной культурой идет философская.

Философия многолика. В качестве науки о науке, мышления о мышлении, теории и критики разума — философия вводит учащихся в секреты разыскания, проверки и углубления познаний. В качестве мудрости философия учит искусству побеждать в жизни, не нанося урона себе, другим, природе.

Философия показывает растущему человеку, какие существуют продуманные и выстраданные человечеством типы мировоззрений. И это важно для защиты детей и юношества от множества бед и страданий, потому что мировоззрение — не только осознание действительности, не только принципы жизни, но и самый образ жизни, способ, качество, характер жизни человека.

И в трудную минуту, в миг опасности, когда не остается времени на раздумья, и выбор, и решение, и способ действия должны проявиться спонтанно, вот тут-то и “срабатывают” автоматизмы психики, здесь-то и сказываются истинные, а не демонстрируемые идеалы, убеждения, совесть, жизненные стремления, вкусы и интересы, ценности человека — словом, его мировоззрение.

В качестве мировоззрения, критики истории и общества, понимания устройства и сущности мира философия раскрывает секреты решения мучительных и жгучих для самоопределяющейся юности проблем смысла, цели и назначения жизни. Философия призвана дать добротный материал для благополучного разрешения философских драм ранней молодости.

Развивающие способности методы обучения

Истинное хорошее образование есть путь от неосознаваемого бытия, от накопления стихийного опыта жизни к предельно возможному для личности прояснению понятий — пониманию сущности вещей, явлений, процессов мира. Содержанием образования личности становится поэтому, в частности, понятие. Ход научного образования должен следовать смысловой организации объективного опыта, как личностного, так и общечеловеческого. Подлинное образование дает постепенное соединение, слияние личного опыта человека, опыта его конкретного жизнедеятельствования с понятием.

Временн'ая последовательность этого пути — составление понятия о целом, о мире, но это лишь фундамент знания. Это понятие расчленяется внутри себя, конкретизируется, обогащается, разветвляется, систематизируется по мере углубления человека в предмет и в самого себя, в способы собственного познания. Здесь необходима работа рассудка — анализ, который придает дальнейшее движение привычному, устоявшемуся, застывшему в сознании человека.

Труд души требуется для преодоления инерции сначала чувственного способа мышления, представлений, а потом — и инерции суждений, субъективных, неточных, недостаточно ясных. Проверке должно подвергнуться теперь и само мышление, его пути, надежность его методов, орудий, средств.

Чему обязан научиться образующийся человек, — пристально следить за жизнью изучаемого предмета, сливать движение своей мысли с его движением, постоянно отказываясь ради правды этих наблюдений от прежних знаний, от предвзятости, от своей субъективности.

Нужна непрерывная напряженная самокритика мышления, рефлектирующая проверка и очищение его, неизбывное ощущение его недостаточности, постоянная самокорректировка. Определяющее в содержании образования поэтому — обучение мужеству, терпению, упорству в разысканиях истины.

Душа постепенно подчиняет себе тело: работу руки, этого орудия орудий, мимику лица, движения головы и т. д. Образование ведет человека от знания (просто и только представления о том, чем является данный предмет) к познанию (понятию о сущности, природе предмета, его месте в системе мира, причинах, пружинах и тенденциях его развития).

Движущая сила образования — внимание, особенно произвольное; для него необходима рефлексия — самосознание собственной деятельности. Предметом рефлексии должны стать и чувства; став предметом созерцания, они подчиняются разуму и воле. Образованный человек чувствует глубже и тоньше, чем

необразованный, так как рассматривает свои чувства и их предмет со множества открывающихся при этом точек зрения и в то же время он превосходит необразованного человека властью над своими чувствами.

Научившись рефлексии и тем самым богатству содержания и произвольному вниманию, человек дорастает до интеллектуального созерцания, которое позволяет ему охватить изучаемый предмет в его целостности. Только после этого он может продвигаться к рассмотрению частных и деталей изучаемого предмета или области знания.

Изучая философию, человек обретает мужество мышления и избегает самонадеянности, незрелости, безнравственности ума, которому истина недоступна.

Школа должна учить мыслить, особенно в наше время, когда много знать необходимо, но недостаточно. Важна способность самостоятельно принимать решения в сложных подчас ситуациях. Способность отличать истину от лжи.

Один из способов — дать образец раздумья, продемонстрировать, как обнаруживаются, формулируются, решаются задачи и как проверяется правильность полученных решений. Примером может служить такой рассказ преподавателя, слушая который, ученики находили бы все новые для себя вопросы, выдвигали бы предположительные ответы на них, ставили бы, когда возможно, мысленные эксперименты, проверяя свои решения.

Только ставьте и не очень поспешно разрешайте взаимосвязанные вопросы. Ведь мы стремимся вооружить молодость умением ПРАВИЛЬНО решать проблемы. Так дадим же образцы приложения ПРАВИЛЬНОГО метода.

Покажите, что задача возникает из противоречий между нашим знанием (или мнением) и фактами действительности. Затем — сбор новых фактов, доказательств, проверок. Вновь возникают противоречия! Все рушится. Все начинается снова: гипотезы, факты, противоречия. Мысль движется!

Драматические страницы борьбы человечества за истину — бездонный источник материала для полезнейших проблемных ситуаций, захватывающих своим интеллектуальным напряжением.

Есть ЗАКОН: помощь преподавателя в активной умственной (и любой иной) деятельности детей постепенно должна уменьшаться, а самостоятельность обучающихся — увеличиваться.

Сначала они подражают образцам мыслительного процесса, которые демонстрирует преподаватель. Получая от него поддержку первых попыток самостоятельного рассуждения при ответе на вопросы, студенты приобретают опыт осторожного и постоянно проверяемого суждения. Это только начало. Следующей заботой будет выявить самые способы умственных действий: как мы это узнали? это предположение (гипотеза) или точное знание? нет ли смысла провести здесь сравнение с другими фактами? как применить это знание в других случаях? и т. д. И, наконец, — тренировка в самостоятельном составлении учащимися новых задач и их решении.

Это — обучение, с потрясающей силой запечатленное в человечестве великим Сократом. Оно во всем противостоит обучению, при котором ученики переваривают готовую информацию.

Сократическое обучение не стремится сделать учеников похожими на учителя. Развивать способности у растущего человека — значит помогать родиться тому, что уже зародилось или зреет в его душе. Образовать человека — значит вести его от еще не осознанного к истине, глубине, тайнам.

Чтобы достичь этого, достаточно и необходимо, как это было у Сократа, чутко и сугубо по-дружески заботиться о совершенствовании лучшего в неповторимом своеобразии каждого из друзей-учеников.

И высшая задача воспитателя — стать ненужным, пробудив сердце и, стало быть,

разум учеников для берегаемой от ошибок деятельности.

Человек из глубины собственной души должен черпать, созерцая и размышляя, все то, что будет для него действительным и истинным в жизни, а затем доказывать это на деле. Здесь важно единство информации с конкретной деятельностью; переживание действительности, изучение окружающей жизни, усвоение культуры в ходе решения посильных задач каждодневности.

Содержание образования

Перед нами стоит задача разработки такого содержания образования (т. е. единства обучения, воспитания и развития) и одновременно подготовки таких преподавателей, которые позволили бы в новых исторических условиях воспроизвести эффект Царскосельского лицея и "Маленькой школы".

Мы не можем просто повторить то – историческое – содержание образования. И не можем просто поднять на более высокий, чем в современных школах, методический уровень наличное содержание образования, поскольку оно не нацелено на свободную игру душевных сил, в ходе которого растущий человек тренирует свои сердечные и умственные "мускулы". Нам предстоит создать новое содержание образования, и никто в мире не сделает этого за нас.

Как возможно истинное образование здесь и теперь?

Во–первых, никто не в силах нам помешать поместить детей в атмосферу свободы, которую они должны иметь, чтобы научиться ею разумно пользоваться, то есть ограничивать себя. Свободен тот, кто осознанно и добровольно ограничивает свою свободу ради свободы других, которые, в свою очередь, делают то же самое. Это значит, что ребятам надо предложить участвовать в разработке и соблюдении норм (этических установлений, законов, правил, обычаев, традиций), а также институций школьного братства.

Во–вторых, жизнь в школе может строиться по канонам красоты, которые включают в себя лучшее из мировой литературы, этикета и других искусств (искусство жизни как самоуправление и искусство управления как образ жизни).

Атмосфера школы пропитывается высокими образцами ИГРАЮЩЕГО человеческого духа, достижения которого переживаются, обсуждаются, служат моделями жизненного стиля. школьников поощряют к художественному творчеству. На первом месте стоит музыка, на втором – поэзия, на третьем всё остальное (включая non-fiction и эссеистику). Много тренируется искусство постигать искусство. В поведении поощряется аристократизм: четкая артикуляция, тихий ровный голос, минимизация эмоций (жестов и мимики), внешнее бесстрашие (уравновешенность, спокойствие), мягкий юмор, высокая простота в общении, абсолютная невозможность перебить речь другого и т. п. Не упускаются случаи подчеркнуть красоту мысли, особенно математической, красоту логики, красоту изобретений.

В–третьих, школьников почти непрерывно можно и должно учить искусству мыслить. Колоссальна роль образцов глубокой и плодотворной мысли. Лицеистам необходимо прошествовать, проследить, сопроводить своей мыслью ход мысли великих мыслителей, изучив классически продуманные, иногда до конца, исчерпывающе продуманные цепочки мысли. В лицее уже сейчас создается культ логической достоверности и точности, профилактики и изживания логических ошибок, культ внутренней и внешней критики источников, проверки и перепроверки информации. Науки и их данные преподносятся в качестве процесса, открытого в будущее. Поощряется воздержание от поспешного суждения без необходимых и достаточных к нему оснований. Место необоснованного мнения занимает обоснованное знание. Практикуется и тренируется грамотное вероятностное (стохастическое) мышление. Поощряется склонность и способность выдвигать и проверять гипотезы. Огромное место в жизни лицея занимает искусство

стратегического мышления (с опорой на теорию игр и принятия решений).

Среди всех наук и искусств (равноправных в своем ценностном статусе) есть первые среди равных: наука логики и искусство быть логичными. В содержании образования достойное место занимает не только аристотелевская, но и все виды современной логики. В лицее поощряются умные вопросы школьников, вопрошание как потребность, томление «духовной жажды».

Значительное время будет уделяться истории наиболее крупных заблуждений и связанных с ними катастроф из архива ошибок человеческого разума, что необходимо для воспитания осторожности и повышения точности суждений и умозаключений.

В–четвертых, все содержание позитивных наук делится на две части:

1–ю, ориентирующую в своей предметной области, и

2–ю, осмысливающую свой материал и результаты.

Это значит, что, например, география не ограничивается констатацией своих фактов, а делает из них выводы и обобщения. Химия не только оперирует понятием валентности, но и рассматривает категорию валентности с точки зрения фундаментальных атрибутов субстанции. Стало быть, все научное образование дополняется философско-научным.

Мировоззрение – не только осознание действительности, не только принципы жизни, но и самый образ жизни, способ, качество, характер жизни человека. В трудную минуту, в миг опасности, когда не остается времени на раздумье и выбор, решение и способ действия должны рождаться спонтанно, вот тут–то и "срабатывают" автоматизмы сознания, здесь–то и сказываются подлинные, а не демонстрируемые идеалы, убеждения, жизненные стремления, вкусы и интересы, ценности человека – словом, его мировоззрение.

Итак, свобода + облагороженные чувства + мощный ум + целостная и системная картина мира дают то, чем были сильны Царскосельский лицей и "Маленькая школа", а именно – свободные искусства (*artes liberales, arts libérales, liberal arts, arti liberali, Artistenfakultät*), или (что то же самое) науки для свободных людей. Их содержание сосредоточено всего лишь в двухстах книгах, созданных человечеством на всем протяжении его культурного развития.

Россиеведение. Содержание образования в отечественной школе должно центрироваться вокруг россиеведения и россики (зарубежного россиеведения).

Целостного и системного россиеведения как науки пока не существует, хотя спорадические попытки создать учебный предмет под таким названием делаются. Нам необходимо фактически сотворить системное россиеведение, поскольку мы готовим специалистов по России, а подготовить их серьезно можно, только привлекая школьников к разработке соответствующих научных проблем. Лицеисты вовлекаются в работу кафедр, разрабатывающих ту или иную компоненту россиеведения. Например, кафедра английского языка может вести научные исследования по сравнительному и историческому языкознанию о взаимном влиянии русского и английского языков. То же – о литературах. И т. д.

Иными словами, мы не сможем обучить школьников России, не превратившись в мировой центр научного исследования России, в мировой дискуссионный клуб и аналитическую институцию по проблемам России.

Из работ В. А. Жуковского 1845–1850 годов

Что такое воспитание?

Что такое воспитание? Этот вопрос разрешится сам собою, когда будет разрешен следующий: что такое здешняя жизнь? Здешняя жизнь есть приготовление земного

человека к жизни высшей. Воспитание есть приготовление души человека к принятию уроков здешней жизни. Какую бы форму ни имели сии уроки, их смысл всегда один и тот же. Открытие этого смысла, независимо от формы, которой определение принадлежит Промыслу, есть высший предмет воспитания. Для достижения сего предмета должна быть в здоровом теле образована здравая душа, верно мыслящая, свободно действующая, чисто чувствующая, смиренно верующая.

Цель воспитания есть та же, как и цель жизни человеческой. Сама жизнь здешняя не иное что, как воспитание для будущей; а вся будущая – не иное что, как бесконечное воспитание для Бога. Что есть назначение человека на земле? В одном слове: восстановление падшего в нем образа Божия. Воспитание должно в первые годы жизни сделать его способным пройти впоследствии несколько шагов для достижения этой цели. Человек образуется здесь не для счастья, не для успеха в обществе, не для особенного какого-нибудь звания, даже не для добродетели; он образуется для веры в Бога и для безусловного предания воли своей в высшую волю: из этого истекает все другое – счастье, успех, нравственность, добродетель.

. . . / Первое время воспитания особенно должно быть посвящено утверждению хороших привычек; основою всех других привычек должна быть привычка к повиновению. . .

Привычка производится собственным опытом, влиянием внешних обстоятельств, вспомогательным и постоянным содействием воспитания. Последнее тем успешнее, чем согласнее с действием опыта и чем более властвует обстоятельствами. Привычки могут быть умственные, нравственные и физические. . . .

Что такое привычка? Утвержденный образ действия физически или умственно или нравственно. Этот образ действия от многократного произвольного повторения становится постоянным, непроизвольным, и наконец сливается неразрывно с телом, умом и волей. Дарование добрых привычек и уничтожение дурных есть дело воспитания. Привычка не мешает свободе; ею только облегчаются действия свободной воли. Из сего следует, что воспитание есть положение твердого основания действиям нашего ума и воли посредством утверждения добрых привычек в то время, когда они в нас легко укореняются.

Чтобы составить себе ясное теоретическое понятие о главных правилах воспитания, надобно сперва утвердить понятие о назначении человека вообще, рассмотреть его природу, его телесные и умственные качества, и определить вообще средства, как усовершенствовать его добрые и исправить его худые склонности. Сей общий взгляд на человека будет то же, что карта для путешественника, не дающая понятия о земле, чрез которую надлежит проходить, но необходимая, дабы знать свою дорогу; все остальное откроет самое путешествие. Как для успешного путешествия нужно иметь предварительное сведение о местной природе посещаемой страны, о ее истории, о языке в ней царствующем; так и для успешного воспитания, сверх общих познаний о человеке и его свойствах, нужно знать особенную природу воспитанника и руководствоваться частными наблюдениями, дабы уметь применять практически общую теорию к частности и сею частностию изменять общее. Ибо нет теории, которая могла бы обнимать все частное. Теория без практики – Прокрустова кровать; практика без теории – корабль без руля.

. . . Сперва ребенок по привычке узнает непокорность силы, им управляющей, которой он принужден покориться; эта привычка обращается потом в ясное понятие о мудрой власти, которой он покориться должен. Если наблюдаена будет сия постепенность, то произвольная покорность весьма легко будет согласована с чувством свободы, и не повредит самобытности характера. Переход сей необходим. Руссо его не определил: он хочет необходимости и отвергает покорность. Но последнее выше первой.

. . . Мечтая о свободе и о совершенной независимости от всех условий общества, он и из воспитания исключает всякую зависимость. Его воспитанник не знает, что такое покорность, даже не имеет никаких привычек. Он покоряется одной необходимости, и то, что он делал вчера, не имеет влияния на то, что он делает нынче. Это легко говорить и писать; но на деле этого быть не может и быть не должно. В нас все привычка, и нынешний Я есть результат вчерашнего и всех прежних; мы привыкаем ходить, глядеть, слушать, думать, говорить – все дело воспитания состоит в том, чтобы дать телу и душе хорошие привычки и чтобы воспитанник получил эти привычки самобытно, собственным опытом, с развитием ума и воли, и чтобы направление, которое воспитание дает сему развитию, было согласовано с полною свободою, которая не иное что, как произвольная, твердая, постоянная покорность долгу, сказать одним словом: уничтожение своей воли пред высшею Божию волею.

Использованная литература

Аксакова, Вера Сергеевна, 1819-1864. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой: 1854-1855 / ред. и примечания Кн. Н. В. Голицина и П. Е. Щеголева. СПб. : Огни, 1913. vii, 174 с.

Александр II. 1857-1861: переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем, дневник Великого Князя Константина Николаевича / [составители, авторы вступительных статей, указателя и комментариев Л. Г. Захарова и Л. И. Тютюнник]. М. : Терра, с1994. 381 с.

Александр Второй: воспоминания, дневники / вступ. статья, составление, примечания и подготовка текста В. Г. Чернухи. СПб. : Пушкинский фонд, 1995. 444 с. (Чернуха, Валентина Григорьевна).

Афанасьев Виктор. Жуковский. М. : "Молодая гвардия", 1985. 397 с.

Библиотека В. А. Жуковского в Томске: отв. ред. Ф. З. Канунова и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978-1988. 3 т.

Богуславский В. М. Этьенн Бонно де Кондильяк. — М. : "Мысль", 1984. 189 с.

Бычков Иван Афанасьевич, 1858-1944. Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Императорскую Публичную библиотеку в 1884 году. 1887. 199 с.

Верховец Ю. Д. Незабвенное прошлое. 1899. 192 с. (Крестьянские знаменитости, самородки).

Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и "сердечного воображения". — СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1904. — xiv, 547 с.

Годы учения его императорского высочества наследника цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего государя императора. 1826-1828. [Т. 1 - 2]. СПб. : тип. Второго отделения е. и. в. канцелярии, 1880. [Т. 1: 6, IV, XXVI, 494 с. ; Т. 2: 6, 416 с.].

Жуковский и литература конца XVIII-XIX века / отв. ред. В. Ю. Троицкий. М. : "Наука", 1988. 319 с.

Зайцев Борис, 1881-1972. Жуковский; Жизнь Тургенева; Чехов: литературные биографии. М. : Дружба народов, 1994. 540 с.

Захарова Л. Г. Александр II // Романовы: Исторические портреты: 1762-1917. — М. , 1997

Зейдлиц К. И. фон. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. 1883. xiii, 256 с.

Иванов И. И. Император Александр II. 1899. viii, 157 с.

Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. Л. : "Наука," Ленинградское отд-ние, 1989. 285 с.

История царствования императора Александра II, царя-мученика, незабвенного царя-освободителя. СПб. : кн. маг "Народная польза", 1881. 79 с.

Ключевский В. О. Сочинения. В 8-ми т. Т. V. Курс Русской истории. Часть 5. М. : Изд-во соц. -экон. лит-ры. 1958. - 504 с.

Колосов А. Александр Второй, его личность, интимная жизнь и правление. Лондон, 1902. 56 с.

Конец крепостничества в России: документы, письма, мемуары, статьи / составление, общая редакция, вступительная статья и комментарии В. А. Федорова. М. : Изд-во Московского университета, 1994. 526 с.

Корф, Модест Андреевич Жизнь графа Сперанского: [т. 1-2] СПб. : Имп. Публич. б-ка, 1861. Т. 1: [2], XVIII, 283 с. Т. 2: [2], 388 с.

Лобанов, Василий Васильевич. Библиотека В. А. Жуковского: описание. Томск: Изд-во Томского университета, 1981. 414, [2] с.

Луковская Д. И. , С. С. Гречишкин, В. И. Морозов. Михаил Михайлович Сперанский (материалы к научной биографии) <http://www.hrono.ru/libris/speran00.html>

Ляшенко Л. М. Царь-освободитель: жизнь и деяния Александра II. М. : Владос, 1994. 240 с.

Николаев В. Александр Второй — человек на престоле: историческая биография. — Мюнхен: А. Neimanis Buchvertrieb, 1986, с1985. — 630 с.

Николай, Архиепископ Варшавский. Император Александр Благословенный и его время: исторический очерк. Minneapolis, MN. : Archives of Americans of Russian Descent in Minnesota, с1982. 77 р.

Нольде А. Э. М. М. Сперанский: биография / [Гапоненков А. , вступ. ст.]. М. : Моск. шк. полит. исслед. , 2004. 298, [2] с.

Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / под ред. А. Е. Грузинского. М. : Изд. М. В. Беер, 1904. 302, viii с.

Платонов С. Ф. Учебник русской истории. В двух частях. (1909-1910) / Под ред. А. А. Искендерова. Сост. Р. А. Бурлаковой. Вступ. статья В. А. Колобкова. М. : Прогресс, 1992. - 400 с.

Плетнёв П. А. О жизни и сочинениях Василия Андреевича Жуковского. СПб. : тип. Акад наук, 1853. 188 с.

Покровский, Василий Иванович, сост. Василий Андреевич Жуковский, его жизнь и сочинения. 1912. viii, 384 с.

Поливанов, Лев Иванович, 1838-1899. В. А. Жуковский и его произведения. 1883. 584, lix с.

Радзинский Э. Александр II: Жизнь и смерть – М. : Изд-во АСТ, 2006. 518, [1] с.

Речи, стихи и исследования написанные по случаю торжества священного миропомазания и венчания на царство Государя Императора Александра Второго. 1856. 196 р. в различной пагинации.

Романов Петр. Царь из пробирки <http://www.rian.ru/zabytoe/20060829/53261750-print.html>

Сафонов А. П. Исторический очерк жизни и царствования императора Александра II. 1886. vi, 138 р.

Седельников Н. Двадцатипятилетний юбилей императора Александра Николаевича. 1880. 2, 142 с.

Семанов С. Н. Александр II: История Царя-Освободителя, его отца и его сына. М. : Алгоритм: ЭКСМО, 2003. 414, [1] с.

Татищев, С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Москва: АСТ: Транзиткнига, 2006. 1006 с.

Тихомиров Л. А. , 1852-1923. Конституционалисты. 1895. 109 с.

Толстой, Лев, граф, 1828-1910. Лев Толстой и русские цари: письма царям, публицистика, повесть, рассказ, сказуи / составитель Н. Попова. Москва: КСТАТИ, 1995. 189 с.

Тумасов Б. Е. Александр II. Покуда есть Россия. – М. : Изд-во АСТ, 2006.

- Тынянов Ю. Н. Пушкин. Москва: Эксмо, 2006. 605, [2] с.
- Фенелон Ф. Приключения Телемака (сына Улисса). Киев, 1909. 63 с.
- Фенелон. Избранные духовные творения Фенелона, архиепископа Камбрейского, ч. 1–4. М., 1820–1821.
- Фенелон. Телемак, сочинение Фенелона. Новый перевод Федора Лубяновокого в 2 частях". СПб., 1839.
- Чичагов Л. М. Дневник пребывания царя-освободителя в Дунайской армии в 1877 году. СПб.: Сатис, 1995. 518 р.
- Чичерин Б. Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская дума. М.: "Север", 1934. 372 с.
- Шумахер А. А. О жизни и деяниях императора Александра второго. Ист. рассказ для нар. чтения. Спб.: тип. С. Добродеева, 1886. 4, 164 с.
- Эйдельман Н. Я. Твой XVIII век; Прекрасен наш союз. . ., М., изд. "Мысль", 1991. 397 с.
- Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России / Вступ. ст. Н. Н. Покровского. – М.: Книга, 1989. 172, [2] с.
- Янушкевич А. С. Круг чтения В. А. Жуковского 1820—30-х годов как отражение его общественной позиции // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. I. / Отв. ред. Ф. З. Капунова. — Томск: Изд-во Томского университета, 1978. — 529 с. - С. 466-521.
- Almedingen, Edith Martha, 1898-1971. The Emperor Alexander II. London: Bodley Head [1962]. 367 p.

КОНЕЦ

©Борис Михайлович Бим-Бад, 2007 год